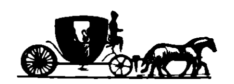

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПИСЬМА К БЕРБЕРОВОЙ И ХОДАСЕВИЧУ

З. Гиппиус

ЗИНАИДА ГИППИУС

ПИСЬМА К БЕРБЕРОВОЙ

И

ХОДАСЕВИЧУ

Edited by

ERIKA FREIBERGER SHEIKHOLESLAMI

ARDIS / ANN ARBOR

ACKNOWLEDGEMENTS

I am deeply grateful to Nina Berberova for permission to edit and publish, from her private archives at the Yale University Library, her collection of letters from Zinaida Gippius to her and to Khodasevich. I have also been fortunate to have had her advice and patient help in the preparation of this manuscript. I thank her as well for supplying the photographs reproduced in this book.

I would like to especially acknowledge the courtesies extended me by the staff of the Beinecke Collection, Yale University Library.

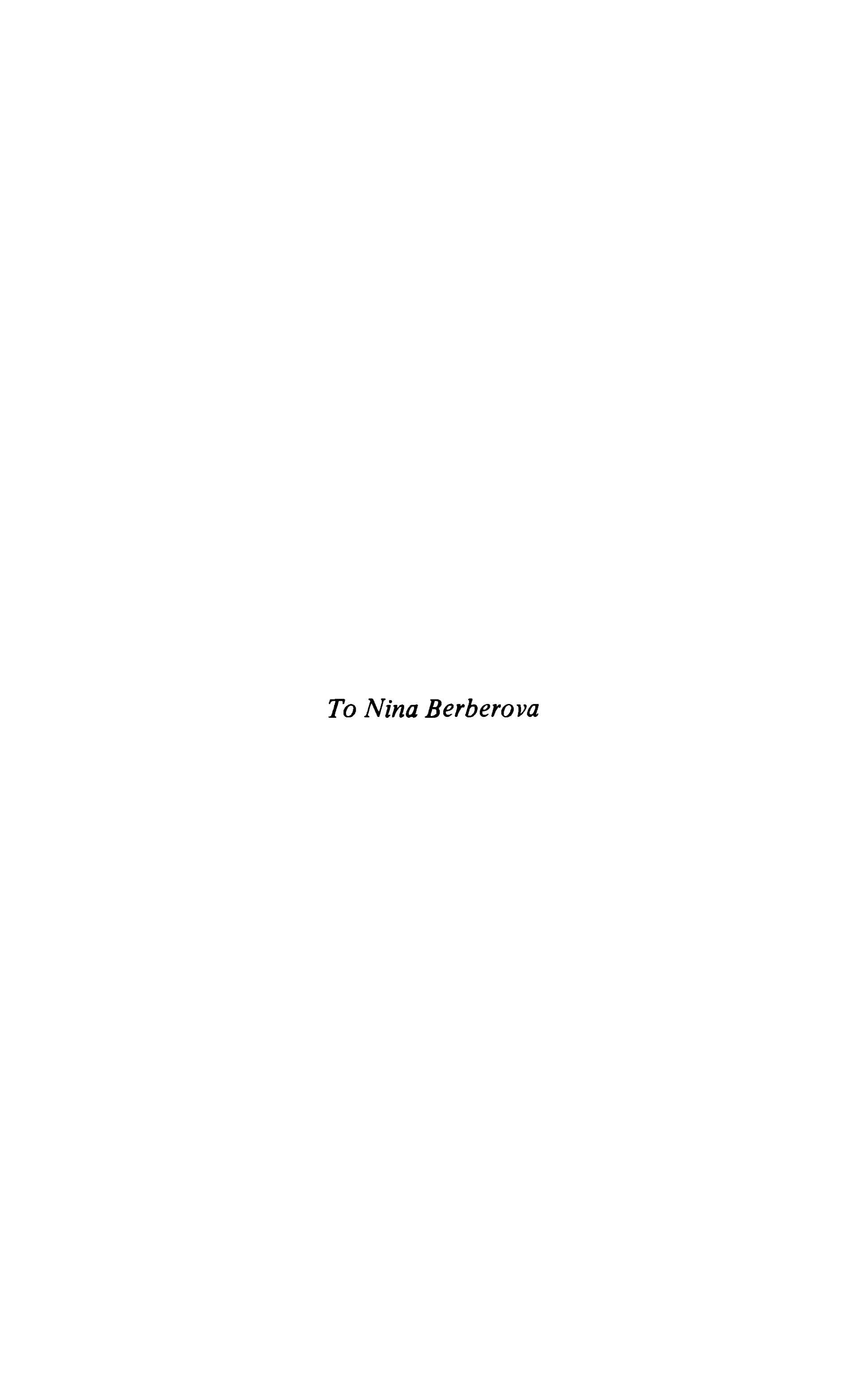
Publication of the book was partially supported by a research grant from the Division of Arts and Sciences of Glassboro State College, awarded in the Spring of 1976, and with financial and clerical assistance from the Department of Foreign Languages and Literatures at Glassboro State College.

Erika Freiberger Sheikholeslami

Письма к Берберовой и Ходасевичу

Published by Ardis, 2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104.

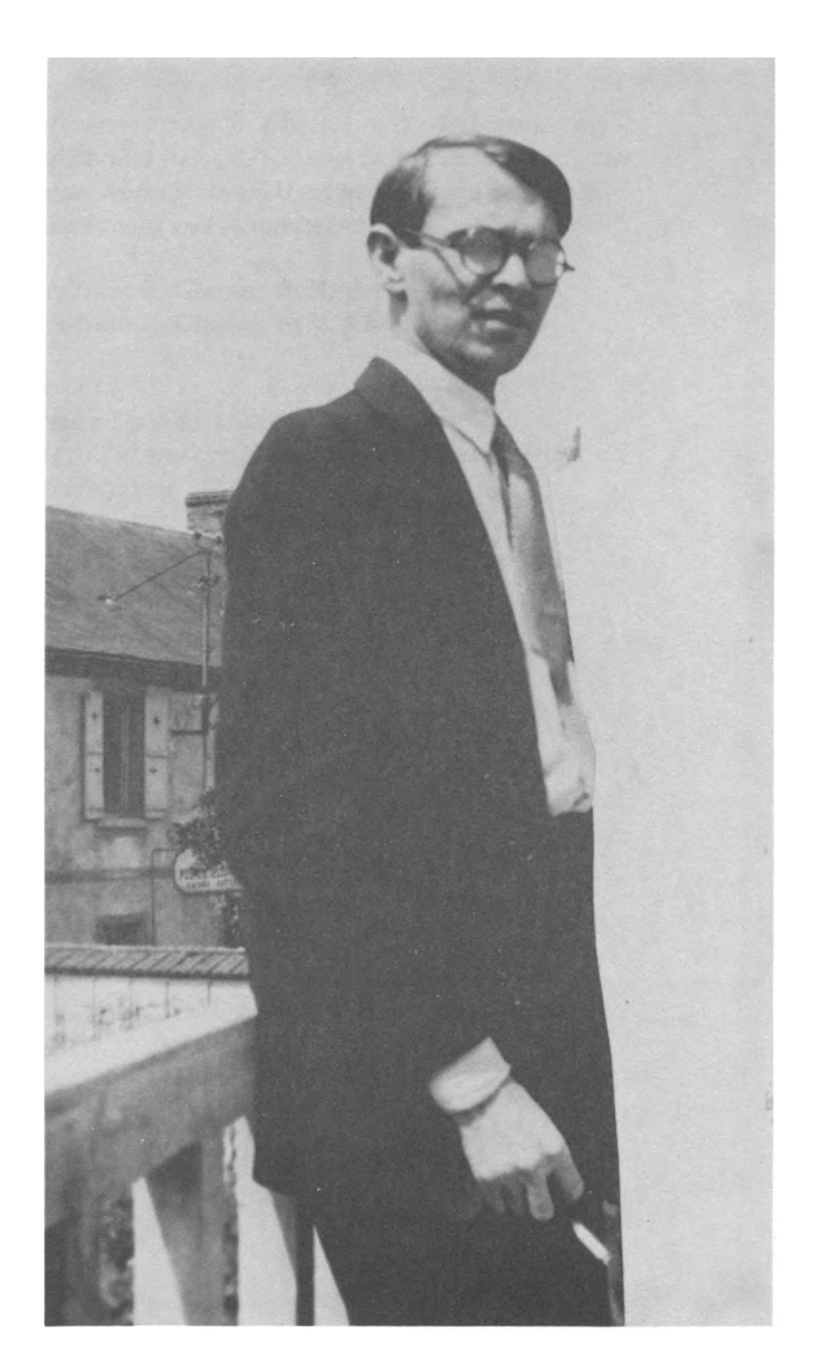
ISBN 0-88233-297-X (cloth)
ISBN 0-88233-298-8 (paper)

To Nina Berberova

Н. Берберова, 1928 г.

В. Ходасевич, 1930 г.

CONTENTS

PREFACE

This book includes twenty-five letters and two poems by Zinaida Nikolaevna Gippius to Nina Nikolaevna Berberova, wife of Vladislav Felitsianovich Khodasevich, and fifty letters by Gippius to Khodasevich.[1] The letters span the years 1925, when Berberova and Khodasevich settled together in Paris, to 1939. They break off in 1931, which was due to Berberova's and Khodasevich's growing disinterest in Gippius, Merezhkovskii, and their circle. Shortly before Khodasevich's death in 1939, Gippius once more wrote to her former friends.

Many of the letters were written during the heyday of Russian literary Paris during the years 1925/26 and 1930/31. In them we get a glimpse of its literary activities and preoccupations. The Merezhkovskiis constituted one of its main intellectual centers. Every Sunday afternoon in the twenties and thirties, until spring 1940, Russian writers gathered at the Merezhkovskiis' apartment on 11 bis Rue Col. Bonnet, except when the Merezhkovskiis went away. This apartment had a library with pre-revolutionary books, journals, and furnishings which came from an apartment the Merezhkovskiis had maintained in Paris before the Revolution.

Berberova and Khodasevich were frequent guests at these "Sundays" until the early thirties.[2] They also attended the meetings of the "Green Lamp," which had been organized by Gippius and Merezhkovskii, and which first met on February 5, 1927. At the opening meeting Khodasevich, whom Nabokov hailed upon his death as "the greatest poet of our time . . . the pride of Russian poetry as long as the last memory thereof is alive,"[3] gave a historical review of the first "Green Lamp" at the beginning of the 19th century, in which Pushkin participated. Stenographic reports of the lectures and discussions of the Parisian "Green Lamp" were published in the magazine *Novyi Korabl'*, a publication which succeeded *Novyi Dom*, after Berberova had left as its editor, due to increasing interference by the Merezhkovskiis. The gatherings of the "Green Lamp" were discontinued.

Gippius's letters to Berberova initially show Gippius's great interest in Berberova's new enterprise, the founding of *Novyi Dom*. It was meant to be a new home for young emigre writers, who had started publishing abroad after the Revolution. The letters reflect Gippius's general interest and desire to keep in contact with the younger generation of Russian writers, to many of whom she was a literary mentor. She offered advice, encouragement, and criticism to Berberova both in her editorial and creative work as a writer. However, her feelings for Berberova went beyond those of a literary mentor, as these letters show. Gippius was very fond of young Berberova, whom she addressed as "Ninochka" or "Ma douce petite." She stressed that her feelings toward her were not of the "motherly" kind. Motherly feelings were always

totally alien to her. Gippius wrote several poems while Berberova visited her in the south of France, which were inspired by Berberova.[4] She dedicated the poem "V. Zh." (Vechnaia Zhenstvennost') in 1927 to her, a dedication which she later rescinded when their relationship had become strained.

Gippius respected Khodasevich very highly; he was the chief literary contributor to *Vozrozhdenie*. She discussed literary affairs with him, and freely offered her opinions on Russian writers and their writings. In her letters to him she displays her sharp wit and caustic tongue, for which she was famous, in her judgements as well as misjudgements of her contemporaries. Thus, for instance, she totally ignored Nabokov-Sirin. The letters reveal her as a strong-minded, self-centered woman whose nature made it impossible for her to establish any permanent relationships.

One of the main themes which run through many of the letters to both Berberova and Khodasevich is the question "Chto delat' emigratsii?" Gippius, like many of her fellow writers, was concerned with the position of the Russian emigration and the role of emigre literature.

In a letter to Khodasevich (dated 9/26/29) Gippius responded to him concerning the "here" (the Russian emigration) and the "there" (Soviet Russia) and the emigres' position beyond what she called "closed gates." The Merezhkovskiis' attitude was always uncompromisingly anti-Bolshevik. Gippius held those who returned to Russia or who sympathized, or who she thought sympathized, with the Soviets in low esteem. She disliked Gorkii, or, as she termed it–was simply "disinterested" in him. She did not like Tsvetaeva and her entourage. She despised Ehrenburg, whom she called a "scoundrel." For her the Russia whose spiritual child she was had disappeared from the map, and it was her belief that the Russian emigration had to carry on Russia's spiritual "mission."

In her letters Gippius refers to the argument among the emigre intellectuals about the very existence of emigre literature. Some disputed whether it could exist at all. Khodasevich, on the other hand, pointed to the fact that some of the best of world literature had been created outside of the writer's homeland. This argument had started in the twenties and intensified in the thirties.

In Khodasevich's view, the fate of the Russian writer was doomed both in Russia and abroad. With the rise of Hitlerism in Germany, and Stalinism in Russia, and the general lack of willingness on the part of Western European intellectuals to listen to the appeal of Russian emigres and to protest the treatment of writers in the Soviet Union in the thirties, Khodasevich foresaw the impending doom which was to envelop all of Europe and which engulfed Russian writers both "here" and "there." On May 4, 1933, he wrote in *Vozrozhdenie*: "Sud'ba russkix pisatelei–gibnut'. Gibel' podsteregaet ix i na toi chuzhbine, gde mechtali oni ukryt'sia ot gibeli."

In an unsent letter of April 14, 1939, Gippius spoke to Khodasevich of her position between the "old" and "young" generation of emigre writers.[5]

By then the literary war among emigre writers, old and young, had come to a denouement. Many perished in Hitler's or Stalin's concentration camps.

Gippius died almost four years after Merezhkovskii on September 9, 1945, at age seventy-six. Berberova tells of Gippius's last months in her autobiography *The Italics Are Mine (Kursiv moi).* She mentions that Gippius would always end saying, "I understand nothing." In this Berberova saw "more and more a refusal to live, a hopeless abyss between a human being and the world, death, not life." In her last letter to Berberova (dated 5/29/39) Gippius attempts to sum up her relationship with her. She talks about the psychology of women and the changes in women, of the breach of trust, which in her view was more common in women than in men. She did not realize that it was not a matter of breach of trust but rather an inability on her part to communicate and understand those changes which had occurred in her friends' lives, as well as the changes in the contemporary world around her.

Berberova left France in 1950 and has since found a new home in America, where she is still very active as a teacher and scholar of Russian literature.

NOTES

1. Not included in this selection from Berberova's private archives at Yale University Library were thirteen short notes and postcards from Gippius to Khodasevich, as well as four letters and one postcard from Berberova to Gippius. Most of Gippius's short communications contain invitations or greetings.

2. The Merezhkovskiis had held "Sundays" also in Petersburg before 1917, with guests from two generations, first in the house of Muruzi (on Liteinyi Avenue), and later on Sergeivskii Street.

3. "O Khodaseviche," *Sovremennye Zapiski,* v. 69 (1940), p. 262.

4. Four of these poems were published in Berberova's autobiography, *Kursiv moi*, pp. 284, 285.

5. Zlobin presented this letter to Berberova a few years after Gippius's death.

LETTERS FROM Z. GIPPIUS TO N. BERBEROVA 1926-1939

7/13/26 - Villa Alba, rue Jonquière, Le Cannet, A.M.
7/26/26 - " (Voskresen'e)
8/27/26 - "
9/17/26 - "
Vtornik, Okt. 26 "
11/1/26 - "
11/12/26 - "
9/1/27 - Villa Tranquille, Le Cannet, A.M.
10/6/27 - "
10/15/27 - "
10/17/27 - (Ponedel'nik) - Le Cannet
10/22/27 - Le Cannet
Chetverg, Le Cannet (1927)
Poem "Ei v Thorenc" - Thorenc (1928)
Poem "V. Zh.", Posv. N.B.
1/6/28 - Paris
2/11/28 - "
Ponedel'nik 1928 —
3/23/28 - Subbota - Paris
8/1/28 - Chetverg
8/17/28 - Ch. de Th. (Château de Thorenc)
4/11/29 - 11 Av. du Col. Bonnet, Paris
Chateau, chetverg (1929?)
9/11/29 - Villa Tranquille
12/1/29 - "
5/26/30 - Ponedel'nik - Paris
5/29/39 - 11 Av. du Col. Bonnet, Paris

LETTERS FROM Z. GIPPIUS TO V. KHODASEVICH 1925-1939

9/12/25 - Villa Alba, rue Jonquière, Le Cannet, Cannes (A.M.)
4/1/26 - 11 Av. du Col. Bonnet, Paris 16
4/28/26 - "
6/17/26 - Villa Alba
6/26/26 - "
7/9/26 - "
7/22/26 - "
8/8/26 - Villa Alba
8/11/26 - Villa Alba
8/19/26 - "
8/26/26 - "
8/27/26 - Piatnitsa - Villa Alba
9/2/26 - "
9/16/26 - "
9/22/26 - "
10/1/26 - "
10/19/26 - "
10/24/26 - "
10/31/26 - "
11/4 or 5/26 - "
11/11/26 - "
11/15/26 - "
1/27/27 - Paris
3/11/27 - Chetverg
5/9/27 - Paris
7/5/27 - Villa Tranquille, Le Cannet (A.M.)
9/31/27 - Villa Tranquille
10/11/27 - Villa Tranquille
10/16/27 - "
10/26/27 - "
11/9/27 - "
3/13-20/28 - Vtornik - Paris
Chetverg - Mart 1928-
4/12/27 - (incorrectly dated 3/10/28 by Gippius)
3/13/28 - Paris
10/26/28 - Villa Tranquille
12/9/28 - 11Av. du Col. Bonnet, Paris 16
12/12/28 - Paris
6/14/29 - "
7/12/29 - Villa Tranquille
8/28/29 - "
9/1/29 - "
9/17/29 - "
9/26/29 - "
12/1/29 - "
12/11/29 - Villa Tranquille
5/20/30 - ---
9/11/31 - 11 Av. de Col. Bonnet, Paris 16
4/14/39 - 11 Av. du Col. Bonnet - (unsent letter)
5/8/39 - Paris

COMMON ABBREVIATIONS USED IN GIPPIUS'S LETTERS TO BERBEROVA AND KHODASEVICH

A.K., A. Kr. = Anton Krainii (Gippius's pen name)
Ad. = Adamovich
Ald. = Aldanov
Alyoshka = A.N. Tolstoi
Arts. = Artsybashev
B-va = Berberova
Blag., Blagon. = *Blagonomerennyi*
D.S. = Merezhkovskii
Dem. = Demidov
Fil, Filos. = Filosofov
F., F-k-ii., Fond., Fond-skii = Fondaminskii
G.I., G.Iv. = Georgii Ivanov
Galina = Kuznetsova
I.P., Igor, Igor Dem., Ig. = Igor Platonovich Demidov
Ill. Rossiia = *Illiustrirovannaia Rossiia*
Iv. Iv. = Ivan Ivanovich Manukhin
Iur. L. = Unidentified
Khod. = Khodasevich
Kor., Korabl' = *Novyi korabl'*
Marina = Tsvetaeva
Mak. = Makovskii
Mil., M-v. = Miliukov
N.D. = *Novyi Dom*
N.N. = Nina Nikolaevna Berberova
Ots. = Otsup
Papasha, Pav. Nik.,)
Pavel Nikolaevich,) = Pavel Nikolaevich Miliukov
P.N.)
P.N., P. Nov. = *Poslednie novosti*
Sav. = Savinkov
SPB = St. Petersburg
SZ, S.Z., Sov. Zap., Sovzap., Sovzapki = *Sovremennye zapiski*
Sviatopolk, Sviat. Mir. = Prince Dmitrii Sviatopolk-Mirskii
Ter. = Terapiano
V.F., Vl. F., Vl. Fel. = Vladislav Felicianovich Khodasevich
Vl. An., Volodia = Vladimir Ananevich Zlobin
V.N. = Vera Nikolaevna Bunina
Vozr. = *Vozrozhdenie*
Z.L. = Zelenaia Lampa
Z. Runo = *Zolotoe Runo*

Письма к Берберовой
Letters to Berberova

7/13/26
v. Alba, rue Jonquière
Le Cannet A.M.

Милая Нина Николаевна.

Следуя мудрому правилу не откладывать на завтра то, что можешь (хотя и с трудом) сделать сегодня – быстро вам отвечаю. Вы, верно, знаете из моего письма к Вл. Ф., в каких я расстроенных чувствах по поводу последней книжки „Совзапок" и, в частности, что я думаю о Степуне. Очень жалею, что не исполнила просьбу Мельгунова и не „хватила" этого артиста. Ну, что упало – не пропало. Я, однако, думаю, что сей гениальный романист отнесется к вам с благоволением и „поощрит..." почему ж? Рассказы же всегда нужны. Имейте, впрочем, ввиду две вещи: во-первых, они за Степуна, обыкновенно, прячутся, – мы чтож? мы все Степуну, ведь он знаток (наивное убеждение, что писатели не могут же его авторитет не признавать! Сами, значит, виноваты, плохо написали, если Степун отверг!) Во-вторых – во всех Совзапках, в умах властителей их, воцарилась „идея" (не без влияния Бунина), что здесь, в эмиграции, теперь *невозможно* беллетристическое, новое, творчество. Что именно беллетристов – новых и молодых – не может быть. Стихи, мол, ну еще кое-как... Или статьи... Но беллетристов нет и не будет, и нечего молодых искать.

Я тут достаточно с Фонд. спорила, но говорю Вам – такая уж у них идея...

Хорошо Вам писать поэму, а я, не то, что поэму (ее, все равно, по неуменью, не писала бы), но просто о чем мысли есть – не могу писать, ибо от меня требуют как раз писаний о совершенно мне не интересном: Из ред. П. Нов. шлют кучу неприличных книг (в букв. смысле) и еще просьбу „папаши" – написать „о литературном отделе Совр. Зап.!! Но я, кажется, распространю слух, что я умерла, и таким образом сниму с себя ответственность и выиграю свободное время. О том, что Д.С. покончил самоубийством, бросившись в Женевское озеро, мы сами, уже давно, читали в совпрессе, также, как о Бунине, уехавшем умирать на юг в последнем градусе горловой чахотки. Пока что и Бунин, и Д.С. Вам кланяются. Бунин верит, что Шаховской вправду уехал на Афон в монахи, как написал ему, а я, грешным делом, считаю это авантюрой.

Не понимаю закулисной стороны „Ухвата". Не можете ли меня информировать? „Версты" мне еще не прислали.

Последнее стих. Ладинского в „Днях" мне довольно понрави-

лось.

Напишите, когда захочется, и не забывайте

вашу Гиппиус

Бунин обещал мне, когда появится моя статья о „Благ.", распространить ее „идеи" в Возрождении; хорошо-бы и „Дням" сделать тоже из нее выписки насчет Св. Мир.

Воскресенье,
7/26/26
v. Alba

Милая Нина Николаевна.

Ну, конечно, мы согласны и радуемся вместе с вами! Д.С. просит вам передать mille choses; он и сам вам напишет. А Володя ничего не просит передать, потому что, кажется, уже пишет. Из всей вашей программы я ни на одну букву не могла бы возразить, ибо и сама, вероятно, такую же придумала бы. Имя журнала тоже мне нравится (вообще люблю „новые дома", хорошие, конечно) /1/. Этот „дом", если он удастся, как задуман, не может быть не хорошим, а, главное, будет действительно „новым". Я очень давно поняла, что настоящий „настоящий момент" есть таинственный узел прошлого с будущим, и уж на все лады всем это твердила, Ибсеновскими, Гетевскими, Вейнингеровскими, Соловьевскими, своими, – всяческими словами; но никто ничего не понимал. В реальных делах, в больших и малых, тоже пыталась это проводить, убеждая, в молодости, молодых не плевать огулом на все прежнее, а в старости – старых не поступать так с молодыми. Об эти „Совзапки", вы сами видели, как я лоб разбивала... То же и раньше, до войны, когда я уже стала больше с молодежью общаться, надеясь, что она (самая зеленая) скорей это поймет. (Однако, тогда не понимала).

Все эти „кружки", „цехи" и т.д. *молодежи*, совершенно так же, как и „круги седых и лысых" – равноценны и, в отдельности своей, малоценны. Первые – впадают в несерьезность, самодовольство при сосании собственных пальцев, вторые – торжественно и бессильно каменеют, тоже самодовольные. И никто не догадывается, что бывают „вечные" идеологии (как вы хорошо сказали). Всем хочется поуже, а мне всегда хотелось пошире; вот и вам, кажется, захотелось, и я очень вам радуюсь.

Повторяю, если „Дом" выйдет, как задуман, я почувствую в нем

себя „дома". Не надо закрывать глаз, перед ним много опасностей. Например, не надо, чтоб он впал в какую-либо „домашность", сделался бы своим углишком со своими делишками. Понимаете? Надо, чтобы „седые и лысые окаменелости" не смели смотреть на него со снисходительным равнодушием, — жужжат, мол, юные мухи, юнцы, да старые изгои к ним пристали. Надо, чтобы Степуны и Вишняки с этим считались... Но для этого следует, как сказал один неглупый человек, иметь „вечерний ум и утреннее сердце...", что, кажется, недостижимо.

Конечно, я вам непременно что-нибудь дам к 1 номеру, что-нибудь придумаю, времени еще много. Мы постараемся вернуться нынче раньше в Париж. А вы мне пока пишите о течении дел, и со всеми подробностями. Где был этот Фрич, почему его раньше было не видно — не слышно? Знаете ли вы лично того, кто дает деньги? Есть ли у вас уже типография и поставлена ли техника? Как с правом veto?

В числе сотрудников я не усматриваю Бахтина /2/. Он, правда, странный человек, с ним трудно, но все-таки очень *человек*, т.е. довольно редкая ценность. Я ему устраивала одно дело, и, совсем, было устроила, да не могу от него слова добиться, пишу — не отвечает. Уж в городе ли он? Спросите Познера.

Я предполагаю, что /// Меня прервали, спешу кончить письмо, чтобы скорей отослать. Почта здесь с прохладцей. Как вы думаете, не обиделся ли Оцуп на мои кисло-сладкие похвалы? Я так давно все это написала, что сама забыла, а теперь вижу, что Терап. у меня вышел как-то нежнее...

Здесь вижусь с Адамовичем. Он в унынии от жары и дядюшки (Винавера). Да, если журнал вдвое больше Звена, — то, значит, он вдвое меньше, ибо Звено — еженедельное, а Дом — ежемесячный? Но этого вполне довольно.

Кончаю, очень жду дальнейших вестей, и крепко вас целую. Настоящий вы молодец.

Ваша Зин. Гиппиус.

Я занята „Верстами", забыла жару, только мустики не дают забыть себя.

8/27/26
Villa Alba, rue Jonquière
Le Cannet A.M.

Милая Нина Николаевна, я как-то не все понимаю, что мне Володя из ваших писем рассказывает, давайте я уж прямо вам напишу.

Я спрашивала о содержании 1-го № для того, чтобы сообразить, что вам (т.е. журналу) было бы пригоднее. Если я изнемогла от „приспособления" до решимости дать себе передышку, это вовсе не значит, что я желаю себе „свободы" ни с чем не считаться, ничего вокруг не видеть, „ндраву моему не препятствуй". Такой свободы я не признаю, и за свободу ее не почитаю; это скорее рабство и покорность желанию собственной левой ноги. Но сообразжаться с делом и моментом, ради них делать выбор темы и *самому*, если нужно, себя ограничивать, – это одно; и совсем другое „приспособляться" к *лицам*, и знать, что они (а не я сам) могут по своему разумению фактически тебя ограничить. К Мельгунову, впрочем, я даже и приспособиться не могу, по загадочности его психологии (В. Ф-чу я писала об этом неожиданном случае).

Так вот видите, хотя я и решила на некоторое время удалиться в пустыню, но вам, как обещала, хочу что-нибудь дать, и только соображаю, что для 1 № вам будет полезнее. Время, ведь, есть; первая половина сентября не поздно. Вам там виднее, и, если то, или другое (мало-ли какая тема!) вам покажется предпочтительнее – напишите, я подумаю.

А пока вот что: Адамович сказал мне как-то, что он написал стихотворение; я просила его прочесть, но он обещал написать и прислать, и действительно на другой день прислал. Оно меня вдохновило, к моему собственному удивлению, на *ответ*, в совершенно той же форме, – только с иным содержанием. Когда, в след. свой приезд Ад. сообщил мне, что его стихотворение предназначается для Нов. Дома, я спросила его, не согласится ли он, чтобы тут же, рядом, был и мой ответ? Спрашивать было надо, ибо хотя ответ, по существу, но злой глаз мог бы усмотреть там обидное. Ад., однако, согласился, и я попросила его послать вам *оба* стихотворения вместе.

Я нахожу, без придирок, его стихотворение *очень* недурным в своем роде (гораздо лучше Довидских в Днях). Если же придираться, то я бы к своим собственным так, прежде всего, придиралась, что от них кусочка бы не осталось. Практичнее не придираться. (Я и к Довиду „без придирок" отношусь, когда говорю, все-таки, что данное стихотворение А-ча лучше, интереснее).

В стих. Адамовича 4 строфы, в моем тоже, значит, со мною, ваш поэтический отдел удлиннится всего на 16 строк.

Откуда вы достали стихи Сологуба? Это очень хорошо. Изумлена была, что ваш рассказ (какой? „Жених"?) был отвергнут Совзапками. Особенно после того, как Фонд., соблазняя меня сложить гнев на милость и дать что-нибудь „под Вишняка" для след. книжки (напрасно!) – писал, что эта книжка будет „полна молодыми" и „стихи, и рассказ..."

Нет, мы чего-то еще не допоняли в специальной староинтелли-

гентской психологии. Оттого и мой случай (Мякотин-Мельгунов) так удивляет, и многое другое.

Володя вам все что-то пишет, мне не показывает, да я и не хочу. Пусть сам за себя отвечает, чтобы злые языки не стали говорить, что я его редактирую.

Куда вы отправляете В.Ф.? Отправили бы в наши места, мы бы хорошо на досуге побеседовали.

Приходится взять еще листок, ибо кое-чего не досказала.

Вы хотите, чтобы статья была моя или А.Крайнего? Если вам все равно – предпочту последнее. Да оно и лучше, ведь в стихотв. отделе уже буду я.

Володя говорил, что вам не нравится Адамович о Верстах. Я не нахожу, чтобы это было уж так плохо. Я ему говорила, что его беда – "âme flottante"; но у него уж такой „не боевой темперамент", по его словам; кроме того – его связывало нежелание „отругиваться". Всякого что-нибудь связывает; но то, что меня – образ Милюкова и П.Н. – хуже всего, и порою непереносно, ибо непреодолимо.

На один вопрос вы мне не ответили: отчего вы не пригласили Бахтина? Его обе статьи в Звене, особенно первая, очень недурны. Неправда-ли? У меня к нему самая „несчастная любовь", ни на одно письмо, даже деловое, не могу от него двух слов ответа добиться, но это не мешает мне относиться к нему с совершенно неизменной и справедливой благосклонностью.

Ну, до свидания, милая Нина Николаевна, а то я совсем с вами заболталась. Все нужное, кажется, сказала. Д.С. с головой в своем Наполеоне /3/, но ничего, подождите, в какой-нибудь № „Дома" он вам напишет, я об этом позабочусь.

Как, 1-го октября? Топка начинается в Париже, испокон веков, с 1 ноября. Вы еще померзнете. А здесь – райская погода, „лучше на земле не бывает", говорит Д.С., который вам кланяется, а я вас нежно обнимаю.

Ваша З. Гиппиус.

А Цетлин написал о Верстах совсем недурно!!

9/17/26
v. Alba

Милая Нина Николаевна.

Я долго ленилась, или отдыхала, понемножку что-то мазала,

но вот, наконец, намазала и в Новый Дом посылаю. Т.е. прошу Володю выдрать аккуратно из тетрадки и послать со своими „Верстами".

Давно не имела от вас писем и соскучилась. Мы живем однообразно в однообразно прекрасной, уже чуть-чуть осенней, погоде, и мне часто хотелось бы приобщиться к вашему журнальному кипению и к вашей атмосфере. Мне так интересно и так нравится, что у вас, – и, вероятно, во всем вашем близком кружке, – нет никакой душевной пустынности, что вы не боитесь слова „идеология" и вообще ничего не боитесь, что до сих пор еще пугает „опоздавших". Они не замечают, что они уже démodés.

Напишите мне, как идут дела, скоро ли приступаете к набору. Пришлите мне корректуру, – и стихов тоже, я не знаю, не напутал-ли в них чего-нибудь Адамович (подпись, конечно, З. Гиппиус, я в жизни никогда „Зинаидой" не подписывалась. Статью, если вы рассудите подписать ее А.Кр., – можете, это ничего не изменит; можете и так оставить).

Ад., по-моему, свои стихи испортил, если изменил так, как говорил в последний раз. Но в них есть хорошие строчки на „а": „...Умирала, воскресала, улетала вдаль душа твоя..." Интересно, что эти же слова и тот же образ в *женских* рифмах и звуках у Ад-ча, – у меня имеются в „мужских"

...Ужели умирать и воскресать
Душа упрямая устала?..

Спешу кончить, жду вашей строчки. Вл. Ф-чу написала в Робинзон, и сомневаюсь: не лучше ли было на Париж?

Обнимаю Вас,

Ваша Зин. Гиппиус.

Вторник, окт. 26
v. Alba.

Спасибо за корректуры, милая Нина Николаевна. Мои – чистенькие довольно, а Володя что-то плачет, не знает, на какую coquille броситься. А как В. Ф-ча в П.Н. обделали! Написано ворона, читай корона, а то корова... Обыкновенно лишь автор замечает опечатки, но у Вл. Ф-ча стиль, не терпящий опечаток, и все они сразу, как на ладони. Хорошо иметь такой стиль, но невыгодно. И не понимаю, что сделалось с П.Н., я их корректором очень довольна; должно быть, это специально на Ходасевича он как тут. А статья *прекрасная*, и мне, и Д. С-чу она очень понравилась. Я не писала о ней В.Ф., ибо накануне

отправила ему письмо, на которое ответа еще не получила.

Насчет „кружков" – я вас спрашивала о вашем редакционном „кружке", – или как его назвать? Все равно. Просто „редакцией" можно. А уж вовсе не о каких-нибудь „цехах поэтов" или вроде. По моему, в „редакции" без „обсуждений" не обойдешься, да и вообще – обсуждение обсужденью рознь. Против теорий вы тоже напрасно ополчились. Она, теория, как я убедилась, нужна для всякого *дела*. Передо мной, я помню, была ремальедка, длинная дорожка на чулке, а у меня – глаза, видящие, по близорукости, каждую петельку с особой ясностью; но пока я не создала свою теорию, как это делается, самый принцип (своим умом надо было дойти), до тех пор все было бесполезно. А уже стихотворенье... Думается, и его без всякой, какой-нибудь „теории" не напишешь.

Правда, ненавистны теории, которые ни к чему; но... кто это сказал? – теория, которая не воплощается в реальность – плохая теория. (Или что-то в этом роде).

Это правда, всего лучше говорим мы один на один (и всего лучше умеем, я, по крайней мере). Но ведь это не от нашей „пере", а от нашей „недо". Нам следовало бы уметь одинаково и то, и другое, и это совсем разные вещи, хотя равноценные. Мы так часто повторяем „коллектив да коллектив", а в сущности и не понимаем, что это значит, опыта никогда не имели, разве кто-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь в редкое мгновенье. Мы сейчас смешиваем это понятие с „толпой", „массой", „публикой", представляем себе „собрание" (сумму) или вообще какой-то вздор. Но что же делать, когда чему-нибудь приходится наново учиться! Мы-то не доучимся, но это не резон, чтобы не учиться, хотя бы и через „собрания" – со смыслом и делом, конечно.

Но я вам развела теорию, и сама не ожидала. Мне вспомнились мои старые-старые стихи, которые я написала на книге, даря ее Поликсене Соловьевой; они к нашему разговору подходят, напишу, что вспомню:

„Мне мило отвлеченное,
Я жизнь им создаю.
Я все уединенное,
Неявное, люблю.
Я – раб моих таинственных
/каких-то/ снов.
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов".

Вот этой любви и этого рабства мне уже давно кажется мало. От них-то, быть может, и „не знаешь здешних слов", которые пригодились бы.

Меня очень заинтересовала ваша подруга. Напишите, какая она,

отчего приехала и – уедет ли обратно? Или вернется в Париж? /4/

Что касается Бахтина, то у меня к нему, как я говорю, несчастная любовь. Я вначале лета ему писала на мал. Познера, потом, вторично, на Звено, – и ни разу ответа не получила (хотя письма не возвращались). И ответить-то было в его интересах... Так нет. Недоступен!!

Хочу вам „посплетничать": сегодня я видела Бунина, и совершенно неожиданно он мне говорит: я очень обижен, что меня не пригласили в Н.Д. Я: да ведь вы все равно ничего не дали бы, вы, вот и в Возр. старые рассказы печатаете, притом плохие, да еще телепатией их портите. (Вставка: мы с Б. были друзья, теперь приятели, но я всегда все ему говорю в глаза, совершенно прямо. Впрочем, я очень давно держусь правила говорить и *о* ком-нибудь за глаза только то, что могу, или могла бы, сказать в глаза. Не всегда удается, но стараюсь по возможности. Хотя это делает меня резкой, но все-таки практичнее). Бунин продолжает: ну и не дал бы, а все-таки Ходасевич мог бы меня позвать. *Я*: это вовсе и не Ходасевич, это „мальчики и девочки"... *Он*: Однако вы... *Я*: Потому что я вообще ими интересуюсь. *Он*: Ну, хорошо, все равно, я не гоняюсь за молодежью...

После этого я, решив, что довольно, далее не продолжала. На мой взгляд – Бунин вам реальной пользы не даст, а „имя" – свяжет, если кто-нибудь захочет (я, например) написать о нем по существу, а не только накадить обыкновенного, Кульмановского, фимиаму. Но, впрочем, дело ваше.

„Дни" начинают даже грохотать, проваливаясь. Что это за мерзость – последний №? Что за хамский ужас (и вранье) – Мандельштам? /5/ Да еще со стилем под А.Белого, который... впрочем, вы читали (если могли). Вовремя ушел от литредакторства В.Ф., но жалко Алданова.

Так много вам написала, – вы говорите, что я вам не пишу. Теперь скоро увидимся, в ноябре мы приедем. П. Нов. мне зажимают рот, не дают возразить Талину (даже нежно!). А я „не могу молчать..."

Целую вас крепко, в минуту досуга напишите.

Ваша З. Гиппиус.

А как же вы справляетесь со старыми господинами из средневековья? Подождите, будет хуже, когда придут толстые дамы в стихах и в прозе!

11/1/26
v. Alba

Милая Нина Николаевна!

Вчера писала В.Ф., что ждем Нов. Дома, а сегодня он прибыл (и мгновенно всеми прочтен). Вот его единственный недостаток, – что он мгновенен, – да и то! Д.С. говорит: маленький – но остренький!

Мы вас решительно должны поздравить „От редакции" – так хорошо и так смело, что берегитесь! Нападут на вас всевозможные „исты" и „эты", ... а, впрочем, мне ужасно нравится, что вы не „бережетесь". Д.С. даже говорит: одна беда, ведь всегда бывало, что чуть что-нибудь *нам* нравится, значит, большинству других или „не нужно", или они все против.

Очень хорошее стихотворение В.Ф. Кнут совсем недурен, насколько лучше здесь, чем в СЗ! И как приятно услышать живой голос Сологуба! Передайте наши комплименты Терапиано, его статья, бьющая прямо „в точку", с прекрасной сдержанностью написана. Вообще весь журнал, до последней строчки, производит впечатление „гармоний", – а это очень важно и редко, неправда-ли? Ваш рассказ – один из ваших лучших (и тоже в гармонии); только, разве, если б А. Крайний его стал *специально* разбирать (а это он всегда с придиркой), то м.б. нашел бы кое-какое „перетончение", кое-где недоговоренность, обрывистость, и нашел бы заключительную фразу не вполне „той". Вот вам придирка, – вам лично, потому что я пишу вам, – но, повторяю, что в 1 № Дома именно такой ваш рассказ был нужен.

Словом, вы оказались „на высоте положения", и теперь все дело в том, как пойдет дальше. В.Ф. писал мне, что номер, по его мнению, будет „бледноват", но это неправда: еще можно, пожалуй, сказать другое, точнее, и не в отрицательном, а положительном смысле: „жидковат"; журнальная каша *должна* быть такой, когда она начинает вариться, и должна, чем дольше варится, тем больше густеть.

Какие у вас конкретные планы для второго №? А для третьего? Кого вы еще думаете включить в Государственный совет? Может быть, впрочем, никого. По моему опыту я знаю, что лучше всего, когда внутри довольно мало людей, но *вокруг* завивается великое множество.

Вл. Ан. вам сам напишет. Он, конечно, тоже в удовольствии. Я нахожу, что его статьи совсем недурны (*entre nous*, он очень моего суда боялся) и это ничего, что первая – такая серьезная. Ведь (по-моему) никаких вопросов Н.Д. не должен бояться, даже политических, хотя он и „литературный": не даром В.Ф. задумывает конгресс по

„литературной политике", в чем я ему очень сочувствую. Да теперь ваше предисловие вас уж „обязывает", в том смысле, что уже не позволяет вам склониться к детскому журналу или журналу поэтов-чижиков, вроде вечного чижизма-бальмонтизма, по существу одинакового во все времена.

Дм. Серг. раскидывает умом, что бы вам дать, и досадует ужасно, что так вклеился в своего Наполеона. Но что-нибудь придумает. Мной, пожалуйста, располагайте; мы скоро приедем (сегодня выяснилось, что, кажется, скорее, чем мы думали) и тогда хорошенько поговорим. На мне висят Совзапки, куда меня настоятельно зовет (для след. книжки) дружеский голос, а тут еще „заветы Винавера" (будет-ли, однако, Звено продолжаться?). А ту еще мои „французские романы", да еще... Ну, словом, у меня не столько сил, сколько обязанностей и планов, но я установлю им иерархию. Насчет последней книги Сов. Зап. – вы так правы, что я позволила даже стащить два слова из вашего письма, когда писала рецензию. Ну, с этой рецензией еще предстоит возня, кончится тем, что ее будут просить меня в П.Н. не печатать, – „добром" просить... Тогда я отдам ее в Нов. Дом; худого не будет, ибо я Сов. З. люблю и хвалю, но нельзя же не указывать им на ошибки, – для их же пользы.

Господи, еще я забыла, что я *должна* написать что-то в этот полу-кабак – в Илл. Россию! Просто даже в жар бросило от этого воспоминания. Но ничего, иерархия вывезет. И в этой иерархии, по лестнице, Н.Д. будет стоять на первых ступенях, – в меру вашей нужды.

Затем – целую вас крепко, возобновляю поздравления и присовокупляю к моим – Д. С-ча. Напишите мне – „доволен ли ты сам, взыскательный художник?" И вообще напишите поскорее обо всем (если уже кончили вашу поэму и руки не заняты).

Ваша З. Гиппиус

P.S. Вл. Ан. вздыхает от опечаток; я его утешаю, что их видит только автор, .. хотя я, в своем, их не вижу, а в Юр. Л. вижу порядочно.

P.P.S. В таком ли вы восторге от рассказа Одоевцевой, как Бунин? (Кстати, он уже в Париже). Вчера говорила Бунину, не объясняется ли его восторг, – отчасти, – его особой приверженностью к *„женскому полу"* Не очень протестовал.

P.P.P.S. Во имя правды, должна прибавить, что Д.С. торжественности Кнута переварить как-то не может и „критикует". Что меня касается, хотя это стихи не моего романа, объективно я их признаю, несколько протестуя против „гармонического" покоя. Впрочем, мало-ли какую „критику" можно развести во всех деталях! Я бы и с Тер. поспорила, „первозданный ли хаос" Пастернак, или это распадение в хаос, т.е. вторичный процесс... Но я сейчас в эти критические детали не вхожу, а смотрю на общую гармонию Н. Дома, которой и

радуюсь.

З.Г.

P.S. Вспоминаю, что забыла ответить на ваш вопрос насчет 2 № Нов. Дома. Это деталь, дам ли я что-нибудь во 2-й или в 3-й №. Мне очень важно (объективно) его реально-волевую ниточку нащупать. И как он *выйдет*. Если он „выйдет" журналом чистой „литературы" и журналом „молодых" – это одно; если просто журналом, в этих двух смыслах не специальным – это другое. Я могу писать и для одного, и для другого; но мне важно знать, ибо писать там и здесь надо по разному. И о разном. О чем будет писать во 2 № Вл. Ф.?

Я очень помню, что ни вы, ни Терапиано, не намеревались делать „чистую литературу" или строить Дом „для мальчиков и девочек". Но, ведь, бывает, что намерения – не то, что „выходит". Потому я с большим интересом жду, что „выйдет". Какой будет у журнала *реальный лик.*

Какой будет – с таким и будем считаться. В одном я не сомневаюсь: будет *хороший.*

Еще раз – привет и просьба писать. Д.С. низко кланяется, собирается дать непременно что-нибудь во 2 №, статейку или стихи.

З.Г.

12 н. 26
v. Alba

Милая Нина Николаевна.

Еще вчера собралась написать вам два слова в ответ на ваше последнее письмецо, но сегодня напишу три: подумайте, почти все газеты, нынче утром полученные, не без Нового Дома. В Варш. „Свободе" перепечатан весь ваш „Жених", затем рецензия с приведением всего вашего предисловия и с обещанием к Н.Д. вернуться. (Каждый раз, как я, сокращенно, пишу Н.Д. – я вспоминаю мою первую любовь: с 12-ти до 16-ти лет – срок немалый! – это был мой „заветный вензель" на окне... что, впрочем, рассказано в Звене, и за это личное отступление прошу меня извинить). В П.Н. благожелательный Цетлин, хотя и не мог не защитить Пастернака, рассыпается прямо рядом с вами и над моей головой. Но самое забавное – в Днях, описание скандала молодых большевизантов. Может быть, вы, как „внове", находитесь „в ужасе". Поверьте, напрасно. На меня пахнуло давними годами литературной и журнальной борьбы, с глубокими (а сейчас еще более глубоки-

ми) основаниями, хотя формы все это имеет комичные и скандальные. Это маленькие цветочки большого дерева. Не бойтесь „скандалов" и, как они, по щенячьей их терминологии, выражаются, – „лютых выпадов". Я никогда ничего не боялась, мы лишь крепче свою линию гнули, – и было это к пользе. А теперь, по-моему, никаких „разделений" не надо бояться: пусть будет все ясно. Интересуюсь, какую роль играл там Ладинский; как-будто „защитительную", но почему его черт понес в председатели? А откуда там взялся мой милейший Николай Бердяев? Этот пострел везде поспел. (Д.С. все применяет теорию Вл. Ф-ча и приводит, как один из примеров процветающего толстяка, и Бердяева). Словом, напишите мне все, что в нашу пустыню не дошло. И, главное, о том, что вы не „запугались", на что я крепко надеюсь.

Володя, из-за которого главный (предложный) сыр-бор запылал, в большом восторге. Страшно хочет окончить о „Пути" и о другом что-то, но, бедный, болен: на этот раз не из подражания Вл. Ф-чу, а в общем порядке: лишился голоса, лежит с компрессами и горчичниками на груди. А тут у него еще на носу переезд из Villa Alba, на другую, – "Villa Tranquille", (где, я надеюсь, если мы до будущего года доживем, вы у нас с В.Ф. погостите). Вилла эта самая нероскошная, какие я только видала, но зато Tranquille, это что-нибудь значит.

Наша пустыня мне надоела, il me tarde приехать к вам и принять участие в вашей варке каши. Теперь не долго, числа 25-26 мы будем дома. Сегодня уже 12-е, значит, пустяки. Страшит только гора бумаг, которую я не разбирала, и всякие „дела", к кот. я не приспособлена.

Ваша поэма меня интересует еще по одному поводу: у меня есть давно начатое и неоконченное „письмо в Россию", где главное вот это: „не изгнаны, а посланы", и вы даже не знаете, м.б., какая тут реальность.

Однако, мои 3 слова сделались тремястами, тороплюсь окончить. Жду вашей строчки, а затем – скорого свидания. Целую вас,

Ваша З. Гиппиус

P.S. И Д.С., как старый боевой конь (и как я) слышит в шуме от Н.Д. знакомую музыку. Мы готовы на все „бури", вплоть до бурь в стаканах воды.

Володя, на замечание, что Эфрон, как муж, должен теперь В. *бить*, – очень правильно ответил: „Да это *ее* он должен бить, а не меня!" Конечно, раз доказано, что она сидит под красным фонарем!

9/1/27
V. Tranquille
Le Cannet
A.M.

Будь я вами, Нина ma jolie, я бы уж дней 10 тому назад махнула рукой на индивидуума, вроде меня. Не ответить на „первое" письмо! И „после всего, что было"! О справедливости подобного махания можно бы спорить; но – при чем тут справедливость? Хоть взорвись я на коммунистической здешней бомбе – факт моего молчанья остался бы фактом, значит и неизбежность „махания" тоже.

Поэтому я не останавливаюсь на „смягчающих обстоятельствах": на дюжине ночей, проведенных за истощающей статьей для Совр. З., и на физической слабости, отсюда вытекшей... Лишь вчера (вернее, сегодня утром) я кое-как привела в порядок громадную первую часть и отдала переписывать (вторую, если буду писать, то через год, не раньше).

Но, хотя, „все погибло", я все-таки хочу вам сказать, что мне думалось (и что ужасно хотелось *тотчас же* вам ответить), когда я получила ваше „первое письмо".

Вы уже забыли, конечно, – но я-то помню, сколько там было „извинений"... и довольно-таки для меня обидных. Подумайте, вы извинялись за самую душистую, самую прелестную часть вашего письма! Мне казалось, что от нее пахнет туберозами, но чуть уловимо, прозрачно, точно с верхнего балкона у нас, вечером... А вы извинялись, явно предположив, почти словами сказав, что мне это все уже не по зубам, что меня только и может интересовать „общественность", „вишняко-милюковизм", „оправдание демократии", в лучшем случае – действия Евлогия, (который свою ногу лизнуть не может) или хоть коммандитер Терапианы... Милая Нина, в ком хоть раз, хоть проездом, останавливался „поэт" (неужели он во мне хоть минуточку не побывал?), – тот уж до самой глубокой старости в полный сухарь, каким вы меня вообразили, не превращается. Вы не согласны?

Признаться, это я от уныния и пустоты после вашего отъезда так неистово ринулась на мою статью. Кончилась какая-то милая эпоха. По-прежнему сияют закаты, каждый день разные и новые, розовится море под ними (и, должно быть, мой цветок, но я его не вижу). Только человеческому в человеке одних закатов не всегда довольно. Я вообще ненавижу „концы". Это риторика, что „концу всегда, как смерти, сердце радо..." Ничего оно не радо, а напротив... Ну, остальное договорите себе сами, только не в „сухарном" виде.

Что касается „дел", всяких кораблей, Терапиан и т.д. – то вы

там осведомлены, конечно, более нас. Насчет „Возрождений" и „предложений" – обстоятельно напишу Вл. Ф-чу, которому буду отвечать завтра (или даже сегодня). Меня все больше привлекает мысль отдать „Дневник", пропустив его сначала газетными фельетонами. Но не опоздала-ли я? Оказывается, в Возр. уже „поступил" Б.Зайцев и, как говорит Алданов, „на блестящих условиях"... Но я надеюсь, что мой доверенный и поверенный, В.Ф., защитит все мои интересы, как материальные, так и моральные. Хотя Бунин не понимает, почему не идти в Возрождение, когда там теперь „ни вождя, ни гвоздя" (м.б. он сам „гвоздь"?) – я жду, как скажет В.Ф. Ему виднее.

Все эти рецензии о Нов. Кор. (читали ли вы „провокацию" Филос. в „Свободе"?) действуют на меня, как музыка на старого боевого коня. Да это еще что! Но и так хочется кричать – allez-roulez! подобно Канетному трамвайщику. Если вся эта симфония Терапианы, Мих. Струве + Неизвестный кончится какофонией и потоплением корабля – ничего! Будет, по Тэффи, если не „Новый авторон", то новый Авион...

Ваша Виржини /6/ опять в Клозоне, и Ек. Мих. /7/ снова приняла ее на свое лоно. А что же Буткевич? Вы видели его в Марселе? Крамаров его ждет, всегда о нем спрашивает. Вы ничего не написали. Не написали также, познакомились ли с Энгельгардтом. Очевидно, у вас был один Терапиано. Энг. – дик, но все же посмотрите его. Адамович, просияв – погас; к нам не приехал – отчего – неизвестно, только написал, – через долгое-долгое время! что уезжает в Париж и прислал рассказ Коли Фрейд. /8/, с адскими рекомендациями... (я еще не читала). Игорь Дем. – в неистовом увлечении „Генеральшиным мопсом" Пескова. По-моему, он помешался, т.е. Игорь, а не мопс. Давно уже заметно. И за „лояльность" – горой.

Погода – дивная. К вечеру холодновато, но днем просто рай, (и не по карташевски, а в самом деле). Смотрю налево, на холмы, где вилла Eden... и где вас больше нет.

Ниночка милая, неужели неправда, что

Все, что бывает – не исчезает,
Пусть миновало, но не прошло..?

Целую вас нежно.

Зин.

Вообразите, я потеряла ваш „подарок" – старенький портсигар, и окончательно.

Окт., 6, 27
V. Tranquille
Le Cannet

И я, милая Нина, отвечаю вам тотчас же. Не так даже важно, чтоб ответить тотчас же, – важно, чтоб этого *хотелось*. И мне хочется.

Между тем, ответить на ваше письмо, такое, как ваше, – письмом, – т.е. какими-то написанными словами, вовсе не легко. И уж конечно я вас за него не „благодарю". Я говорю себе: пусть оно *будет*. Так – хорошо. А вам: это большая радость, вообще радость, и для вас, и для меня, и для всех, что есть такая прелестная прелесть, как вы. И что может быть такой момент душевного сиянья, какой я чувствую под вашими стихами.

Чем ближе дружишь со „словами", тем яснее, какие они „несчастные"; ничего-то ими до конца не выразишь. Однако именно в стихах они делаются счастливые, (по крайней мере всегда так думаешь). Потому мы стихи... не то, что „любим", это не то, а как-то совсем по-особенному их в жизни выделяем. У меня был в Петербурге маленький старый альбом, под названием, почему-то, "Remember" где я писала только по одной фразе на страничке, иногда по одному слову (была страничка „Слезы..." и больше ничего). Так вот, на одной написано: „Душа просит стихов. И я душе моей уступаю..." Кажется, тогда это значило: при всей строгости, в которой держу я душу, иногда нужно ей уступить... *позволить* писать стихи. Ведь мало-ли когда ей „хочется" писать стихи! Но если она действительно „хочет", значит ей надо; пусть „счастливит" слова...

Ваши „извинения" сегодня иначе звучат, а потому на них не сетую. Хотя все же... зачем? Впрочем, я знаю, если не „зачем", то „почему". Но это долго объяснять.

Подождите, вы еще скажете, что мы приехали „слишком скоро..." Тогда на линию Cannet ляжет другая линия, – кто ее знает, какая? и та потускнеет, как небо и море тускнеют в час *второго* заката. (Вы никогда не замечали, что всегда бывают *два* заката? Я эту тайну недавно подсмотрела). Сегодня был закат строгий: темносерое внизу и яркое, розовое наверху, с розовой луной. С нами была, впрочем, Вера Н., и она все рассказывала про... другое. Да; бедная Галина! И великодушная В.Н., переписывающая на машинке эту меледу „робких перстов!" Ах, нельзя сказать, чтоб Звено было блистательно. У Оцупа есть прямо непозволительности в стихах (в поэтическом смысле), а Мамченко... этот навел меня на столь неприличные сравнения, что когда я, необдуманно, высказала их вслух – к счастию, при одном Володе, – то Володя покраснел. Увы, моя Нина милая,

вы не знаете, но из честности не хочу скрывать, что во мне есть и poissard' ка. Или, что не лучше, – „гусар".

После могильного молчания – мы засыпали Lamblardie письмами: сегодня и Д.С. какое-то длиннейшее послание туда направил (долго сомневаясь, дойдет-ли). Но наши с вами письма – ведь это особо, неправда-ли?

Целую вас „крепко" и „нежно"... и думаю, что еще какое-то слово должно быть для поцелуя, но я его не знаю. И никто не знает; верно, и поцелуев таких *еще* нет (хотя могут же быть, если есть в бытии „вообразительном"). Все существующие, с соответственными прилагательными, это не то. Ведь и Шмелев с горничной, и у тех тоже называется „поцелуями"... А настоящие, может быть и „крепкие", и „нежные", и еще какие-то, но непременно „себе довлеющие", т.е. никуда не ведущие, и потому „чистые", – (как говорят „чистое" искусство).

„...И даже если вдруг, полуслучайно,
Уста сближались на единый раз,
В едином миге расцветала тайна,
И мне не жаль, что этот миг погас.
О, в поцелуе все необычайно!
.... я помню только вас"

Это конец одного моего сонета (не напечатанного), который вдруг мне вспомнился, – хотя и с пропуском. Целый трактат – о поцелуях! Да еще которых „не бывает"!

Спешу кончить, целую просто, помню и продолжаю вам радоваться.

До свидания, милая,

Зин. Г.

Окт., 15, 27
Villa Tranquille
Le Cannet, A.M.

Ну вот, Ниночка, почему „задача"? Да еще „трудная"? Будьте просто *„собой"*, а это вам разве трудно? Мой „зритель" (вы угадали, он во мне есть) только того и хочет.

Сегодня мы, перед завтраком, ходили „к вам". Было тепло и тихо, нежные облака иногда заволакивали солнце. На дороге лежали листья платанов, похожие на кленовые, полузеленые-полулимонные; Д.С. их набрал целый букет. У вас – все зазеленело, новая трава, светломалиновые цветы с желтыми сердцами. И совсем пустынно вокруг. Но не печально, а весело. Даже ваши окна закрытые не говорят о „необитаемости", а так, будто „пока".

Вы уже привыкли к Парижу, а я еще думаю, как буду привыкать.

Все, что идет оттуда (кроме ваших писем), мне не нравится. Ни вести, ни слухи. Ни Терапиано, ни Энгельгардт, ни Струве, ни „элегантный pied à terre" четы Ивановых /9/ на Raynouard, (в двух шагах от нас!), ни „омоложенье" П.Н., ни старые, возраста Кусковой, Дни, – ничто! Ничто! Такое неприятное „настроение" я, конечно, в себе не приемлю, но почему бы вам не пожаловаться?

О „словах", конечно, вы правы; я говорила больше в том смысле, что, все-таки, за ними стоит иногда большее, нежели они. И это хорошо. А люди „без слов"... уверены ли вы, что они все (есть исключения) – „люди"?

Я видела вас вчера во сне, в белом платье с цветочками, и ужасно веселую. Мы сидели в саду, и вы что-то мне читали, вроде вашей милой пародии, только мы были вдвоем. И сад был какой-то не тот, более южный, сицилианский. А мне тоже было весело...

Вовсе не будет, „как я захочу", а как будет. Будет же, как „мы" захотим... вероятно. Вы не думаете?

Что вы пишите? Рассказ? Стихи? Или ничего, только видите людей? Напишите лишь самое-самое ваше теперешнее приятное. Вообще – пишите, как пишется, как хочется, не думайте обо мне, а о себе.

Зин.

Понедельник, 10/17/ (27)
Le Cannet.

„Ты" – ведь это очень много, милая Нина. По крайней мере я так смотрю. И я, конечно, считаю, что „ты" может быть, у нас, только обоюдным, взаимным. Разница наших лет здесь перестает играть роль; потому что, скажу вам по правде, я никаких материнских чувств к вам не питаю. Не только к вам, но я, кажется, вообще их лишена. При всем разнообразии отношений к разнообразным человеческим существам – именно материнства у меня ни к кому не было. Это громадный недостаток; должно быть, оттого, что уж очень сильно у меня, в свое время, было „дочеринство" к своей матери, такой на меня не похожей...

Но все равно, факт остается; и говорить вам „ты" я могу не в этой плоскости; и не взаимно – тоже, значит, не могу. Взаимное же „ты" – очень много.

И теперь я вас спрошу (но раньше вы спросите себя) – хотите этого многого? Только отвечайте себе хорошенько, а тогда и мне,

и я уверена, что тот или иной, – ответ будет настоящий.

Боюсь, что письма наши разошлись, поэтому сейчас пишу только два слова. Нет, не извиняйтесь ни в чем, и стихи, какие напишутся, присылайте всегда: люблю ваши стихи.

З.

Вчера был такой робкий закат у моря. Смотрела на него – и Буткевича пропустила. Ничего, увижу еще. Буду говорить о вас...

Окт., 22, 27
V. Tranquille
Le Cannet, A.M.

Вот именно, милая Нина: ничего „искусственного", нарочного, придуманного, хотя-бы оно было „прекрасно".

„...Я думал о том, как ты много хотела,
И мало свершила, и мало посмела,
Я думал о том, как в душе моей ясно;
О том, что заря в небесах – догорела..."

Это конец старого стихотворения (м.б. я его перевираю), когда „я слушал, без слов, как любовь умирала" – мне пришел в голову не знаю почему; совершенно некстати, только, разве в том отношении, что лучше совсем ничего, нежели сознательно или бессознательно „нарочное". И написав эти строчки – мне захотелось написать вам что-то другое... что-то смутно слагавшееся недавно... вчера, когда мы с Д.С. перед завтраком ходили опять в „вашу сторону" гулять. Но подождите... сейчас я приведу это в какой-то порядок... не в очень большой, – простенький; соответственный здешнему, не совсем обычному, а все-таки „октябрю..."

———

Чуть затянуло голубое
Облачными нитками.
Луг, с пестрою козою,
Блестит маргаритками.
Ветви по летнему, знойно,
Сивая олива развесила.
Как в июле – все беспокойно,
Ярко, ясно и весело...
Но длинны паутинные волокна
Меж колокольчиками синими...
Но закрыты высокие окна

На даче с райским именем.
И напрасно себя занять я
Стараюсь этими строчками:
Не мелькнет белое платье
С лиловыми цветочками...

Это уже à vous, ma belle, – и чтобы вы не „извинялись" впредь, если случится еще прислать мне стихи.

Конечно, ваше вчерашнее письмо очень спутано („проклятые слова!"), но, по линии, оно же и очень понятно, – мне, по крайней мере. Вы все боитесь, что увижу „то", или „это"... а вдруг я как раз не то в вас увижу и открою, а совсем что-нибудь не ожиданное? Мне часто запоминаются маленькие, полуслучайные, вскользь брошенные слова; в них мне открывается душа этого человека, – если я ею интересуюсь, – и общий его „строй". А из „строя" много можно вывести... Я вовсе не увидела вашего „холода" там, где вы думали, что я его увижу. И ваша „гордыня" мне вовсе не „противна". Прежде всего, она (вы правы) дает прекрасный, необходимый, жизненный упор; создает „иммунитет", без которого я, например, с свое время-бы, конечно, провалилась без остатка. Потом эта прививка делается закалом. И вы не бойтесь отдаваться вашей „гордыне"... с осторожностью, однако, т.е. зная, хотя бы предчувствием, что это вовсе не последнее „достижение", что есть еще какая-то „сверх-гордыня"... но я не буду говорить о ней; вы сами преобразите в нее вашу сегодняшнюю, иммунитетную, гордыню перед Ив-ми /10/ и т.д. – если сумеете, если вам дано. Надо самому непременно.

У меня иногда такое чувство, что мне и бесполезно вам долго о чем-нибудь говорить: зацепочка, полсловечка, и вы уж знаете. Неправда-ли? Я люблю такое знание продергивать через сознание и, насколько можно, через слова; но это мое личное свойство, эта любовь. Она не лишена опасности. Рано, криво продернешь до слов – и все заключится „словами".

Мы приедем через 10-12 дней. Не обманываюсь насчет ожидаемых в Париже прелестей. Один холод чего стоит! Здесь – я недавно съездила в Ниццу в открытом автомобиле, в чудный день, укутанная; и все-таки возвращаясь после заката, простудилась; насморк, лихорадка... на один единственный день. Тотчас пошла гулять по солнцу, и как рукой сняло. В Париже другой разговор. Но – волка бояться, в лес не ходить. И не карташевским, а своим голосом хочу сказать „поборемся..."

Буткевича не видала еще. Крамаров обещал привести его в кафе, да исчез и сам, угнетенный женой, которая приехала с утроенным количеством болезней. О „Корабле"... одно огорчение думать. Ну, ничего, будет, что будет.

В cafê меня изводят разные старики. Один в особенности: каж-

дый день, да еще стихи мне сочиняет, – можете себе представить, какие! Впрочем, юный Штейгер тоже просит свидания. Ох... не верю в поэтизм и его.

Ниночка, вы не успокаивайтесь скорым приездом, а напишите мне опять. Я еще не раз успею вас поцеловать в письме прежде, чем поцелую при свидании.

Ваша Зин.

Четверг.
Le Cannet /*1927*/

Мы приедем на будущей неделе, милая Нина. И, конечно, сейчас же увидимся... А я вам хочу написать о Буткевиче.

Не знаю почему, но я, как-то во всех смыслах его представляла иначе, и даже все „о нем" иначе. Он, во-первых, вовсе не „юный", а с виду даже и не очень молодой (старше Володи). Маленького роста, гораздо ниже меня, но широкенький. Похож сначала на рабочего (хотя одет не как рабочий), а при рассмотрении – на учителя провинциального, или даже не провинциального, а просто. Он – сын уфимского предводителя дворянства (расстрелянного большевиками), в университете учился Московском, но бывал и в Петербурге. Служил у Колчака (офицером) – и тут у него длиннейшая история, обычная – и странная – русская эпопея. Японцы спасли его из Че-Ка, за неск. дней до расстрела. Раньше он был контужен, и правый глаз у него плохо видит. Он побывал везде (мал земной шар!), испытал, если не все, то почти все, был и редактором газеты (во Владивостоке) и учителем гимнастики. Немногословен. Только кратко отвечает на вопросы. Но просто, без угрюмости. Лицо обветренное, нос красноватый; может быть, он и пьяница, и эксцессник – этого не знаю. И это, вообще, скрыто; никаких „богемно-эстетических" манер. Производит впечатление культурного человека, литературу знает, мнения у него простые и верные. Оказывается, был в Париже, но не мог найти там никакого приличного труда и „ушел" в Марсель. Последние годы жизни (или „жития") дали ему какую-то „дикость", сделали каким-то... не умею найти точного слова, но будто у него все „отбито", вот как говорят – „печенки у меня отбиты". Физический труд? Он, по-моему, его „не любит". Но на него способен: „я занимался спортом".

Здесь он, конечно, не останется. А только пока Крамаров выхлопочет ему паспорт, который он потерял (где, как? Темновато.) Потом поедет в Париж. Пусть Вл. Фел. спросит о нем Ренникова: Буткевича

Р-в /11/ знает, но, и кажется, хорошо.

А куда девался его большой рассказ „Голубой павлин"? Об этом рассказе Б. интересно рассказывал Володе. Бунин весной передал его Семенову /12/. Верно, погиб. Копии у Б. нет. Он не одну „беллетристику" может писать, а, кажется, „все". В отзывах (критических) очень сдержан, осторожен и верен.

А сегодня у меня была... Галина. Я пригласила Бунина и В.Н. на прощальный завтрак, а потом, подумав, и Галину. Да, вы правы: все равно она будет раба. И положение ее – из очень жалких... Но помочь нельзя.

Кстати: и ей, и всем Б-м /13/, очень нравятся ваши стихи в Звене.

Милая Ниночка, напишите мне два слова – если с быстротою молнии, то сюда, а нет – то на 11 bis, я получу ваше словечко приехав. Чувствую себя еще не вполне здоровой. Сегодня *первый* холодный день, мистральный.

Целую вас крепко, до свидания

З. Гиппиус.

Ей в Thorenc

I

Я не безвольно, не бесцельно
Храню лиловый мой цветок.
Принес его, длинностебельный,
И положил у милых ног.

А ты не хочешь... Ты не рада...
Напрасно взгляд твой я ловлю.
Но пусть! Не хочешь и не надо.
Я все равно тебя люблю.

II

Новый цветок я найду в лесу.
В твою неответность не верю, не верю!
Новый, лиловый я принесу
В дом твой прозрачный, с узкою дверью.

Но стало мне страшно там, у ручья:
Вздымился туман из ущелья, стылый...
Только шипя проползла змея.

И я не нашел цветка для милой.

III

В желтом закате ты – как свеча.
Опять я стою пред тобой бесcловно.
Падают светлые складки плаща
К ногам любимой так нежно и ровно.

Детская радость твоя кротка.
Ты и без слов, сама угадаешь,
Что приношу я вместо цветка...

И ты угадала, ты принимаешь.

З. Гиппиус

Thorenc 1928.

В.Ж. /14/

Посв. Н.Б.

Каким мне коснуться словом
Белых одежд Ее?
С каким озареньем новым
Слить Ее бытие?
О, ведомы мне земные
Все Твои имена.
Сольвейг, Тереза, Мария...
Все они – Ты, одна.
Молюсь и люблю, но мало
Любви, молитв к Тебе.
Твоим – твоей от начала
Хочу пребыть – в себе,
Чтоб сердце тебе отвечало,
Сердце – в себе самом,
Чтоб нежная узнавала
Свой чистый образ в нем...
И будут пути иные,
Любви иной пора.
Сольвейг, Тереза, Мария!

Невеста – Мать – Сестра!

1/6/28
Paris

Милая Нина.

Пишу вам просто привет. На русское Рождество. Несколько дней тому назад у меня сделалась, в 10 минут, ангина. Панический Ив. Ив. уложил меня в постель (но я выскочила), Володя в полночь пошел за сулемой, Д.С. поднял крик, но ангина весьма быстро прошла. Однако, Ив. Ив. меня не выпускает из дому, грозя страшными последствиями. Я не верю, но покоряюсь насилию.

А по поводу нашего последнего разговора (о „ъ") я даже написала стихи, которые озаглавлены „В.Ж.", которые будут напечатаны в Нов. Кор. и которые (это нарочно не „которые") я посвящу Н.Б. А раньше вам их *не* прочту.

Если вы устанете от балов и будете как-нибудь близко от меня – зайдите. Я надеюсь выйти на днях, но лишь утром, только на Muette, проглотить воздуха.

Целую, Зин. Г.

Какую мертвенную статью о В.Ф. написал Адамович. Редкая мертвенность! Кстати, уж в городе ли Ад.! Я ему, перед жабой еще, послала письмо – и ни звука в ответ. На него не похоже.

Возрождение – не утешительно!

2/11/28
Paris

Вовсе не резко, милая Нина, но... зачем же так уж очень заражаться всеми концепциями Владислава Фелициановича? Я получила оба письма одновременно – очень похожи! Как бы даже точка в точку. Впрочем, уже бывало. Вот хотя бы и по отношению к Георгиям Ив., Адамовичам, Терапианам и К°. Вы их тоже „не могу"; столько же раз говорили мне об этом, сколько и Вл. Фел. А в конце концов – что? Вы, оба, меньше „не могу" наших „александрийцев", нежели „парней от Рено", или одинаково? Тут еще Вл. Фел. для меня

неясен. Не сказал последнего слова.

Я всех „могу" очень долго, пока собственным разумом не пойму, что тут – наверно отделение ада, значит наверно все, без исключения, могут быть только „черти". Это бывает, (отделение ада), но чаще встречается смешанность, и мне как-то неловко говорить о себе: „все они", тем более, что мой спортивный и любопытствующий интерес всегда занят отдельностями.

Так, между прочим, и в данном случае. Я вовсе не интересуюсь типом Бессоновых, как вы его рисуете, но сейчас вот этим Бессоновым; и когда я пойму его – определю и его тип. Я весьма склоняюсь к тому, что вы, относительно этого самого Бессонова, очень правы, именно таков он, или вроде, как его булавочкой приколол Вл. Фел. Только у меня своя привычка – „видеть, чтобы верить" и „семь разов отмерить, чтоб зарезать наконец".

Относительно „влияний" вообще: весьма их приветствую, всегда их искала, с радостью принимала. Но по долгому опыту вижу, что без пути „шоков" полезной взаимопомощи не получается. В шоках рождается (не всегда, конечно) что-то третье, где и „мое" и „твое" – в нужную меру. Впрочем, сохраняются и права собственности каждого, поскольку он за них держится.

Вот, милая, несколько строчек от той, которую вы „так любите". Это, ведь, не значит, что нам надо избегать „шоков", – напротив, неправда-ли?

З.Г.

Понедельник. 1928

Ваше письмо мне не очень нравится, милая Нина. Или даже совсем не нравится. Решительно ничего в нем не нравится, – даже период, когда „к священной жертве вас потребовал Аполлон". Да еще с передышками („кучу") и t°. Последнее, впрочем, не беда. Вы удивлены? Но... je m'y connais. У меня десять лет была t°, уже когда ничего в легких не имелось, и от них явно не зависела. Что со мной ни делали, она продолжалась. И „прошла" только тогда, когда... я перестала ее измерять. Я так возненавидела градусник, что в доме его не держу, и не меряю температуру даже при гриппе и жабе (ведь тогда и так ее чувствуешь, а „ту" t° не чувствуешь никак).

Ну, и ничего. Но, конечно, пусть Ив. Ив. вас послушает. Хотя он „панический". Но это надо только учитывать, сбросить кое-что со счетов, и найдешь меру правды.

Не нравится мне и то, что вы „кутить" выходите, а ко мне так долго не придете. Почему вы думаете, что и я не могу вас тоже „освежить"? (по другому, конечно).

У меня сегодня болит голова, – от преждевременной „весны", должно быть. И от глупого писанья. Ох уж эти глупые писанья! Хорошо, что вы от них свободны.

Постарайтесь увидеть, все-таки Ходасевича и напомните ему, что он завтра, во вторник, ожидаем (или „ждан"? Как?) к нам в половине шестого. От вас жду более приятных строчек. Стихи пусть полежат, в них есть поправки, потом я вам их прочту. Они не против вас, а против того „уклона", который мне в вас не хочется видеть, ибо я считаю его вообще *неверным*, ни для кого.

Не жму вашей руки, а очень целую вас,

Зин. Г.

У нас был „Мишечка" /15/. Нравится ли Х-чу его „сбитая" статья в Днях?

Суббота
3/23/28
Paris

Милая Нина. Все решили, прочитав про З.Л., что уж если „в газетах", то плохо, и пора думать о моей панихиде. Однако, можно подождать. Можно считать, что я выздоровела, хотя бы приблизительно, ибо у меня остается, самый печальный для меня, насморк, т.е. ушной. И я уж совсем, например, Володю не слышу, – который еще и нарочно стал говорить, как умирающий, пришепетывающий, лебедь. Я все же надеюсь, что это немного улучшится со временем, т.е. не лебединый В-н /16/ говор, – (без него, в конце концов, можно бы обойтись) но мои уши для других звуков и говоров.

Но я времени не теряла и в один миг (т.е., чтобы быть точной) написала в один *вечер* о Совзапках, где говорю о вас (вообще и „кстати"), а в конце о Ходасевиче и Вейдле. Теперь посмотрим, кто из вас троих „обидится". Вдруг – все? А вдруг – никто? Мне даже интересно. Если б мы регулярно виделись, я бы вам показала раньше, но вы так далеко, и так, кроме того, боитесь с кем-нибудь встретиться, что пока условишься о свидании письмами – сто вещей стрясываются, и все расстраивается! Теперь заметка уж, пожалуй, в наборе...

Обещайте мне, если „обидитесь", – признаться. Это будет оригинально, а мне полезно.

Целую вас,

Зин. Гиппиус.

Четверг, 1 авг. 28

Милая Нина.

Приезжайте *вечером* и, если уж приезжать – то на 2 ночи *минимум.* Тогда и будет целый день. Ночевку я вам предлагаю страшно стильную и аскетическую. Вы даже не ожидаете. Откровенно и немедленно напишите, если не согласны; ничего не потеряно будет, т.к. тогда я вас устрою в комнатах у владелицы, внизу. Но вот мое первое предложение: быть *моей пленницей*, в самом настоящем смысле слова, от – скажем – полуночи, до половины десятого утра. Т.е. я вас запираю громадным старым ключом в той части башни, которая прилегает к моей комнате, и другой двери никуда не имеет. Там стоит (аскетическая, без верхнего матраса, но со всем остальным, что нужно) кровать и другая „мебель", обычная для „кельи". Кроме того там имеется глубокое маленькое окно (такое же, как у меня), а перед ним pic d'Aigle. Окно это, и мое, я обыкновенно не закрываю (они „высоко над землею, высоко над землею"), ибо оттуда идет лишь душистая ночная прохлада – и никаких мустиков, ни одного. Но его можно задвинуть ставней. Что касается ключа, – то это лишь психопатическая черта моей психологии, я привыкла так спать: не то, что зная, что никто не войдет, а зная, что никто *не может* войти. Эта келья служит мне умывальной; но je vous l'abandonne avec plaisir, перейдя в круглую башню ДС-ча для этого, ведь я умываюсь поздно, после кофе в постели. Вас я отопру тотчас же, как проснусь, в половине десятого приблизительно. Плен ваш кончится, вы пройдете через меня, кухонные сени, лестницу – в столовую, где Володя (кот. там спит) уже пьет в это время с Д.С. кофе. Дальше все уже будет вольно – вы сами увидите, что стоит здесь провести целый день сплошь. Вот тут я на меньше не согласна! А если вам страшно быть в башне (хотя и между мной и Д.С.) – повторяю, я устрою вас у владелицы. Прошу прямой откровенности.

На утренний автобус из Канн вы во всяком случае не могли бы, я думаю попасть; да вечерний и удобнее.

Thorenc вдруг пал; здесь полная пустыня, народ лишь в одном отеле. (Все отели от нас далеко). Вместо „публики" толика белых монахов и черных аббатов. Слезайте с автобуса *перед* самым последним поворотом в „город", у дороги (большой, направо, гадкой), ведущей в замок les IV Tours. Дорога не длинна. У начала ее, внизу,

какой-то дрянной желтый домик à vendre. С автобусной дороги замок виден издали, *направо*, среди лугов.

Ну, vous êtes debrouillarde, „язык знаете, денег у вас будет на 2 дня", не пропадете. Чем скорее приедете – тем лучше.

Жду мгновенной открытки – с днем и с выбором (ночлега). А пока целую. Общий наш привет В.Ф. Не удивляюсь, что он плохо себя чувствует. Это, ведь, не прошлый год, когда не было такой неслыханной жары (никогда такой не было), да и жили вы тогда не у самого моря, что à la longue скверно действует на здоровье.

Итак – до свиданья?

Ваша З. Гиппиус

Быть может, вам так наша свежесть понравится, что вы убедите приехать на недельку и В.Ф. отдохнуть; в отеле, где монахи (лучшем) пусто и дешево.

8/17/28
Ch. de Th.

Вот так унылое письмо, нечего сказать! Точно не вы писали, которую я только что видела. Наглядное действие жары! Если б у нас еще немножко остались (и не читали бы моего дневника) вы бы так скоро не раскисли!

За поручения громадное спасибо, все чудно исполнили, и в тот же вечер мы все имели. Только ликер в конфетах выкипел от жары, тут уж никто не виноват.

Наши старые демуазели и Hoven /17/ были вами очень довольны и заверяли: „если Mme. еще приедет..." Сейчас в вашу комнату явилась еще сестра, но не девица, а вдова... Мопассана! Родного брата Мопассана-писателя. Сама вид писательский не являет. Теща оседлала Володю, а ее собачонка укусила мне ладонь, так что я и видеть ни ту, ни другую больше не хочу (т.е. не ладонь и собачонку, а тещу и собачонку). В жару я не верю (физиологически), ибо сижу в шарфах: утром был короткий светлый дождь, а потом, при полной ясности и тишине, наступил прямой русский августовский холод. Пишите мне правду о нижней температуре, и только, что там можно будет „греться", а не умирать, – мы спустимся.

Кроме этих деревенских новостей у нас нет никаких, и мне жаль, что я не могу вас развеселить. Я вас люблю веселую и добрую, а когда вы „в упадке" – то мне так „не хочется". О В.Ф. думать просто досада! Когда я вспоминаю его в прошлом году на Paradis... поду-

майте! Ведь это был очаровательный юноша, ни о каких бинтах и подумать невозможно было. Д.С. говорит, впрочем, что это все у него „от злонравья" (как я от злонравия чайник в воду опрокинула). А по-моему и от жары тоже, и неудачного вашего в жаре положения. Напишите, лучше ли ему.

Познеренок /18/ где-то в Var'е написал Д.С-чу письмо с просьбой... статьи о Толстом (можете представить, как поспешит Д.С. его удовлетворить). И написал – Château des 4 – Vents! Пришло. И еще от кого-то "des 11 tours", тоже пришло.

Простите, милая Нина, это скучное письмо, но это вы, своим, меня загрустили. Однако, ничего; лучше пишите соответственно своему настроению, чем „нарочно".

Bien à vous, моя хорошенькая Нина. Скажите от меня слово утешения В.Ф., которого я, несмотря на всю досаду, очень люблю.

З.Гиппиус.

Я забыла заглавие Estonié "L'asscention" /19/... какого-то Mr.

Апр., 11, 29
11 Av. du Colonel Bonnet
Paris 16e

Милая Нина.

Посылаю вам восторженную о вас заметку. Пользуюсь этим случаем, чтобы напомнить вам о нашем существовании. Хотя и знаю, что, когда человек болен, то мало помогают напоминания о нем: здоровые его фатально забывают, *даже* в том случае, если перед этим ничего себе, помнили, – а ce n'est pas notre cas.

Не уясню себе, откуда это "cas" произошло, знаю только, что не от меня и что оно меня давно огорчало. Бесконечные лучи – синие, лиловые, инфра-красные и ультра-фиолетовые, – в сияньи которых я провожу мои дни (чтобы придти в себя лишь вечером), не освещают и не осветят для меня причины, по которой вы нас так определенно забросили, ранее всех моих болезней. Кого мы сначала прогневили (?) вас или le cher "destructeur"? Называю его так, чтобы быть ему приятной; говорят, ничего не доставляет ему большего удовольствия.

Во всяком случае, если б вдруг сделалось, что вы о нас вспомнили, а гневы (??) ваши таинственные забыли, – мы-то очень бы этому обрадовались и радостно обоих вас увидали.

Ваша (обоих)

З. Гиппиус.

Шато, четверг. 1929.

Что это; Господи-Батюшка, стоит ли тысячу пудов таскать! Сбросьте. Переезжайте, pour changer l'air, на две недели в Cannet, не так далеко, а чуть повыше нас, за площадью и направо (т.е. над обрывом) можно найти приличное и свежее гнездо. В. Ф-чу это даст новое направление мысли, так как мы возвращаемся, вероятно, уже *во вторник* для... Белича и разговоров о журнале (помните, письмо за завтраком?). Правда, к нам еще грозит приехать Маковский, но для В.Ф. не обязателен же он, а инде, по доброй воле, мог бы и В.Ф. его... „пожать".

Зная вашу debrouillard' ность, я уверена, что это changement de l'air перед Парижем вы бы могли устроить за милую душу, если б захотели. Songez-y.

Итак – мы спускаемся, по предположению, во вторник. Или в среду. Не очень хочется, ибо здесь теперь стало еще лучше. Но всему свое время. Кстати, у меня опять никаких папирос, жалко, что не попросила вас два дня раньше прислать мне коробочек 8; выписывать поздно, а теперь и вы не успеете прислать, не смотря на вашу молниеносность.

Нежно вас целую. Уговариваю В.Ф. возникнуть. Если еще пришлете карточку, словечка два – буду рада.

Ваша З.Г.

9/11/29
Villa Tranquille
(без Жерома)
Le Cannet A.M.

Милая Нина.

Так уж известно, что большинство писем начинаются с извинений (если долго не отвечал), – давайте обойдемся без них. На один раз. Если повторится то же (верю, нет) – обещаю, что буду извиняться и оправдываться.

Мне давно хотелось поговорить с вами о вас, – о вашей новейшей литературе. Потом стало меньше хотеться и, наконец, совсем расхотелось. Т.е. говорить *с вами*, а не писать (по печатному). Последнее продолжает хотеться, но глупо же себя обманывать: обстоятельства таковы, что это хотенье остается мечтой моих уединеных

часов. Против ее осуществления (во времени и пространстве) восстают и пространство, и время. Оба вместе, в связи, очевидно, друг с другом. Оттого-ли нет места, что неблагоприятны времена, или обратно, – не знаю... Но факт на лицо, и я на эту стену не полезу.

Поэтому ограничусь – знаете чем? Неким „Гласом народа". Я вам передам, почти без разбора, самые разнообразные о вас (о ваших рассказах) суждения, или от них впечатления; не важно, какие они, и от каких людей, глупых, даже дурацких, или умных, идущие. Не важно, что они, как-будто, противоположны иногда, эти мнения. Важно, что в каждом из них есть (на мой взгляд) какая-то минимальная доля верного, и, если б, все эти дольки выловить, да химически соединить, вышло бы в общем, что-нибудь настоящее. Подчеркиваю еще раз, что ни одно из этих мнений, целиком, я отнюдь не принимаю и не разделяю, а потому – вы понимаете – и не смягчаю перед вами их резкости и крайности. Сплетнического характера не будет, это гласы „народа", вам, в большинстве, неизвестного, да и центр любопытности не в том, „кто что", а что могло бы получиться, при уменьи, от всего.

Предисловие длиннее текста, однако, ибо я, ведь, могу лишь взять малую часть, да и то центральную точку каждого реагирования на ваши „бианкурские рассказы" /20/.

1/ Я как-то не узнаю никогда Б-ву. Что она, ищет, что-ли, себя? Все неожиданно.

2/ Несомненно, самая интересная писательница, куда интереснее не только всех современниц, но и современников.

3/ Почему Б-ва увлеклась „стилизацией"? У нее был свой язык, и мастерской; но для стилизации мастерства не хватило, не говоря уже ни о чем другом. Ее „комические" персонажи не выдерживают себя и вдруг так начинают „выражаться", с такой красивостью, что всякая вера в них пропадает.

4/ У Б-вой в последних ее произведениях „то скрипка слышится, то будто фортепьяно..." Сначала мне казалось, не хочет ли она писать под Достоевского, а потом вижу, выходит под Зощенко.

5/ Нет, даже под Дон-Аминадо /21/. Если увлечься стилизацией, – всегда так. „Фотожених" – местами совсем „Дневник Коли Сыроежкина" /22/.

6/ „Фотожених" – самое слабое. Неинтересное глумленье.

7/ Да бианкурцы вообще не понимают, за что им это, – (принимают, как издевки). А ведь она хочет трогательности.

8/ Из-за этого нарочитого „стиля" трогательности не видно. Такая досада! У нее был какой-то рассказ, жена приехала к мужу-рабочему, вот там она сумела; тогда не подделывалась, а просто, от себя, рассказывала.

9/ Б-ва свое найдет. У нее перо умное, она сообразит, что сей-

час пошло на тупик. Она бросит слишком уж стараться. Пойдет вольное, тогда увидим.

10/ Да, надо сказать, что эти pantins, комические фигуры Б-вой, к которым она задалась видимой (слишком видимой!) целью возбудить в читателе какую-то жалость, — ce n'est pas son fort! А ведь очень талантлива. И талант, казалось, такой... тактичный. Или вы это называете вкусом? Пожалуй. Такт или вкус непременно изменяют, если неверны и слишком явны задания, претензии.

11/ Мне, как читателю вообще Б-ва нравится. Она всегда не скучна. Она думает о читателе.

12/ Б-ва слишком много думает о читателе. Представляет, как ее будут читать, когда пишет. А эти ее русские беженцы-рабочие какие-то либо слишком умные, либо слишком глупые. Не понимаю, зачем она не пишет попроще. Это, что-ли, Андрея Белого школа?..

Ну, и так далее, и так далее... Свидетельствую, что все это я слышала от *разных* лиц, и не все в одно и то же время. Признаюсь, что я (иногда) ставила вопросы; а на вопросы, поставленные мне, отвечала... ничего (я это умею).

А затем — пора уж и кончить эту игру, так как пора кончать письмо. Глас гласом насчет вашего Бианкура, но если „ты им доволен, взыскательный художник", то пусть себе это будет глас вопиющего в пустыне.

С печалью узнала, что Владиславу Фелициановичу не пошло в прок парижское сиденье. Хоть бы ненадолго изгнали бы вы его куда-нибудь из вашего каменного котла. Мы, южане, очень горды, что всего прохладнее — у нас. Ни одного дня страданья и задыханья! А вечером я начинаю чихать и запирать от „холода" окна. Мустики погибли в личинках, бывали вялые комары, а сейчас только бабочки. Однако, эта наша прохлада и вообще „погода" имеет обратную сторону: сделали тихо-бессезонную Ривьеру невероятной толкучкой. В Аллеях никогда места нет. А если есть — того и гляди, кто-нибудь накатится, знакомый или полурусские — повсюду; у каждого „последний нос в синяках" (т.е. „Последние новости в руках"). И даже цвет русской литературы: рассыпан по Ривьере: не говоря о Бунине et la suite, тут же (в Juan le Pins, конечно) Тэффи со свитой, Зайцевы, и дальше... вплоть до Буткевича, который сегодня был у Володи. (Жаловался, что вы с ним „обратились").

Кто ходит, кто стреляет на автомобиле... только мы сидим, как пришитые; только на кукушку — они стали часты и велики — и назад домой, где я читаю всякие „Деревянные ноги" в оригиналах и думаю о своих: живой, которая *почти* поправилась, и откровенно деревянной, романной, которую по нужде горькой нужно мне написать. Как никогда, требует от меня денег мой Петербург. Значит, не до миндалей.

Кое что в письме Вл. Ф. меня очень утешило. Скоро ему отвечу. О вас, милая Нина, ничего не знаю. Уверена, что вы бодры и веселы. Но если б знать, все же, поподробнее? Могу ли на это надеяться?

Целую вас крепко. З. Гиппиус.

Дек., 1, 29
Villa Tranquille
Le Cannet A.M.

Не знаю, милая Нина. Можете себе представить, что я действительно не знаю, почему я не ответила вам, а затем Вл-ву Ф-чу. Почему не написала сразу, как я обычно делаю, я знаю: в то время все мое существо было отдано усилию сделать *не свое* дело, написать статью, которая совершенно была бы не моя, и о том, чего я, в сущности, не знаю. Из этого, конечно, ничего не вышло, – кроме сознания, что усилия-то я приложила все, а дальнейшее не в моей власти. Вышла еще цепь обид и огорчений разных людей, которым я ни слова не отвечала; они (обиды и огорчения) до сих пор не прошли у некоторых, хотя я, окончив эту corvée и выйдя из трехдневной мигрени, почти сразу написала 16 писем. Почему не 18, почему вы и Вл. Ходасевич остались в моем левом ящике (неотвеченных писем) – вот этого-то я и не знаю! Может быть, оттого, что некоторым из 16 можно было написать кратко и кое-как, вам же и ему я этим способом писать не люблю. Может быть и еще, кроме этой, по каким-нибудь скрытым причинам, – не знаю. Знаю лишь, что в неответах *этих* и о вас и не забывала, чему вы поверите, учитывая мою откровенность: ведь я могла бы найти тысячи извинений, – во-первых – всякие (подлинные) ангины и т.д., во-вторых то, что я, бесславно окончив одно не мое дело, принялась за другое, не менее трудное и гораздо более неприятное: предисловие к книжке стихов Савинкова: книжка по подписке, для его вдовы (неповинной), а без моего предисловия и редакторства Фонд. книгу не хотел издавать.

Я, как видите, вступила на путь добродетели и бескорыстия (вольно или не вольно – другой вопрос). Пишу только то, что не хочется писать, что нужно другим, а не мне, и только без гонорара. Когда я избавлюсь еще от некоторых явных грехов, как, например, неответ, неизвестно почему, вам или чувство зависти к Тэффи, которая путешествует на автомобиле и, печатая это путешествие одновременно в *двух* газетах, получает двойной гонорар, – шансы мои на рай сильно увеличатся. Я так думаю; пожалуйста, не разочаровывай-

те меня!

Бунин выписал себе из Риги еще одного молодого писателя-поклонника. Теперь около Maître'а целых три представителя молодежи; словно ученики фра Беато или Винчи – они служат ему на Бельведере и полезны даже в хозяйстве. Новый ученик (я забыла его фамилию) написал только еще одну книгу (забыла название), но такую, по мнению Б., обещающую, что по книге он его сюда, к себе, и выписал. Кроме того, что он беллетрист – он маляр. От своей судьбы и Бунина – он в трепетном восхищении. В.Н. очень довольна. Ей меньше забот. Как бы Рощин не возревновал только...

Мы живем уединенно, что надеемся продолжать и в Париже, со страхом думая, что это будет все же не то. А в Париж надо ехать, ничего не поделаешь. Крайний срок – 15 декабря, т.е. между 12 и 15. Вам с вашей бурной столичной жизнью, будет казаться, что приехали какие-то одичавшие. Погодите, в мое время и вам захочется „покоя и воли" – только. Да! скажите, Бога ради, *что* было в том загадочном письме, которое герой ваш распечатал? Я не могла догадаться – даже приблизительно!

Целую вас... и уж, конечно, не смею просить о весточке. Если б смела, то попросила бы.

Ваша З. Гиппиус.

Какая погода в Париже? У нас – не очень важная.

Понедельник,
5/26/30
Париж

Не успела ответить вам сразу, милая Нина, такая досада! Напрасно вы клевещете на ваше письмо: если оно чем грешит – то недостаточной ясностью. И многими неточностями, – начиная с первой фразы: „простите, что отвечаю вам *не я, а В.Ф....*" *Не ясно*, что это, дорогое вам, „мы" отрицаем: литературу? Пушкина? Державина? Или что-нибудь более вам интимное, чего мы не знаем? *Не точно*, что мы „благословляем" какой-то „скотный двор", да еще который сами, будто бы, таковым, признаем. Мы вообще не раздаем „благословений", но, быть может, вы, образно, разумеете Зеленую Лампу? Насчет „скотного двора" мне писал (давно) В.Ф., и то разумея не Лампу целиком, а какую-то другую группу людей. Я ему отвечала лишь в том смысле, что вообще не ищу „парадизов", а насчет сознательного и определенного решения моего „благословлять скотный двор" я не писала, –

по вышеуказанным причинам.

Я, дорогая Нина, подчеркиваю эти неточности просто потому, что вообще люблю все à point. Но я, конечно, знаю, что уж раз человеку вступили в голову такие слова („благословения", „аморальность", „скоты" и т.д.), то уж и останутся, пока сами не выступят. Следовательно, я и жду, с терпением, времени, когда оно приведет вас, *относительно меня и нас*, к мере, заставив увидеть нас более просто и реально, чем это показывает вам ваше возбужденное раздражение, – оно со всяким случается! И тут я не изменяю своему принципу свободы.

А затем шлю вам мой нежный привет, поклон В.Ф., и остаюсь

Негуманной З. Гиппиус.

5/29/39
11-bis Av. du Colonel Bonnet
Paris 16e

Без женской верности, друзья,
Как жить?
Без женской прелести кого любить? /23/

Хотела вам сейчас же ответить, милая Нина Николаевна, но тут сразу получились какие-то очень плохие вести о Вл. Фел., и мне подумалось, что м.б. вам сейчас не до моего письма. Как с ним теперь? Сведения у нас самые противоположные, – из третьих рук. Но вы наверное знаете все наиболее точное о его состоянии.

А по поводу вашего письма я вам хотела сказать очень много. Первое – это что и я вас, за эти годы, не забывала, а последнее время, когда пришлось строить схему эмигрантских лет и разбираться в старых „Новых Домах", я думала о вас особенно часто. Две ваши строчки (эпиграф) мне кажутся „магичными" (кстати, они подходят и к теме нашей переписки). Думала ли я о вас, когда писала о „женщинах", об их „изменах", Вл. Ф-чу? И да, и нет. Да, потому что при мысли о нем невольно вспоминаетесь вы. Но вопрос о „Ж." /24/, вы сами видите, очень сложен. Прежде всего, надо отличать „измену" от „изменения". „Измена" всегда предполагает ложь, не прямоту; в женщине часто соединяется с той изумительной непонятностью, никак не объяснимой (м.б. и для самой женщины), которую мы называем женской психологией. „Изменение" всем этим может и не сопровождаться, как в любви, так и в дружбе (тесной). Но согласитесь,

что для женщин первое (измена) свойственнее, т.е. и само изменение, часто даже неглубокое и бессознательное, принимает формы измены.

Вот, например: можете ли вы себе представить двух друзей („М"), близких друг другу 20 лет, с общей жизнью и общими внутренними интересами, постоянно встречающихся... и чтобы вдруг, один из них, через несколько дней после обычной, дружески-нежной встречи, написал другому: „прощай! Теперь мы увидимся уж лучше на том свете". Получивший такое письмо *ни с того, ни с сего* хотел бы хоть объяснения, но, увы, он его никогда не добьется. Никогда не поймет эту психологию, — если она *женская*, а мужской такой нет, и вы, конечно, не представляете себе подобный случай между друзьями „М.".

Таковы „недочеты" женской природы, но вы, конечно, во многом правы: „без женской нежности — как жить?" Да и всегда ли виновата в таких „недочетах" женщина, и, наконец, у всякой ли они определенно выражены?

Это все мои общие объективные мысли. Относительно вас — мне кажется, что вы более склонны к „изменениям", нежели к „изменам", но это действие вашего „М", — вы его в себе и не отрицаете.

Отчего вы перестали писать стихи? Мне жаль. Жаль также, что вы слишком уединились, — вернее — отъединились от нашей (какой ни на есть) среды. Я не уставала о вас спрашивать, и всегда получала ответ: „она ушла в личную жизнь". Может быть, это так, может быть не так; может быть, это хорошо, и мудро — для вас, потому что, ведь, „среда"-то, действительно, не блестящая; но она именно какая ни на есть, и если отъединение ваше хорошо для вас..., то, ведь, не всегда хорошее для себя совпадает с хорошим для других (какие ни на есть). Впрочем, не хочу вам читать мораль — еще бы! говорю, главным образом, о себе, о том, что досадую, никогда вас не видя и — ничего от вас не получая. Я очень корыстна к людям и от каждого „существующего" надеюсь чему-нибудь — и на старости лет — научиться.

О Некрасове: я читала все эти „новейшие" открытия, но и дальнейшие опровержения; во всяком случае, дело не так уж ясно, и для окочательных "preuves" должен еще найтись какой-нибудь серьезный детектив. — Ваши исторические очерки очень интересны; мне хотелось бы, чтобы вы занялись „семейством Бакунина" и кружком Станкевича; как это любопытно, эти барышни, эта удивительная и смертельная игра в любовь!

Но довольно; я вам длиннее ответила, чем, м.б., нужно. Если найдется у вас минутка и доброе желание, черкните строчку о Вл. Ф. Мы оба о нем много думаем. Привет от Д.С. (и он вас не забыл) и нежный — если позволите — поцелуй от меня.

Ваша З. Гиппиус

Письма к Ходасевичу
Letters to Khodasevich

9/15/25
V. Alba, rue Jonquière
Le Cannet
Cannes (A.M.)

Нельзя ли сделать кое-где поправки к вашим поправкам?

„Проза поэта" – название *моей* статьи (одной „из") о Земной Оси.

„Я долго был рабом покорным" и т.д. – *первоначальный* текст данного стих. Б-ва, тот, кот. он и читал. Я знаю, что в позднейшем тексте был очень изменен, по моему – к худшему, что я и говорила самому Брюсову.

Я не помню, говорю ли я где-нибудь, что *исключительно* А.Жид писал в Весах, а также, что Альциона сосуществовала с Весами. Весы и З. Руно сосуществовали наверное.

Мой вопросительный знак к стихотворению Блока относится не к Ирландии (она очень нравилась Блоку, и мне легко было догадаться, откуда „Ирландия") – но к общенеуместному тону стихотворения в ответ на мое, – при всех данных обстоятельствах.

Затем – о „слухах". Вы знаете, что это было время, когда все факты были слухами. Не все слухи фактами, правда, но тут уж требовалось, для отбора, обострить свои способности как интуиции, так и рассуждения. Иной раз удавалось угадывать, что потом и подтверждалось фактами. Если некоторых фактов я до сих пор не знаю, то других не знаете вы. (Между прочим – о Сологубе и его „Париже" я кое-что знаю из прямых источников, вам не известное, но что я, очевидно, *не могла* написать).

Таким образом, „слуху" о расстреле Розанова не верить причин тогда не было: расстрел Меньшикова тоже дошел в виде „слуха". Я отнеслась, однако, к нему со всей осторожностью, что доказывает мое письмо к Горькому. Вы, как будто, считаете, что я должна была сразу отнестись к этому слуху, как к вздорному, и не „оскорблять" Горького предположением, что „дружественное" ему правительство способно на подобные дела. Мне кажется, что, если вы, действительно, это считаете, то оснований у вас к тому нет. Что касается до „нужды" Розанова, „окурков" и т.д. – то здесь мы имели уже не „слухи", а сведения, через близкого Р-ву человека, детально его положение знавшего, ибо собственными глазами видевшего. „Приспешников" Горького, – конечно, не вас и не Гершензона я разумела, – я знала много лет и своими глазами видела, притом не я одна, да и слово-то не мое, но *друга* Горького (не приспешника).

Теперь еще о правде и лжи. Конечно, ни мне, ни вам не дано знать, „что есть истина". Однако, и для меня, и для вас должна быть

какая-то общая мера для того, что истина, и что ложь. Соглашаюсь, что я тут выхожу из круга фактов-только-фактов, или очерчиваю их кругом очень широким. Но – позволим себе на минуту эту небесполезную роскошь, тем более, что и факты не будут забыты.

Я хочу сказать, что мы с вами, при взгляде на эпизод „Розанов – Горький" находимся не в одинаковом приближении к „истине", а проще говоря – мы оба „пристрастны", конечно, но мое пристрастие – на стороне объективной *правды*, ваше – на противоположной. Почему у вас две мерки, для Горького, и для Розанова, и, главное, каковы эти мерки? Почему Розанов сам виноват, что голодал, – не хотел продавать свои коллекции, а Горький ни в чем не виноват, хотя не только не продавал свои коллекции, но в то же время усиленно пополнял их? Правдивее была, – тогда, – мерка, разделение, которого мы придерживались: на покупающих и продающих. Очень глубокое разделение, со смыслом. Что Горький принадлежал к первым – это уже не „слухи": я видела собственными глазами не только продавцов, но и приспешников-комиссионеров (один из последних – Гржебин), и даже самые „вещи", которые Г. торговал и покупал. Мне очень неприятно говорить об этом; да и вспоминать неприятно, как долго торговался Г. со знакомыми мне стариками за китайский фарфор, и как признавался у нас один полячок из Публ. Библ., что несколько „надул" Г-го с порнографическими альбомами, ибо „эти – пяти-то тысяч не стоили, да он не понимает". Да и мало ли еще чего было! Хранить мое тогдашнее „негодование" к Г. до сих пор – было бы неестественно; я и не храню, и, по правде сказать, сейчас Горьким совершенно не занимаюсь, даже в смысле „суда" над ним. Если говорю об этом, то ввиду вашей заботы о какой-то формальной „правде", которую иногда можно искать, лишь удаляясь от „истины".

Если же мы все это, вместе с фактами, оставим и перейдем в область просто-чувств, то нам не о чем спорить: вы больше любите Горького, я – больше Розанова. Можно закончить тем, что право каждого не быть вольным в своих чувствах.

Хочу надеяться, что вы не поймете это письмо как-нибудь превратно и неприятно. Верьте, пожалуйста, неизменности моего уважения и утверждения вашего поэтического дара.

З. Гиппиус.

Апр., 1, 26
11 Av. du Col. Bonnet
Paris 16e

Дорогой Владислав Фелицианович.

Вам известны два препятствия (только два) на дороге к моим дверям: большевизанство, во всех формах, даже легких, и второе — дикость, в форме неприличия. Так как эти препятствия, по отношению к ledit Терапиано, не существуют (иначе вы мне о нем не писали бы), то я и буду вас с ним ждать в ближайшее воскресенье. Выздоравливайте, пожалуйста. Без вас дело идет вкось и врозь. Привет Нине Николаевне, жду вас обоих.

З. Гиппиус

P.S. Ваш „Есенин" *очень* хорош. C'est ça!

4/28/26 Среда
11 Av. du Col. Bonnet
Paris 16e

Дорогой Владислав Фелицианович.

Как ваше здоровье? Все ли вы еще на одре? Если восстановилось хоть немножко — буду вас ждать в воскресенье. Стремлюсь выразить вам душевное мое соболезнование по поводу... как бы выразиться? вашего „попадения" в скверную историю или „очучения" в шаховско-святополковском местечке /25/. Это еще не „ленинский уголок", но полу-почти. Мне бескорыстно досадно, что ваш Соррento стиснут этой базарной... толпой самохвалов и юродивых, чтобы не сказать сильнее.

Я хотела писать об этом, но, кажется, Осоргин предупредил меня в П.Н., и завтра посмотрим. Уверена, что и после Осоргина оставалось бы еще кое-что сказать, да не хочется рекламистам делать рекламу.

Привет вам и Нине Николаевне (она-то здорова, мы очень жалели, что ее не было в прошлый раз, надо, чтоб и она приняла участие в нашем фантастическом романе). Если вы даже и не вполне еще хорошо себя чувствуете — в нашем доме найдете физическую отраду: единственный в Париже дом, который топится! (Живущий над нами домовладелец вернулся и велел затопить. Хорошо быть домовладель-

цем: распространяешь и на других тепло!).

Bien à vous

З. Гиппиус

6/17/26
Villa Alba, rue Jonquière
Le Cannet (A.M.)

Дорогой Владислав Фелицианович.

Как ваше здоровье? Что делается в Париже? Не можете ли вы составить нам протекцию в смысле получения, наконец, Дней? Алд. обещал перемену адреса, но это, видимо, сверх его сил. Купить же Дни – во всех Каннах ни номера! И мы даже ваших воскресных воспоминаний не нюхали.

Я здесь погрузилась в „реакцию"... физическую, от прекрасной погоды, тишины, одиночества, и с ужасом думаю о фельетонах и всякой дряни, которую обязалась написать. Уж скорее бы романы, а еще лучше – ничего. Но лежит Сазонов, Шмидт, Винавер, Франк, Оцуп, Терапиано, „Критика" вообще, критика в частности и – т.д. К удовольствию – у меня нет бумаги. Прекрасный предлог.

Скоро увидите Фондаминского. Обещает больше не печатать Св. Мирского. Впрочем, они просили у него статью, но тот сам отказался. О моей благонамеренной статье Фонд. отзывается, как о „скандале" и, конечно, говорит, что ее невозможно было напечатать. Насчет грозящей Совр. Запискам окаменелости – не спорит. Но уже чему быть – того не миновать! Вишняк твердо и высоко держит свое литературное знамя. И чистит Марину от монархизма, которым она подпирается, чтобы изничтожить Мандельштама в пользу Пастернака. Vous verrez ça. Но я не постигаю трюка.

Нет ли еще кого-нибудь, кроме Оцупа и Терапиано, в смысле книжек? Уж сразу бы, хотя и эти мало соединимы.

Д.С. и я приветствуем вас обоих. Скажите Нине Николаевне, что я все цветы, и ее, и не ее, довезла в самом свежем виде. Просьба к вам – не лишать меня информации – относится также и к Нине Николаевне.

А затем до свидания

Ваша З. Гиппиус

6/26/26
Villa Alba, rue Jonquière, Le Cannet
(A.M.)

Еще хорошо, что 3 дня шло, дорогой Владислав Фелицианович; у нас письма и по 4, и по 5 ходят. Ваше тоже не торопилось. Ничего, лучше поздно, чем никогда – узнать столько интересного. Сдается мне, что Лурье – тот самый, который большевизанил с первых дней б-цкого воцарения. У меня были две юные приятельницы, Вера и Шура („Зеленое Кольцо" и затем первые „воскресницы"). Почему-то они с Лурье были хороши и постепенно докладывали мне о его быстрых и поганых метаморфозах. (Не ручаюсь, что я ранее и сама нигде не встречала). Однако, в то время у него была совершенно другая жена, не персидская, что-то вроде голой и розовой блондинки... Затем, будто-бы, в него влюбилась Ахматова... Все это я помню вроде сна, и могу только утверждать, что этот Лурье всегда возбуждал во мне отвращение. Очевидно, – он, о кот. вы пишете. Сведения ваши драгоценны, и предупреждаю вас, что я намерена „черпать широкой рукой" из ваших источников. Забота одна – как черпаемое предавать гласности... Шайка чувствует себя отлично за колючей проволокой, которою оградила ее вся „дрожащая тварь" – наши редакторы. Но я настойчива (да и вы), подождите, с терпением будем добиваться своего. Фонд-му я именно говорила, чтоб он повидал вас (и все остальное, в точности). Он обещал, но предупреждаю вас, что он в каком-то невинном настроении. Одичал немножко в Грассе. Восторгается„артистичностью"Степуна. А этот артист такую нежную статью о Благ. написал, что даже Вишняк усумнился и в Грасс доложил. Впрочем, статьи не прислал. Пойдет. Ведь сам Степун!

Говорили с Ф. без конца здесь, до поздней ночи. Но особой надежды на движение воды в С.З. я не питаю. Святополка*, говорят, не будет, а остальные... пусть еще покажут себя, а мы еще поглядим... Как бы „скандала" не вышло. Словом – опасность „окаменелости" громадная. И пока придется пищать в кустах, притом с ужасным запозданием. Прочитав содержание нового мельгуновского №, я очень рассердилась и написала редактору: Так вот что? И вы моего, даже на ¾ свободного, голоса испугались? На что получила дерзостный ответ, что статья ему показалась *слишком мягкой*, что доволен он остался только Святополком, что у него самого на всех руки чешутся, статья же моя в наборе. А если не попала в эту книжку, то потому, что эта книжка – майская, только не вышла раньше из-за „тактики Кар-

* Я его изображала „Св. Мирским" инстинктивно, чтобы не смешать с просто – Мирским /26/, у кот. пороки другие, не эти.

басникова" (?) А уж когда след. выйдет, если так, я и не знаю.

„Версты"... ах, ведь Иг. Пл. уезжает, воцаряется П.Н., и допустит ли он „обидные мысли"? Если б надеяться (издали – он хуже), то я бы постаралась, несмотря даже на то, что на моей шее сейчас повисла такая компания: Винавер, Оцуп с Терапианой, лейтенант Шмидт и Егор Сазонов (еще кого-то забыла). Попробую, все же. Но вы сами-то? Ваше положение в Днях (если считать, что у них самих имеется положение) – нечто, известный пункт, который надо лишь укреплять посредством систематического воспитания Алданова. Я – без положения, а лишь эксплоатируемый гастролер, и то не теряю мужества.

Рассказ Оцупа я читала, но в такой мере от ничегонепониманья, что сразу все, вдрызг, забыла. О, конечно, я где-то даже говорила об этом, – стихи... это густые кусты, можно спрятаться, а проза – место гладенькое, пожалуйте на чистоту, с багажом... или без оного. Экая досада, что Дни не могут выйти из полноты и покоя! Присылайте хоть ваше, как уже сделали. Соболя я знала (немного), несчастный и неприятный, именно материей своего несчастья, человек.

Я завидую и Н.Н., и вам. Заняться стихами! Да еще длинными! Никогда я не умела писать стихов. Это очень точно: не умела. Как не умею мостовую мостить. Если и писала, то всякий раз, – по выражению Бунина, – „с большими слезами, папаша". Уж когда было не отвертеться. Раз в жизни чуть поэму не написала („О белом Черте"). Но „чуть" – не сочлось.

Здесь никакой пыли, свежесть и пустыня. Есть опасность одичать. Но это ничего. Пожалуйста, напишите, что виделись с Ф. У него насморка меньше, чем у Вишняка. Будьте здоровы и счастливы.

З. Гиппиус

7/9/26
Villa Alba, rue Jonquière
Le Cannet (A.M.)

Дорогой Владислав Фелицианович.

Душа моя полна... даже не знаю, чего, какой-то смеси уныния, сожаления и отвращения перед очередным № Совр. Зап. Но вас это не касается. О ваших стихах скажу, без газетных экивок, очень точно: они, прежде всего, отдохновенно-приятны. Вы напрасно называете их грубыми: меня пленяет этот ваш современный уклон к простоте, искание *второй* простоты (первая – ненаходима, да и сохрани Бог к ней возвратиться). Никакая „нарочитость" не страшна: где нарочи-

тость, где верно ведущая интуиция, – не разделишь. И ведь почему-то – неправда-ли? – чем ближе (без подражания) к „Было время, процветала...” – тем приятнее. Неизвестный солдат и его *вечная* тайна, „стиранье лика” и т.д. – моя давнишняя и грустно-беспокоящая мысль. Не хорошо человеку быть „общим и ничьим”. Нехорошо человеку сделаться собственным символом, или... Впрочем, это длинный разговор. Лучше два замечания, одно полувнешнее, другое совсем внешнее и крошечное.

„Чужая рука” – для меня – не усиливает, а распыляет, раздробляет впечатление. Отвлекает внимание на подробность, которая, ввиду целого, уже не имеет значения. Тут возможность другого какого-то подхода к теме: а вдруг и весь солдат – из разных кусков? Или там его вовсе нет? и т.д. Говорю, конечно, вкратце о впечатлении: – Второе: я бы не сказала: „тряхнул ключи”, а постаралась бы „тряхнул ключами...”, если б это писала (я часто так сужу стихи, прикидывая, что *я* их пишу... Если очень завидую – значит, хорошо).

Не надеюсь, что будете удовлетворены моим телеграфическим отзывом, но крепко надеюсь, что не будете и обижены.

А затем – вернемся к несчастной книжке. Не несчастная-ли? Спасает-ли ее „прелестно написанная” (без иронии, хотя и в кавычках) безделушка Бунина, короче воробьиного носа? А Степун как вам нравится? Говорят, на удачных спиритических сеансах медиум начинает выделять из себя какую-то тягучую, тестообразную массу (забыла ее название) и мало по малу весь покрывается, и все вокруг него, этими толстыми жгутами-макаронами, нигде не прерывающимися. Степун мне кажется таким медиумом, а писанья его – этой материализованной... айрой, или как там ее... Прелестен Осоргин со своей итальянской принцессой... Но что вам рассказывать, вы уже сами все увидели и отметили „на скрижалях сердца”. Я только еще сильнее чувствую, м.б., внутренний, безокий хаос, одолевающий сей почтенный орган... Да, и одолеет, ибо – кому „противостать”?

Вашего Оцупа я, извините, и одолеть не могла. А Ладинский... какой-то безхвостый. (Это, впрочем, понятно, почему).

Видели-ли вы Фонд-ского? Наверно, да. Но что может выйти из ста свиданий с Ф. и полутораста с Вишняком? Да ничего. Все люди милые, – неправда-ли? Но сообщения между ними никакого, – неправда-ли?

О своих делах не пишу, ибо они из рук вон плохи. Висящие на мне авторы почти меня задушили, но все-таки ничего от меня не получили. И, кажется, не получат. Вы мне помогли кое-как справиться с Оц. и Тер., но я прибавила Шаховского, которого *конечно* Мил. выкинет, грудью защитит, как защитил уже Винавера, выкинув из Адамовича все, кроме „казенных восхвалений”. Sic transit...

Нет, лучше напишите мне вы о своих делах... и чужих, какие

видите. Ведь теперь –

Живое слово – только в письмах, а больше негде ему ни просочиться, ни сказаться.

Бунин сидит на своей горе, как муха на стене, и заскучал. Зайцев, на 14 дней, поселился в комнате полусумасшедшего авиатора, в Напуле, но авиатор женился и через 14 дней Зайцева высаживает. На днях увижу „гонимого" Адамовича. Как трогательно соединился с „Мариной-задери-подол" – этот „артист" – Степун! Недаром даже Вишняка затошнило.

Но я начинаю „выражаться" (притом вне влияния Бунина), это значит – пора прекращать письмо. И вообще не люблю „криков наболевшей души". Уж лучше „сатанинские" – по определению покойного Чайковского – стихи, вроде моего „Наставления". Не читали-ли вы, как я воскурила „папаше" в Свободе? Кстати, в Св. было что-то для вас интересное, что я хотела вырезать и вам послать, но потом забыла.

Поклоны, приветы и все такое. Счастливая Н.Н.! Она еще живет многими иллюзиями.

A vous З. Гиппиус

Нет, а что вы скажете об этой потрясающей *нежности* Цетлина к Святополку в П.Н.? Что у всех в головах и в душах? Что случилось? И почему вы, там, бездействуете?

7/22/26
V. Alba

Cher Maître!

Не получая от вас привычно-скорого отклика (и не найдя в урочный час „Альбома"), я уж стала думать, что вы больны; предположение, что вы „обиделись" на мою критику „солдата" – сразу отвергла, как глупое. И собиралась вам послать настоящий „крик наболевшей души", – ибо „кому сказать? куда идти?", не давиться же всем этим в безмолвии?

Потрясающие „Версты" и ваши потрясающие о них сексуальные подробности – конечно, маленькая грязь; и самое ужасное, что *маленькая грязь* имеет *большое значение*. Мне лично, все это понимающей, и природы не пассивной, – особенно тяжело, что я должна сидеть сложа руки, с печатью на устах. Вы не цените своего положения в данный момент и не входите в мое: раз Вишняк вам позволил „пол-

ный голос" – чего же еще? Мне он дал его только раз, по недосмотру (и как гнусно потом извинялся перед Юшкевичами, П. Нов. и т.д.!), а посмотрите, перекушенные гады четыре года этого забыть не могут, по сю пору треплют, значит – попало! Но Вишняк с тех пор – ни-ни, и наконец *совсем* исключил А.Крайнего из сотрудников.

Что же вы хотите от „папаши"? И что я могу для него о „Верстах" написать? Что „талантливо, но, конечно, есть дефекты..." и т.д.? Ведь представьте, что он даже моей заметки „Стихи, ум и глупость", основанной на вашей статье (об Оц. и Тер.) – и той боится! Потому что я там осмелилась Шаховского тронуть и вам возразить, насчет разницы между „глупостью" и „остолопничеством и оболтусничеством" сов. поэтов! Что же после этого?

Я требую, чтобы вы моему положению посочувствовали, хотя бы в общих интересах: одна челюсть хорошо, а две – еще бы лучше. Вам выгодно было бы иметь помощника ввиде А.Крайнего. И – вот!

Если у Керенского „рыльце шильцем, глаза огнивцем" на Марину – тут уж, знаете, возможны les pires folies. Видели мы сего доблестного мужа, раскладывавшего свою Елену по подушкам Зимнего Дворца, пока Россия валилась в большевизм; видели мы и дальше, когда Елена, уже с ребенком, пряталась в Финляндии... И еще дальше, английское его, психопатическое, буйство к жене приютившего его еврея, гусыне в жемчугах (sans la nommer). Со ступеньки на ступеньку, – до подола Марины... благо он легок на...

Вот и еще один, кроме „любви к России" – щит для верстовиков: подол Марины.

Что касается „брани", – то, ничего от нее не ощутив, я нахожусь в полном равнодушии к соображениям Вишняка и к его мобилям. Так как меня всегда ругали, то уж выбирать, для своей ругани, по этому знаку, не приходилось, и я выбирала по другим. Последствия меня не интересовали. Святополк примитивно-груб и для нас комичен. И если б мы не жили в своего рода большевизии, где хамов тоже пальцем не дают тронуть...

Ну конечно, Алданов должен быть шокирован: Д. С-ча – стерли с лица земли, Бунина – разложили и посекли, приговаривая: как Алешка пиши, болван! Зайцеву – вселенская смазь, Вишняку за пазуху наплевали, Адамовичу, походя, подзатыльник, да схвативши „старую туфлю", – „Зинаиду" tout court – вас этой туфлей отхлестали... Воображаю, как он сам доволен, с „ближайшими"!

Но уверяю вас, что не в этих „семейных делах" и грязном белье нашего городка-городишки главная соль, или, точнее, пуп Верст. Куда поужаснее, что ходит всюду большой черт, и большой потому, что уж очень много маленькой грязи, из которой он вылеплен. Грязь растет невозбранно – ну и черт растет, естественное дело...

Ваши „Колбасики" – только контр-атака. Вспомните, ведь это

я вас упрекала, что вы там, на месте, с Совр. Зап. бездействуете. Даже с Ф. не повидались, как следует, и меня не поддержали. Но с Ф. по-иному трудно, чем с Вишняком. Что ему „Версты" кажутся ах-талантливыми! меня не удивляет. На людей, в области этой не разбирающихся (и о том *знающих*, главное) всякое такое циничное, „смелое", самохвальство, – „мы таланты! Мы новы! Мы – и никто больше!", производит потрясающее впечатление: верят. Принимают: „я-то, ведь, не смыслю, а они говорят, как власть имеющие, ну, значит..."

Это, пожалуй, хуже Вишняка, который *не знает*, что не смыслит. Впрочем, как решить, что хуже? Да и стоит ли решать?

Я о „Верстах" напишу, если удастся перейти за предел честности. В мелких случаях это мне стало удаваться (стыдные улыбки с кашей во рту), но не знаю, как в данном случае. Иногда хочется, выплюнув кашу, поорать в месте хоть пустынном... в Свободе? Только. Ибо Мельгунов выходит, как из гроба барабанщик, в двенадцать часов по ночам... да и то, ночь-то эта – после дождичка четверговая. Можно и вообще смириться... Сказать себе: „пора мой друг, пора..." и т.д.

Но вы, пожалуйста, не смиряйтесь, Т.е. смиряйтесь в меру. Пол Керенского – это уже force majeure. Лучше перед ним смириться, в меру, чем уйти с поля битвы. Это будет победа Марины и ее „оружия". У Керенского – пол, а у папаши (теперь) этого не имеется, да разве легче! Мало ли что бывает взамен?

Впрочем, в видах справедливости, надо сказать: если дам и привлекало в Пав. Ник. то, что он кадет (слово-то какое молодое!), сам он никогда не вмешивал „мечты" (и т.д.) в „политику"; твердую клал грань.

Итак – не унывайте; раз я даже, в сущности, не унываю? В самом крайнем случае можно утешить себя какой-нибудь хорошей пословицей, например: все минется, одна правда останется.

Наша переписка с вами, – из двух углов, точно Вяч. Иванов с Гершензоном. Или получше, из двух подполий... мысль о подпольных листовках будущей зимой меня очень hant'ирует. Только не надо бояться начинать с малого. Дознано, ведь, что самое большое дерево вырастает из самого маленького зерна. Сначала „свободные" половицы, потом „свободные" листовки, а там... Кто знает, может от маленькой провокации и наши киты зашевелятся. Почему бы и Степуну брюхо не пощекотать? Только отечеству на пользу...

Тут я опять прекращаю, чтобы как-нибудь не оскорбить ваших деликатных чувств. Насчет Марины было нисколько не пророчество, а просто определение факта. В такую наглядную действительность не трудно проникнуть, и проникла я в нее уже давно. Кстати, не к А.-ли Ф-чу /27/ относится эта знаменитая любовная строка:

„Ты – полный столбняк!"

Или к кому-нибудь предыдущему? Впрочем, это „тайна двух". Столбняк – так столбняк.

Посылаю Вам приветствия и благодарю за любовь.

Ваша З. Гиппиус

Не оставляйте меня без дальнейшей информации, на одне „колбасики"!

8/8/26
V. Alba

Пишу вам кратко, дорогой Владислав Фелицианович, во-первых (и главное), чтобы не отвлекать вас от трудов праведных насчет „Верст", а во-вторых потому, что я отупела, оглупела до последней степени. Это даже вынуждает меня к героическим решениям, о кот. ниже. Если б не такие причины, я бы вам могла многое порассказать.

Оглупение мое – результат работы над ненормальной и непосильной задачей: написать о шайке Верст – все время думая не о ней, а о Милюкове. Две недели не спала и не ела, все изворачивалась, кучу бумаги изорвала, каждую мысль в 30 пеленок заворачивала, которые тут же и меняла опять,.. а результат – фельетон, себе самой противный, но в смысле Милюкова такой, что Дм. С. заклинал меня его даже и *не посылать*.

Ввиду этого, я и решаюсь на героические меры: поступаю в „санаторию". Иначе, если не захватить во-время, я лишусь всякой возможности писать. „Вольно" я сделала бы фельетон в 2-3 вечера, если не в один, а тут 2 недели тупого изнеможения! Я не писала „вольно" со времени „Общего Дела", и последняя вольная статья – первая в Совр. Зап. С тех пор пошла музыка другая, – et voilà.

И я отказываюсь, на неопределенное время, от всяких „социальных" и других заказов. Буду или не буду писать, но если буду – то все „на правах стихов": ни для кого и ни для чего. Само для себя. Понадобится когда-нибудь кому-нибудь – хорошо; нет – тоже хорошо. Это необходимо для оздоровления моих способностей; быть может, я часть их со временем восстановлю.

Милюкову я написала, что это *все*, что я могла сделать в смысле нежности, и уж дальше на исключения и „смягчения" не способна. Д. С. даже гадал, не лучше ли Винаверу послать, до такой степени П. Нов. не подавали ему надежды.

Ввиду вышеизложенного, я отказалась, пока что, и от Вишняка.

От всего. „Дневник в пустыне" – на правах стихов. И зубы на полку.

А что это за фрукт – Макеев, умиленно вспоминающий „верные сливы" (sic!) Осоргина? И его-то (Макеева) вы и достигли всякими ласками (вплоть до „продажных"?). C'est peu... чтоб не сказать больше.

Ну, помогай вам Бог, и не забывайте, все-таки, вашего гонимого коллегу Антона Крайнего.

8/11/26
v. Alba

Итак – наши письма разошлись. Теперь вы уже знаете все, т.е. гораздо больше меня. Не совсем понимаю, почему Вакар дал вам такие сведения, – я, посылая статью Мил., одновременно послала ему об этом извещения, и было это – *6-го числа* августа месяца. Жалею, что послала Мил., а не вам, но сделала это по давнему закону, ибо мне было сказано (toutes proportions gardées) – „я сам буду твоим цензором!" (То же и Вишняк с разницей: папаша, если все происходит лично, с долгими разговорами, гораздо лучше и попустительнее; беспощадствует лишь по почте, вдали; а Вишняк – всегда, или даже хуже вблизи, ибо одно мое присутствие, и вид, – его повергают, как замечено, в предвзятый неврастенический транс).

Я вам писала, что Д.С. смотрит на мою статью в смысле Посл. Нов., *вполне* безнадежно, и даже предлагал ее не посылать М-ву /28/; уж скорее, говорит, Винаверу! Это предложение вызвало у меня „горькую усмешку"; однако с тех пор я имела сведения, что Звено было бы не прочь, если б я написала о Верстах. Это, конечно, по наивности, – но все-таки... Теперь же все бесполезно, ибо нечто *уже* испугавшее М-ва, – Звено физически не может принять (М. – редактор *и* Звена). Но получается такая глупая история, что моя попытка закулодила вас, да и самое Звено: Адамович ждет результатов со мной, и о Верстах пока в Звене воздерживается. (Он, конечно, сумеет „смазать" так, как мне не удалось, при всех моих усилиях).

В конце концов, – при моем решении удалиться в писательскую пустыню или „санаторию" для восстановления умственных способностей, – я готова на все решительно наплевать и на мою статью в первую голову. Я просила Вакара „попечь" мою рукопись, ибо в черновиках, которые и остались, ничего не разобрать. Рукопись можно спрятать в архив, а раз она не появится даже в таком, размягченно-изуродованном, виде, то никому поперек дороги уже не станет.

Я, впрочем, уверена, что ваша статья ни в коем случае не повторила бы, ни в чем, мою; вы подрежете Версты с другой стороны и конкретно перекусите главного гада; я же больше „взгляд и нечто" – с „человеческой точки зрения", и о гаде только и сказано. в начале и конце, что бывают „органически-дефективные индивидуумы, не понимающие „человеческой" точки зрения и не имеющие никакого внутреннего критерия"... ну и доказательства тому, конечно. Даже думаю, что не тут усмотрится главный криминал, а в Степуне (хотя и с нежностью) и в „робости интеллигенции". Так же уверена, что не по внешности, а по *существу*, мы с вами оба в данном случае окажемся – как говорил как-то Боря /29/, – „об одном".

Совершенно понимаю, что „жаль" – слово к нему, от вас, не подходящее. Да и от меня, хотя я вашей влюбленностью в него никогда не страдала. Его лживость и во всех смыслах „ненадежность" – меня... не то что отталкивали, но как-то удерживали на известном от него расстоянии; нельзя было взять его au sérieux ни на секунду. Самые проблески гениальности его возбуждали какую-то досаду. Надо признаться, впрочем, что такого общего распада (именно распада) я для него все-таки не предвидела. Ну да мало ли чего мы не предвидели! Напишите-ка о нем статью, да именно о нем, *вместе* с его литературой (их не отделишь). Жаль, что не знали его золотоволосым студентом, „играющим мальчика" и далее, влюбленного в „прекрасную даму" Блока, и далее – эту же даму и Блока предающего, вплоть до обвинения последнего в противоестественных пороках, из коих „один и довел его до идиотизма"...

Какая, вообще, дрянь – людишки! Что о них ни выдумывай, – правда всегда еще хуже.

Жаль, что не можете хоть на 2-3 недели сделать „перерыв" Парижу. В другую зиму вступать с того же места – все равно, что утром встать, ни на минуту не заснув, – вчерашним. Здесь солнечно, свежо и однообразно; мы в тот же час идем в то же кафе, после чего сидим у того же моря и в ту же тишину нашей демократической дачи возвращаемся. Изредка, разве, встретим Буниных с пикника, в сопровождении того или другого сотр. Возрождения или Галины Кузнецовой из Juan les Pins. Это еще что за поэтесса? Довольно неприятная, нос пипочкой и притом air pincé! (Видела ее лишь единожды). Статья Бунина – какая-то... „обыкновенная". Так он и должен был написать. Чего же вы хотели?

Да, мне раскрыл Адамович тайну обиды Оцупа, и на вас... и на меня. Мы с вами оба сделали ту же ошибку: взяли его и Терапиано... *вместе*. Ну и вот. Комментарии излишни.

О моем удалении в пустыню уже извещен Фонд. Кончены мои „социальные заказы". Надо подумать... если не о душе, так хоть о здоровье писательском. И я когда-то писала набело, и даже ничего

выходило (вы напрасно жалуетесь, ваш Гумилев – прекрасно вышел, остро и точно), но мне нужна особенная психология „воли". Теперь же... „ты победил, Вишняк!" Поздравьте его от меня; лупу может продать... Без хлопот да сооружает свои Совзапки... Но судить их, частным образом, я все-таки буду.

Ф. мне, однако, хвастался: мы слушаем, вот 2 рассказа „молодых", и стихи... (Один – Н., не правда ли?)

Но довольно. Не сделаюсь ли я болтлива в письмах, лишив себя „прессы"?

Приветы, все такое и ожидание вести,

З. Гиппиус

8/19/26
v.Alba

Дорогой Владислав Фелицианович. Конечно я помню, и очень хорошо, наш разговор у Цетлиных за столом. Помню и „видимо", и „слышимо": он кончился как бы нашей с вами "entente", Милюков произнес нечто вроде „Hein?", а я сказала – „ничего; „поэты" очень быстро понимают друг друга..." Но я тогда разумела *„Горького с окружением"*, и, хотя в сущности, не очень ошиблась, но детально о Ек. П. /30/ не думала, ибо вообще о ней не думала; давно забыла, по недостатку интереса, о ее существовании. Да и теперь мой интерес к ней не возрос. Мало ли какие еще есть сударыни. Тут интерес может быть лишь в Горьком... Говорю „может" быть, ибо *для меня*, и когда я писала свою перво-последнюю „вольную" статью о „ценностях", и тогда, когда вы защищали его от меня, и когда уже начали сомневаться в нужности этой защиты, – вплоть до нынешнего письма о Дзержинском, – для меня, повторяю, Горький уже не представлял интереса. Уже все, что знала я о нем, знала твердо (непосредственно); и этого было вполне достаточно, чтобы никакие новые открытия меня уже не удивляли. Мой интерес переместился – во времена истории с „ценностями" – на Милюкова, Юшкевича и Вишняка с его шантажистской истерикой (я отнюдь *не отрекалась* от своих слов, но вынуждена была, ввиду молений и угроз, прибегнуть к „ловкости рук", чтобы удовлетворить несчастных, – ни от чего не отказываясь). А далее, скажу вам без обиняков, интерес мой, в этой линии, переместился на *вас*. Из всех сплетен, которые мне пришлось тут ранее слышать (до знакомства с вами) я выбрала только один факт, – что вы у Горького долго жили в Сорренто, т.е. находились

с ним в известной близости; к этому я приложила другой факт – вашего письма (первого), где вы упоминали, что ваши отношения уже испортились и, кажется, безвозвратно. Затем я спокойно стала ждать дальнейшего, и тем спокойнее, чем ближе мы с вами знакомились. Причем этого сюжета прямо касаться – всегда избегала, – зачем? Так или иначе, сейчас или через десять минут, вы все равно убедились бы сами в реализме реального.

Теперь, если еще приходится – среди „приличного" общества людей – с досадой наталкиваться на Горького, то лишь в той мере, в какой еще жива у этих приличных несчастная и глупая идея двух коробок: в одной „искусство" и всякая „крррасота" – в другой большевики, всяческая „политика" и вообще все прочее. Я не знаю очень, что можно, и много ли, уложить из Горького в первую коробку, но это другой вопрос. Самая идея двух коробок представляется мне столь ложной, что я даже избегаю частных споров с людьми, за нее еще цепляющимися. Пусть сами поразмышляют, а не поймут, – значит уж юдоль их такая, не дадено.

А что касается лужи соглашательства, то и барахтающиеся в ней, и с сочувствием следящие за этим барахтаньем, порядком надоели мне. Ну что это, например, со Степуном пошли так вкусно возиться, закатали его, как обезьянье яблоко? Кускова обрадовалась, все вертит „блестяще" да „блестяще" (6 раз), чуть-чуть что-то вот только подправить... И передовик П.Н. зацепил комара, и тоже вокруг да около, „мы указывали" но „мы показывали", а что, куда и к чему эти домодельные тонкости – не поймешь и, главное, не хочешь понимать.

С другой стороны – меня потрясает *глупость* сегодняшних соглашателей. Оставив все прочее, с одной меркой сообразительности и выгоды подходя, – какая сейчас *выгода* в соглашательстве? Ну, Алешка /31/ в свое время попер, чтобы „покататься-поваляться" в маслице и не угодить в парижский комиссариат. Ну, – разные были дела и разные времена... С тех пор водицы под мостами много протекло. Много лекций жизнь прочитала, на всякие темы целые курсы. И чтож? Как обломы, и сами даже не знают, с кем теперь соглашаться, с Троцким, со Сталиным или с Зиновьевым, а все-таки лезут.

Что Степуна касается – лучше бы романчиками занялся, по крайней мере посмеяться можно (хоть тайком, ибо и он – "è vietato di toccare..."). А то он „блестяще" сам не знает, куда несет его „артистическая натура"...

Осоргин (достойные наши органы разделили себе каждый по соглашателю: Дни – Кускову, П.Н. – Осоргина) – пакостничает, прикрываясь; конечно, конечно я сразу поняла, где и чье мясо ест эта кошка, вздыхая по Соболю. А Пав. Николаевич... право он, чуть-

-чуть, и mari complaisant... Ведь это не „публично", и конвенансы соблюдены.

Очень вам благодарна, если при случае, „объясняете" мою мягкость. Это было „задание на холод", и я уж так заморозила все мои подношения Верстам, что, кажется, даже переморозила. Т.е. наверно переморозила, да только иного выхода не было, мы даже удивлены, что и этот удался.

Адамович, по заказу Звена, тоже написал о Верстах; но, не зная моей статьи и боясь совпасть – залез, говорит, в эстетику до слезливости. А кроме того – говорит, что боялся очень ругать, чтобы не подумали, что он бранится потому, что его выбранили. Словом, не предвижу ничего хорошего, да и он сам что-то слишком извиняется.

Дорогой Владислав Фелицианович, уезжайте, правда, хоть на месяц, из этого самого Парижа, право нельзя там сплошь торчать. Это следует даже психологически сделать, не говоря о физике. Нина Николаевна, в увлечении журналом, вряд ли двинется, – ну поезжайте хоть на две недели, и то хлеб. Жаль, что сюда не можете приехать, наверное скажете – дорог путь (он и правда очень дорог), а то, подумайте, как бы славно провели вы 3-4 недели здесь, в таком великолепном однообразии и восстанавливающей скуке, что скоро бы опять запросили. Вот только погода здесь всегда хорошая, ну да недолго ничего, не наскучило бы. Когда возвращается Алданов?

Да, Кобякова я никогда в глаза не видала. Твердо помню, что никто его не приводил ко мне. Неужели я его с кем-нибудь спутала? Я помню, что Ладинский хотел мне привезти Резникова, но тот, очевидно, сам почувствовал, что он мне не годится и не пришел. Конечно, нам нужно с вами иметь „параллельные" свидания, на это я весьма надеюсь. Мы, даст Бог, приедем, когда печи затопят. Не раньше. Что будет все-таки раньше, чем в прошлом году.

Пишу это письмо кусочками, с перерывами, а потому оно выходит нелепое, и чего-то важного все не успеваю сказать. Ну, до следующего раза, это и так вышло длинно. Но я хотела ответить поскорее. Ладинский обижен, что его не пригласили в Нов. Дом, – но, ведь, он, кажется, был у Н.Н. в числе сотрудников? Изумлена, что рассказ его вернули. Какой же „длинный" они там печатают „молодого" автора?

Понимаю, что первый ваш „верстовой" заряд вышел. Но все-таки наилучше посмеется тот, кто посмеется последним, je n'en doute pas. Не увлекайтесь лишь писаньем до неответности мне. Пожалуйста.

A vous, З. Гиппиус.

Посылаю вам вырезку о Пешковой и какую-то глуповатую и скучную о вас.

8/26/26
v.Alba

Дорогой Владислав Фелицианович, со мной случилась такая загадочная вещь, что не могу утерпеть, чтобы с вами не поделиться. Помните мою статейку о Благон.? С вашей „информацией" в заключение? Помните, как Мельгунов ее заквасил, но на мой запрос отвечал, что это лишь вина техники, что статья ему кажется даже „слишком мягкой", что удовлетворен он вполне только моим Святополком? И письмо у меня цело.

Так вот, вообразите: получаю корректуру, (полную, кстати, чудовищных опечаток) и письмо, в котором я абсолютно не могу понять разумного толку. Письмо гласит, что Мякотин решительно и целиком восстал против статьи. Но, что он, Мельгунов, и Познер – за ее напечатание. Что кончилось тем, что Мякотин вышел из состава редакции. Что корректура уже послана в верстку. И – теперь самое главное и неожиданное: что если я имею какие-нибудь возражения „против исправлений", то чтобы я их поскорее сделала... для чего? (послано в верстку). А исправления... вот тебе и на! Кто их сделал? Мякотин? Но Мякотин всей статьи не хотел, и даже „ушел". Значит, сам Мельгунов? Но по какой психологии? Откуда? Ибо эти „исправления" – ряд выпусков, касающихся Осоргина, Красной Нови и – главное, – самого Святополка! „Папаша" пропустил, а Мельгунов взвился на защиту! Нет, мне это так интересно, что я совершенно забываю о своей статье, а просто горю любопытством к этой психологической загадке. Тяжело „приспособляться", очень тяжело, даже физически, но к папаше все-таки возможно; десять лишних слов скажешь ради одиннадцатого – и тогда это 11-е пройдет. Но к Мельгунову я даже и „приспособиться" не могла бы, так как просто *не понимаю*, чего он хочет и чего не хочет, чего боится, чего нет.

Боюсь, „что много еще есть, друг Горацио...", чего я в здешней русской нео-психологии не разумею и не знаю. И объективное любопытство мое растет...

Как двигается ваша статья? Завещаю вам сказать то и так, что и как остается у меня в горле. Благо Вишняк к вам благосклонен. Адамович размазал такую кашу...

Пойдите, куда еще о Горьком! На это есть невинный Бенедиктов.

А не права ли я в моем решении „удалиться от слова"... ради передышки? Но любопытство созерцания меня не покидает!

Буду ждать вашего... не сочувствия, а предполагаемых психологических объяснений.

Toujours à vous, З. Гиппиус.

Можно бы еще посплетничать, да места нет.

Пятница
v.Alba 8/27/26

Позвольте мне сделать выписки из вашего письма, главный конспект и все дело – в варш. Свободе. Без вашего имени и даже, если хотите, без моего, – не ради меня, мне наплевать и ничего со мной не будет, – но чтобы до вас не добрались Миноры или не могли объявить, что добрались. Я пошлю это *мимо* Арц., ибо он тут довольно опасен, не по чему другому, как только по излишнему *усердию.* Видите, ваш „разрез" очень правильный, но если уж на него напасть, то как-то нельзя отойти, ничего не сделав, „смирившись". Ничто, напечатанное в варш. Свободе, для здешней публики, ни для китов, ни для карасей, не имеет значения. Но там есть своя публика, восточные „малые сеи", там „география" важная; и если думать исключительно о *„деле"*, только, совершенно не думая о том, кто первый сказал „Э!", не заботясь о Гиппиусах и Ходасевичах, (перехожу вниз, оттого другие чернила) то, ей Богу, кое-кому это пригодится, и *лучше* сделать хоть это, чем ничего не сделать. Я не выдаю себя за добродетельную душу, которая стремится, главным образом „спасти" других и думает лишь об этом; я не считаю, простите, и вас обуреваемым самоотверженной любовью ко всем несчастным малым сим, в первую голову; но у меня есть очень повелительный человеческий инстинкт (который предполагаю и у вас) безотносительной истины, *не позволяющий* в случаях, подобных данному, мелких или крупных смиряться до полного бездействия. *Даже* если приходится рисковать своими интересами, *даже* если риск больше, чем выйдет действие. Все это я написала коряво, гонясь за мерой и точностью, но вы поймете... или не поймете, но тогда уж не стиль, все равно, виноват.

Итак, я спрашиваю, позволяете ли вы мне скомбинировать суть дела по вашему письму (от неизвестного к неизвестному), выпустив и даже затушевав имена „парижан", – но *не* представляя ничего смягченно, а вместе с вашей „бессильной яростью" и т.д. Я постараюсь сделать это как можно ловчее и как можно меньше слов стирая из вашего текста; если вы мне поможете, прислав прибавление – тем лучше. Надо сохранить именно вот эту точку зрения, этот разрез, – *„подсидеть дрянь"*. Обнаружить, оголить его, каким оно было и есть.

Повторяю, retentissement ждать нечего, особенно здесь, но даром не пропадет, ни для малых сих, ни для собственного „инстинкта к истине".

У меня был соблазн воспользоваться всем этим и без вашего позволения, т.е. так, как-будто вы совсем „невинны" и я даже вас не знаю... Но подобные соблазны я легко преодолеваю, и можете быть уверены, что без вашего разрешения я не двину пальцем.

Спешу отослать это письмо и о другом не распространяюсь. Очень жалею, что не имеете энергии до „краев", а лишь до „окраин"! „Версты" осточертели. Но Цетлин совсем недурно, даже без „сахару" написал... мы удивлялись, – а это вы сахар убрали!

Ваша З. Гиппиус.

Я не винила Горького в инцидентах „Розанов". „Изъятия" относились скорее к моему „Дневнику" („самой отвратительной книге", как сказал Савинков, уже сидя у б-в) /32/.

9/2/26
v.Alba

Милый Владислав Фелицианович.

Конечно, если вы не „смирились", то могильное молчание лучше всего. Можете на него рассчитывать, что касается меня. На „даже риск..." вам сердиться было нечего: этот „даже риск" – не всегда вполне мудрая вещь; все зависит от обстоятельств и от важности дела... и от повелительного голоса, о котором я вам писала. Он, обыкновенно, заставляет просто забывать о личных делах, так что в риске ими даже и заслуги особенной нет. Я поступаю так, потому что иначе не могу. Вот и все. Другой вопрос – об имении или неимении этого „повелительного голоса"... Неимеющий судится иначе, нежели имеющий.

Ваше здоровье – весьма неприятная весть. О чем же думает еврейка из Пастеровского Института? Положим, вы побиваете все рекорды, с вами не так легко справиться, но она не совсем справилась даже с Володей, который не так давно впал, было в рецидив, – теперь поправился. Я уверена, что отчасти виноваты и Дни, специально утомляющая газета, действующая скверно на „духовно-телесное существо", как определяет человека Вл. Соловьев. В какой это еще Robinson /33/ вы удаляетесь? Но удаляйтесь, удаляйтесь, ради Бога! Если б еще не висели на вас Версты... Я, впрочем, полагаю, что вы уже их кончили, eu un tour de main, и можете предаться созерцательному отдохновению. Можете даже и не писать писем (тут уж я, видите, жертвую своими интересами), если и отдых от писем важен.

Все скисло, газеты – одна другой пустыннее, небо неожиданно нахмурилось, о Мельгунове я даже вспоминать не хочу. Впрочем – „что делать?"...

Вся тварь разумная скучает...

Пожалуйста, – как говорится – „встаньте скорее на путь вы-

здоровления". Как только встанете (или „станете?") – так, в тот же миг, напишите мне.

Д.С. шлет вам хороший поклон. Что касается моих sentiments distingués – они, приблизительно, вам известны.

Ваша З. Гиппиус

9/16/26
v.Alba

Если вы в благородном изнеможении, дорогой Владислав Фелицианович, то я в самом неблагородном отупении. Однообразно ничего не делаю и почти ничего не думаю. Мое состояние имеет, однако, свое добро: оно полезно для здоровья. Если бы вы ему в Робинзоне предались, я бы порадовалась. Боюсь, однако, и того, что Робинзон-то 40 м от Парижа! Вот вы уж „свезли" оттуда статью Вишняку, а это не годится: Робинзон так Робинзон.

О „смене" – стоит ли беспокоиться? Я – десять лет беспокоилась, наконец – вижу, все равно, ее не подготовишь, так уж лучше на волю Божию. Нам самим только следует поспешать, и авось, из того, что успеем – ничего нужное не пропадет. Но, конечно, это утешения от „ничего не поделаешь". И бывает, что все-таки, „как посмотришь с холодным вниманьем вокруг..."

Сейчас вам нужно думать о том, чтобы подлечиться, и мне даже не хочется никакими моими досадами вас тревожить. Вот одна только: вы свои уста запечатали Минорами, а Яблоновский, в Возрождении, уже пронюхал что-то и ваши факты дефлорирует. А вчера я получила письмо от Арц., он спрашивает, не знаю ли я тут чего (они ужасно плохо информированы, даже насчет Святополка, и даже № П.Н. с моей „хлипкой" статьей – до Варшавы не дошел!). Все пойдет вкривь и вкось, и кончится обыкновенной размазней. Притом еще заметьте: берлинцы написали лакейское письмо, пражане – полулакейское (потому что короче), а парижские, главные, писатели – даже и лакеями не отозвались! Только Бенедиктов что-то прослюнявил, а Звено – так то избрало момент, чтобы „откликнуться" выдержкой насчет „ангельских глаз Горького" и т.д. Некто же из наших „смен" даже выразился, что „зачем травить Горького"... Травить! Отравишь отравителя!

Я, впрочем, не чувствую к нему личной вражды и к этому оснований не имею (тут вы были неправы). Я только не могу равнодушно-добродетельно созерцать все это „явление", – очевидно ввиду

пристрастия к той „безотносительной истине", о которой как-то вам писала. Да будет она явной, а там хоть трава не расти.

В Париж возвращаются понемногу и полковники, и поручики. Аладанов и Демидов уже на своих местах, приняли командование и... ничего не произошло: П. Нов., как и Дни, остались в прежнем состоянии пустынности. Как будто ничего и не принимали. Я иногда думаю, что не тупею ли тоже от этих трех измазанных простынь, – ведь каждое утро! Во всех – Деревянные ноги и советские изнасилования, вперемежку с глубокомысленными спорами Соловейчика и Португейзиса /34/ о том, кто лучше: Сосо или Гришка? /35/ Впрочем, бывают еще „Живые лица" Георгия Иванова (все начинаются в Бродячей Собаке) /36/.

А что вы слышали о четвертой простыне, en herbe, уже настоящей простыне, долженствующей изображать воскресший Мюр и Мерилиз – „Русское Слово"?

Впрочем, это, кажется, тайна.

Для Нов. Дома я, от лени, ничего не могла намазать, кроме „Прописей". Пусть Н.Н. не сердится, когда я отдохну – будет менее „благожелательно". Да и надо быть там, понюхать чем пахнет, кого практичнее поощрить, а кому дать по носу. Лишних скандалов я не люблю, а меня они преследуют: уход Мякотина – совсем лишний скандал, тем более, что, как я вам писала – вы не угадали: ушел бесповоротно, а Мельгунов решил мою статью печатать полностью (когда я написала, что мне наплевать, что статья, все равно, устарела. Ваша информация – ничего, еще свеженькая).

Ну, довольно; ничем я ни порадовать, ни развлечь вас не могу, так лучше кончу. Если вам не очень не захочется – будьте благодетельны, пишите мне: услышу хоть какие-нибудь, хоть грустные, да живые слова, и не печатные. Д.С. шлет вам поклон. Алд. все сделал, хотя все перепутал. Будьте здоровы!

Ваша З. Гиппиус

9/22/26
v.Alba

Да, вы-таки злой человек, на это вся и надежда. Во всех смыслах. Но признаюсь вам, милый Владислав Фелицианович, что передо мной когда-то носился „идеал" злого человека, – недостижимый, как всякий идеал, – и виделся мне со следующей прибавочкой: я зол, но пусть вся шпана (и даже не шпана, за немногими исключения-

ми) думает, что я добр. Эдак ее легче возьмешь.

Есть тут и другие, помимо практических, соображения; но практические тоже очень важны.

Все *мои* претензии на этот идеал были, конечно, напрасны и все кончалось скандалом. Но некоторые общие правила осторожности, довольно примитивные, у меня сложились, и польза их несомненна. Уже хотя бы та, что я не лишена ваших редкостно-выразительных писем: вы чувствуете, что я – гроб и могила, по правилу; разве лишь не для безобидностей; а при нужном случае даже могу сказать: „мы очень хорошо говорили о вас с Ход. Этот умница прекрасно вас понимает"...

Удовольствие, всеобщее благополучие и „эмигркульт" продолжается дальше. Чела младые ясны.

А затем – перехожу к очередным делам. Я хочу так же „исчерпывающе" вам ответить, как это сделали вы.

Одновременно с вашим – я получила длинное письмо от Вишняка, где он... пытается побить меня *вами.* Но это нужно обстоятельно, ибо, несмотря на небольшой новый факт, им сообщаемый*, я быть вами побитой не хочу.

Это (письмо Вишняка) – ответ на мое письмо, ответ с замедлением, потому что у В. умерли две дяди... (нечаянно написала „две", но оставляю, ибо так вышло красивее) – две, значит, дяди, из которых одна – тесть. В моем же письме (тоже ответ на запрос о статьях) я кратко мотивировала мой отказ нуждой в передышке от цензуры С.З. (все знают, что при царской – я писала более человеческим языком). Я „по хорошему" старалась пояснить, что при редактировании журнала не должен быть исключаем и персональный выбор и подбор, что „свобода" – не есть анархизм, конечно, но что пишущий должен знать, что ему предоставлена свобода *самому* ограничивать свою свободу, а достоин ли он такой свободы, – это редактор, конечно, решает, и приблизительно раз навсегда. Я даже предлагала ему представить, что он покупает лошадь: приходится, ведь, целиком о ней решать, годится или не годится; а не рассчитывать, что будет годиться, если ей на сегодня правую переднюю ногу подрезать, а на завтра левую заднюю. Ну и так далее, вообще объясняла выгоду (и нужность этого метода в некоторых случаях) – не щадя живота. И все пропало даром. Вместо покупки лошади – получила... полковое учение; сотрудники, будто бы, „маршируют", и должны идти „в ногу"; а редактор, будто бы, „взводный" (excusez du peu!), который кричит: „стой! равняйсь!.." Если же, мол, не так, то нет „журнала". Ну, хорошо. И все, говорит, у нас сотрудники на таком пайке, и еще премного довольны. Понимают, мол, дело, вы одна, мол, не понимаете.

*Насчет „ущербления", см. ниже.

Из-за этого, конечно... тут странный мармелад, вроде того, что мое отсутствие „умалит блеск выходящей 29-й книжки" (и надежда, что блеск 30-й будет полным). Перечисление „понимающих" сотрудников, а в заключение: „И, наконец, Ходасевич, который пишет очень остро, едко, „политически", но в то же время исключительно осторожно (получай, мол!), и Ходасевич, написавший о „верстах" чрезвычайно резкую политическую, а не лит. критическую статью, и он подвергся некоторому ущерблению (с его же согласия) и не ощутил в этом никакого покушения на свою писательскую личность, творчество, язык, стиль и т.д.".

Делаю эту длинную выписку, чтобы вы как можно яснее себе представили торжество Вишняка, выдвигающего такой ослепительный аргумент: „И, наконец, Ходасевич, и он..." В первую минуту... нет, лишь в первую секунду это может ошарашить: уж если и Ходасевич за „полк" и за взводного, а не за лошадь... Но пусть торжествует Вишняк свое „видимое" одоление; моя *принципиальная* лошадь остается на своем месте. И пусть миллиард Степунов с миллиардом Николаев Переслегиных /37/ удовлетворенно „равняются" – я все-таки буду утверждать: для писателя очень важно (или даже необходимо) знать, что он заслужил свободу *сам* ограничивать свою свободу. Или даже – если журнал – полк – то и „равняться" ему нужно самому, а не по окрику взводного. Без этого сознания (с сознанием, что не „заслужил" и должен ждать отрубления неизвестно какой ноги) он непременно напишет *хуже*, чем может написать.

Этой истины не поколеблют никакие попутные приключения. Для Ходасевича, м.б., нужно 25 лет так писать, под Вишняком, чтобы явно начать писать „хуже"; для меня довольно пяти, и уж такая получилась привычка к „хуже себя", что, пожалуй, и неискоренимая.

Итак, – я не чувствую себя „побитой" Вишняковским аргументом. Но как объяснить это Вишняку? Он – явно „в другом плане".

Впрочем, может быть вовсе и не нужно ему это объяснять? Может быть, лучше, чтоб он никогда этого и не узнал?

В нашей „пустыне" жарища самая пустынная. Предвижу, однако, что после нее парижский холод окажется не „бодрящим", а самым простудным. Хоть бы успеть здесь к нему привыкнуть! Четвертый год здесь живу, такого бабьего лета не видала. Но и в Париже – оно, да еще с домами, источающими грязную жарь. В Робинзоне-то вам, наверное, было лучше. А если Дни не платят – это явное большевизанство: разве не бытовое явление – удерживание „зарплаты"? Скоро, пожалуй, введут отчисление гонорара на Кр. Крест. Ну чтож, грейте камушек. Но моей нетерпеливости все ж досадно.

Не специализируйтесь, пожалуйста, на Терапиано и Кнуте (да почему этот Кнут вдруг как гриб вырос в Нов. Доме на положении Вишняка? Чем он оказался заслуженнее... ну хотя бы того же Г.Ива-

нова из Бр. Собаки /38/ или маленького Познеренка? Информируйте меня относительно этого X, о котором я ничего, кроме библейских его взываний в Благон., не знаю). Адамович теперь вышел из пределов моей досягаемости – вернулся в Париж, где он у вас там под рукой для справедливой „проборки". Ладинский мне написал, что ему вернули стихи „за то, что длинные". Про „бокалы" не писал.

Вы меня потрясли Водовозовым. Это глухой? Да неужто он жив, да еще в Праге? Да я его с младенчества помню. И когда он в последний раз женился – мы даже ужаснулись. Если это он, то как же вы хотите, чтобы он не посылал Чайковскому /39/ телеграммы „по случаю его кончины"? Еще и не таких политических действий можно от него ждать.

Что вы хотите книжку издавать – отлично; и нечего кивать на Георгия, вы знаете, что он сюда не относится. Из вашего „Некрополя" (довольно люгюбрное заглавие) я не люблю только одну статью, о Гершензоне, о чем я, кажется, писала. Остальные (об Анненском я как-то не помню) очень хороши во всех отношениях, твердые и яркие до приятности. Выпускайте книжку скорее (где?), А.Крайний о ней с удовольствием напишет, со всей доступной ему точностью и с внимательными – внутренними придирками (на которые вы не обидитесь).

Если Ив. Ив. найдет желанное лишнее кило, а „Дни" не съедят его сразу – напишите мне скорее в мою пустыню, о чем гремят столичные витии. Мне лестно знать. Как мужик, за Волгой, просунулся к нам в окно, я спрашиваю: да ты кто? Чего тебе? А он: а мы плотники... Тут о Боге говорят, так мне лестно послушать...

Все, кажется, „исчерпано" в смысле ответа и пора кончать. Извините за длинное повествование о Вишняке. Но тут замешался „принцип", а я в них неуступчива.

Будьте здоровы, растите „кудри", воспитывайте Кнута (и еще кого-нибудь, пожалуйста!) и не забывайте пустынножителя

З. Гиппиус.

P.S. А не странно ли вам, что у святенького Пути и гордо-человеческих Верст – до шести *общих* сотрудников? Вот так заперекликались! Мне стало как-то неприлично, а потом ничего. Понять – если и не „простить", – то в большинстве случаев – успокоиться.

Д.С., вам кланяясь, спрашивает, не могли бы вы содействовать получению книги священно-проклятого „старца" Ясинского, кот. ему хочется прочесть. Ох, и этого старца я с младых ногтей знала!

Окт. 1, 26
v. Alba

Поздравляю от души П.Н. с вами, а вас „с приятным бонжуром". Давно бы так. Чего киснуть было в этой коробке – ни красоты, ни радости. Красоты, положим, не найдется много и в П.Н., ибо и у сей газетины одна нога – Португейзис /40/, а другая деревянная; а радость найдется, если и дальше так пойдет, с „наплывом" подписчиков и объявлений. Если же назреют назревающие события, т.е. банкротство „Дней" (знаем из первоисточников), превращение газеты Вождя в некое „Сегодня" с Амфитеатровым вместо обманувшего расчеты Гукасова Струве (знаем из полупервых рук) – то П.Н. „доведут себя до апогея". (Мне писала как-то киевская неизвестная „поэтесса": все бы ничего, да вот не могу довести себя до апогея...)

Если апогей отразится на гонорарах, то чего еще желать? Думаю даже, что с течением времени, медленным эволюционным путем, – или не очень медленным, – вы достигнете там и „дневного" чина: очень уж нужен им литературно-отдельный редактор! Жалею только, что моим не будете: мимо орлиного ока папаши мне не дано проходить. Только в его отсутствие...

Нет, нет, не „восстанавливайте истину" перед Вишняком. Если вам ничего его радость „все-таки ущербил!", так пусть радуется. Пусть и меня считает убитой: часто ли мы имеем случай доставить радость человеку? Ну, а что будет через 4 месяца, со следующей книжкой, там время покажет.

Что вы заботитесь о Днях? Ведь все равно, если в интимную минуту Керенскому его амишка шепнула насчет „тамошние лучше", уж так он и будет гнуть, на то и „проклятой памяти безвольник". Алданова лучше пожалеть и ухода ему пожелать; пусть не под его вежливым крылом, а под маринкиным подолом разводятся „гаденыши" /41/, по крайней мере все ясно. Но боюсь, что Алданов не уйдет, именно от вежливости не уйдет, и все перетерпит: и „Крутильду в безбилье" /42/, и всех ее „ближайших", – „кукотов и кукоток".

Но не будем загадывать. Будем ожидать грядущих дней без волнения. Вот только „рассчет" вы от них вытребуйте, не махайте рукой, по нынешним временам не намахаешься.

И уж, конечно, целого доброго доллара мы за священно-проклятого старца платить не намерены. Даже с самыми изысканными ругательствами он доллара не стоит. Мы с Д.С. издавна как-то решились (или само решилось) не стремиться активно к узнаванию того, что о нас пишут; было это, вероятно, вначале, инстинкт самосохранения, а потом сделалось равнодушной привычкой. И когда попадалось, или „добрые" люди присылали, – я читала, и если остроумно

ругали – смеялась. А бывало, что иное лет 20 пролеживало мне неизвестным. Другое дело – *на чем-нибудь* с чужим псом столкнуться: чтобы погрызть было можно как следует, за себя – но не ради себя... Вернее – за „свое". А какой же пес – Иероним /43/? Если и пес, то никто в его блевотину, где он с „октября" плотно уселся, не полезет, даже если б за это ему давали 100 долларов, а не с него один требовали...

Он rentre или еще не rentre? Скоро будет и наша rentrée. Скорость относительная, но я чувствую, что слишком вхожу в „дичание", и потому хотелось бы эту rentrée приблизить. – Что мы будем *делать*? Неужели *только* писать фельетоны в П.Н., наблюдать разложение Дней, сочувствовать Новому Дому, болтать с Вишняком, „беседовать" у Винавера..? Это хорошо, но как-то жидковато...

Пожалуйста, не оставляйте меня вашими эпистолярными милостями.

Привет,

З.Гиппиус

10/19/26
v.Alba

Дорогой Владислав Фелицианович.

В давние времена начала вам письмо, которое, с точки зрения вечности, не устарело, конечно, однако с другой стороны глядя – не годится, и я его бросаю. За это время я успела похворать, погоревать о Винавере, – и мало ли еще что! Но вот три дня, как я начала есть, вчера выкурила первую папиросу, а сегодня решила написать вам. Надеюсь, что еще на некоторое время продлится „переписка двух семей", во всяком случае вы не оставите меня без информации; а то я решительно не знаю, что делается „в свете". Ни Совзапок, ни Голоса не получила, Дни без вас завяли до неприличия, а в П.Н. я только едва-едва начинаю чувствовать вашу руку (потом, я уверена, все широко устроится), я вас читаю лишь по четвергам, да и то вперемежку с Талиным. Ваша статья (или что?) о Муни /44/ *очень* интересна и сюгжестивна (Гофман сам малоинтересен). А вот Георгиеивановские радотажи мне чуточку наскучили, – говоря между нами.

Как теперь обернутся дела в Звене, как утрясется редакция? Не знаете ли чего?

В Сов. З., как вам, конечно, известно, стихотворным редактором состоит ныне Миша Цетлин. Нам с вами ходу не дали, ну – мы

обижаться не будем, всякой ягоде свое место, или всякому месту своя ягода, вернее. И то лучше. Уж очень только Миша льнет к совпоэзии, это его слабость. Так и „клонит над водами Миша макушку свою"...

Затем должна вам сказать, что в публикациях о Нов. Доме я усматриваю нечто огорчительное, хотя и не совсем понятное. Откуда вдруг появился там Гингер, да еще с женой, столь заведомой большевичкой? Если они там ради младости своей, то мне казалось, что это качество для Нов. Д. не перворешающее; если бы так, то что мы там, двое одиноких стариков, будем делать, хотя бы с помощью третьего взрослого мужа – вас? Роль чистого „покровителя" молодежи меня никогда не пленяла, для педагогики у меня нет достаточного бескорыстия, (о Д.С. уж и не говорю!) а почетный билет на звание „бабушки русского декадентства" – хорошо, но за „почестями" я вообще мало гонюсь... Объективно же мне будет жаль, если Н.Д. соскользнет к принадоевшему типу „журнала молодых" с „эмигркультурными" запросами и наставлениями первичного свойства + поощрением вредных и безвредных, но молодых, оболтусов. А соскользнуть весьма легко. Намерения и порывы Нины Николаевны были очень хороши, но ведь не все намерения легко воплощаются. Впрочем, посмотрим, что будет дальше. Мне бы только хотелось знать ваш просвещенный взгляд на сие дело...

Из-за своей хворобы ничего не могла делать, с трудом лишь составила заметку о Винавере. Теперь посмотрю, куда меня наклонит. Может быть, для собственной безгрешной забавы попишу свои романы, – так себе, ни на что не претендуя. Посл. Нов. хотят статей не больше 100-200 строк, а это не всегда легко и удобно. Много нужно труда для краткости!

Что же ваша книга? Будет или не будет? Посмотрите, как Бунин книги издает, как блины печет! Один солнечный удар за другим! А мы какие-то несчастные, особенно я. Умру – даже и стихов моих на свете не останется, а кое-кому они когда-то годились. Но, впрочем, тем хуже для других, мне же, после смерти, будет о чем подумать вне сих пустяков. Когда ваш Некрополь /45/ обогатится воспоминаниями обо мне, – не пишите, что я испытывала какое-нибудь огорчение при мысли, что

Недолгий след оставлю я
В капризной памяти людской и т.д.

У меня твердое убеждение: „нет *жизни* – в памяти чужой". Какая уж это жизнь, в чужом-то мозгу? На что нужен сей „призрак бытия"?

Однако, возвратимся к реальности и к очередным делам; о них жду ваших рассказов. Не радуйтесь, что Слоним вас помиловал: он еще ваших Верст не читал. Достанется и вам. Удивляюсь, что вы так жаждете читать чужую брань и советуете мне, ради нее, даже доллар копить! Не стоит, при случае и даром все узнаем.

Будьте здоровы и вспомните поскорей пустынножителя.

Ваша З. Гиппиус

10/24/26
v. Alba

Видите, как „сердце сердцу весть подает"! Мы с вами не только написали друг другу одновременно, но даже и в темах я усматриваю некое совпадение.

Эти несколько строк – лишь пока, до получения ваших ответов на предыдущее; лишь для того, чтобы выразить вам свою радость (и зависть, это очень ценно) по поводу вашей статьи о Верстах. Подробные комплименты – при свидании, надеюсь – скором теперь. А кроме того – хочу вам сообщить, что чуть не попалась со статьей Макеева. Неужели вы бы не написали мне, в чем дело с „точками" и допустили бы, чтоб я влезла как кур во щи? Я чуть-чуть не вознегодовала на „цензуру", столь явно „схватившую Макеева за горло", чтобы не дать ему похвалить Ход-ча, и т.д. Это я хотела сделать в своей рецензии на Совзапки (которую, положим, еще не написала, но напишу). И лишь случайно узнала, что все это „даже напротив": цензура-то *вас* защитила от неприличника, (весьма и даже очень при том бездарного). Вот какие нелепые пошли дела и делишки.

Ваш проект относительно конгресса с темой „литературная политика" – мне весьма нравится. Но кого из С.З. будем привлекать? Ф. уедет, Вишняк в Румынии (?) Ну, а Луцкий – и кто это еще, Господи! – никогда я не позволю себе сказать такую ересь, что он подражает вам. Согласимся, что он вполне самостоятелен во всем своем размахе. Впрочем, я ни звука сейчас не помню, помню лишь общее впечатление, и этого с меня достаточно.

Если случится, что вы ответите мне *до* получения этого письма, то, для приведения нашей переписки в порядок, я подожду вашего следующего, а то так и будем скрещиваться. Скажите Н. Н-не, что, во-первых, я – могила относительно *всего,* а во-вторых, – что я ей тотчас напишу по получении Н. Дома, за все сообщения – благодарю и кланяюсь.

Д.С. шлет вам привет, он в большом удовольствии от вашей статьи. Затем примите мою affection наиболее верную, и до свидания.

Ваша З. Гиппиус

Володя выздоровел, – у него, ведь, всегда ваша болезнь.

Весьма трудно писать о С.З., особенно в кратком виде. Наде-

юсь на вас выехать.

Утром

Не успела марки наклеить на письмо к вам, как уже получила ответ. Теперь, значит, все в порядке.

Относительно Макеева – изумляюсь, что *вы* не знаете! Это Алд. справедливо нашел неприличным такие ругательства по отношению к сотруднику, кот. только что ушел. Они непонятны, ибо „Мак. относится к Верст. отрицательно".

Насчет Гингера я не очень удовлетворена. Если он исправится (могу себе представить, хотя мало), всегда было время его напечатать, а в списке-то зачем? Вот Сосинского придется же убирать.

У Н. Ник. была хорошая мысль – вовсе не печатать рановременно списка сотрудников. При нынешнем линянии – цепь конфузов.

Этот прохвостишко – Эренбург опять в Париже? У меня тоже мания преследования, и почище вашей, но Бердяев... „Знаете ли вы, что такое Бердяев? Нет, вы не знаете, что такое Бердяев"... Я – знаю, и значения его эренбургизму не придаю. Относительно других – вы меня очень заинтересовали. Прошу самой широкой информации (как и всегда, во всем, ибо помимо вас, по своему юбочному и другому положению, лишена многих возможностей).

Относительно „Гершензона" вашего – впоследствии. Сейчас очень тороплюсь отослать это письмо. Еще раз примите и проч., но не официально и сердечно,

З. Гиппиус

10/31/26
v. Alba

Что-то неутешительное в вашем письме, дорогой Владислав Фелицианович. Я даже не рассмотрю, – что, но довольно ясно неутешительность ощущаю. Ждала, что вы внесете в П.Н. вашу „игру" – но ничего не вносите пока; все тот же самый четверговый дождик, и сами вы, вместо „Парижского альбома", записали о кинематографе, – очень справедливо, но без всякого фейерверка. А стихи Струве... The rest is silence.

Очень я, все-таки, любопытствую, на каком вы там фактически, амплуа? Что говорит папаша? Да где он? Такое впечатление, что все

еще почивает от дел. Ибо я в контакте не с ним, а с Игорем. Он просил меня дать рецензию о С.З., я дала, но думаю, что она ни ему, ни Ф-к-му не понравится. Ибо никаким шоколадом эту 29 книгу не подсластишь; и кисла, и чепушиста, особенно в том отделе, которым Ф. особенно доволен. Кроме того, я, доказывая „сборность" книги, вытащила на свет Божий улыбки Степуна евразийцам, чтобы сопоставить с тем, что говорите о них (рядом) вы... Предвижу мольбы И.П. не печатать этой рецензии, а „написать получше"... Но нет, тогда пишите вы. Я же, в таких случаях, не только на Вишняка, но даже на мою нежную дружбу многолетнюю с Ф. не смотрю, – должна по совести. В крайнем случае – позволяю себе только „увильнуть" (как сделала с Алдановым).

Боюсь, что и Бунин, в самом конце всех концов, не останется доволен, несмотря на кучу похвал: доберется в них до sous-sol.

Бунин уже уехал, и скоро вы его увидите, конечно. Настроение его довольно кислое. Сегодня бранила его за ответ Слониму: к чему с этим обухом подыматься на... свою защиту. Цепь „выражений", больше ничего. Дураки да лохмачи, точно они этого сами не знают и все вокруг них тоже! Хлоп, хлоп, и „бесполезно в смысле результата". Это не по вашему... да и не по-моему. Как мне кажется.

По прошествии некоего времени, довольно краткого, вы насладитесь и лицезрением вашей покорной слуги. Ибо хорошо – пустыня, но закисаешь. Сделался, было, холод, мы тотчас затопили собственный централ, но теперь снова тепло, хотя солнца 2 дня нет. Ждем, что затопят жилища в вашей полярной стране, и когда жилища прогреются – явимся и мы. Пожалуй, без Вл. Ан., если ему придется перевозить Альбу, с которой его высаживают, в другую хижину, и новую (гадкую) хижину эту сдавать американцам, чтобы изворачиваться в долгах. Ну, эти спекуляции я уж не понимаю, в них не вхожу и думаю лишь о том, как и когда мы поедем в Париж, чтобы не вполне разъехаться с Фонд., который уезжает в Грасс между 10-15 ноября. Вот вам и „литературная политика"! Без него с Вишняком сладу совсем не будет.

О формальном заведывании стихами в С.З. Цетлиным я знаю из наипрямейших источников. Но, конечно, эта должность может быть и не объявлена в Прав. Вестнике. И вы Мишечку об этом не спрашивайте. Пусть таится, пусть его правая рука не знает о том, что делает левая!

Кланяйтесь Нине Николаевне, ждем Нового Дома. Напишите мне скорее и поставьте меня в известность еще о каких-нибудь ближайших планах, буде у вас эти какие-нибудь имеются.

Не теряйте „игры"!

A vous / З. Гиппиус

4 ноября (или 5)
26 – v. Alba

Милый Владислав Фелицианович, я ужасно (хотя не без горечи) хохотала над вашим письмом. А вдруг вы правы? Т.е. в том-то, что нас с вами ставят в весьма малый грош – вы-таки наверно правы; но вдруг это действительно „от худобы"? Д.С. – не сомневается и уверяет, что будь он с виду вроде Левинсона – вся бы его судьба была другая. Я сделала мысленный смотр известным мне „уважаемым" и „неуважаемым"; нашла исключения,.. но ведь они правило подтверждают, не так ли? Что до „остепуненья", то, кажется, не только вам, но и мне на это нечего надеяться. Я тоже все худею. Отчасти, впрочем, этому помогает и то обстоятельство, что жизнь нагло возрастает, а так как я еще в Совдепии приобрела привычку почти не есть, то и пользуюсь ею нынче для баланса. Все-таки экономия.

Эти же „интимные" обстоятельства, – т.е. почти внезапная здесь дороговизна и крайнее наше в данную минуту „поиздержанье" – заставляют нас отложить отъезд еще на две или три недели. Что называется – не с чем „сняться". У Д.С. одних книг – 2 сундука! Вот и ждем у моря погоды – почти в буквальном смысле. Эти интимности, я думаю, вам понятны; худоба и тут влияет, а Д.С., увы, не толще вас!

Как бы то ни было – вы еще можете не лениться и написать в пустыню. Вашу „игру", которую я тщетно жду в П.Н., – я к счастью, нахожу в ваших письмах. Понимаю, что как утешение – это довольно... mince; но уж видно и моему, и вашему поколению, как дедам и прадедам нашим, на роду написаны „цепи цензуры"; взойдем ли на гору – он там; опустимся ли в преисподнюю... того хуже. Вопрос – что делать? Резиньяция? Или „в борьбе обретешь ты..." черт его знает, что еще в ней обретешь. Высадку из последнего папаши с лишением последних субботних сантимов, пожалуй. Но все-таки я склоняюсь к борьбе. А вы?

Как вы завидно выдержали экзамен на Струве! Я бы не могла. Я бы просто сказала, что дрянь и дрянь. А так, сразу... Впрочем, Довида бы угадала (не говоря о некоторых „советских"). Довид этот в Нов. Доме лучше, чем в Совзап., но и тут с бо-ольшими „тарами". Он мне почему-то напоминает „мальчика в пелеринке", армянского вундеркинда Део, которого я видела в 17 г. в Кисловодске. Того же сорта „талантливость", той же „материи"; впрочем в Део, до 16-ти лет не выезжавшем из Шуши, а на 17-м году приехавшем в Кисловодск (не далее!), поражала, даже потрясала, его „эрудиция", его такое знание *всей* русской литературы, и осмысленное знание, что я до сих пор вундеркинда этого забыть не могу. (Жаль, что уже давно

написала о нем где-то в завал, в рижской газете).

Впрочем, о Довиде и обо всем Н.Д. я уже подробно написала Н.Н., и весьма радуюсь вашему сообщению, что они желают совершенствоваться. Это всегда необходимо! Н.Н. верно мне напишет и о своих планах на будущее, на второй и 3-й номер в частности.

Вы – очень верно, что Ф. меня любит, а Степуна слушает. А кроме того и неудержимо „восхищается" им, – чем бы вы думали в нем? „артистической натурой"! Его тонкостью... толстого человека. Степун из книжки в книжку шлепается по лужам, сначала с Благон., нынче с евразийцами... так вот нет! Это, мол, от его „женственной натуры", и конечно ему нужно „разумное водительство..." Что-то долго собираются „водить" сию жирную кобылу, о сю пору не вижу, да и не предвижу. И помяните мое слово, за него станет и Демидов, и даже невольно нежный упрек (дал бы ему „нежность", в зад коленкой, А.Крайний, кабы не неволя!) – и тот в моей заметке не пройдет. Но я сплетничаю и ругаюсь, а посему прошу меня извинить: смягчающие обстоятельства – мое уныние по случаю препон к отъезду и... „вообще", как любила говорить одна старая психопатка Д. С-ча.

Когда мы приедем – давайте будем иногда видаться „конспиративно"; а пока не поленитесь еще написать в пустыню. Когда мне шел 17-ый год – первый, предложивший мне руку и сердце, был начальник почты в Боржоме (гимназисты не могли). Он мотивировал было так (был латыш): „вы "sila" и я "sila": вместе – мы горы сдвинем". Писал „стихотворения в прозе", вроде: „Чу! появилось розовое виденье!" У меня, конечно, нет силы этого начальника; но все-таки, вдруг мы, соединив наши с вами силы, – сдвинем хоть папашу... к литературе? Довольно, à bientôt, и не худейте больше.

Ваша З. Гиппиус

Очень рада, что не забыли и не резаньировались насчет „пешковщины", – очень! Но... *где*?

11 н. 26
v. Alba

Et voilà! А знаете что? Может быть все эти шишки, которые на вас повалились, – не ваши, а наши, те самые, которые на нас, на меня и Д. С-ча, преглупо валились всю жизнь. Мы-то уж даже попривыкли, а вы... заметьте, что и привычным не весело. Поэтому я, с просьбой оценить мое бескорыстие, высокую честность и даже некоторое самопожертвование, говорю вам: смотрите! „соединяйте судь-

бу" вашу с нашей осторожно! Семь раз не худо примерить каждый раз. Ведь это все мне очень знакомо: „неугождение" и „друзьям". В какую-то минуту они понемногу начинают неугождаться и, как у Лескова в „Былом орле", тихонько танцуя, удаляться, с приговорочкой: „до свиданс, до свиданс, же алле на контраданс..." Вот так, как вы теперь замечаете.

Исполнив долг чести, насчет предупреждений, прозрений в опасную близость судеб и т.д. – перехожу в реальный порядок (мои руки умыты, во всяком случае). Вы-первых – вы теперь на собственном опыте узнали, что такое П.Н. и что я там, с клапом во рту, уже сто лет испытываю. Им мы с вами *не нужны*. Т.е. не нужно то в нас, что и делает вас – вами, меня – мною. Поскольку вы сумете себя перековеркать в приближение к Даманской, Вакару, Словцову и т.д. и т.д. – постольку скушают. Сомневаюсь, чтобы это искусство вам далось; мне оно так и не далось, несмотря на все мои усилия; и даже я вам *не советую* их употреблять, ибо они (для меня, по крайней мере) окончились плачевно: я себя исковеркала, но все равно не доковеркала; они все равно: „не корми меня тем, чего я не ем", а я осталась довольно-таки исковерканной.

Таково, впрочем, *данное*, бывшее и настоящее... Но ведь нам не запрещено надеяться на будущее, если мы не отказываемся от „в борьбе обретешь..." и т.д.? „Высадка из последнего папаши" происходит нежно: просто не печатают. С экономической точки зрения последнее, по-моему, хуже... Я вам расскажу когда-нибудь всю торжественную историю принятия меня („критика с именем") в П.Н. на определенное амплуа... и что воспоследовало тотчас же... Вообще, нам есть, что друг другу порассказать. И, пожалуйста, не теряйте бодрости еще малое хоть время: мы приедем через всего две недели. Числа 26 или 27-го. С Фонд. можем раскланяться из вагона в Марсели: он уезжает как раз 25-го, сейчас получила телеграмму. Замечательно удачно! Володя с нами не приедет не оттого, что боится Эфрона, а оттого, что должен перевозить „манатки" на не совсем достроенную дачу в Cannet, и ее же быстро сдавать американцам (захотят ли, там еще полов нет!) Отсюда же – высадка, а потом мы уж не замедлим. Насчет Мельгунова: я уж давно получила от него приглашение, в котором толку не увидев ни на грош – попросила разъяснений; сегодня, вместе с вашим письмом, их получила... вернее, такую вящую чепуху, что совсем не знаю, что и отвечать. Напишу – „досвиданс", приедем, мол, скоро и тогда – à vive voix... Никаких надежд в этой стороне не имею. По-моему – только дискредитированье „непримиримости" и утруднение – моего, по крайней мере, – положения.

Д.С. абсолютно не понимает, *что* могло не понравиться „друзьям" в предисловии Н.Д. Кричит, чтобы я спросила – неужели *вы* понимаете?? Да, он обязательно хочет что-нибудь не „дать", а „напи-

сать" в Н.Д. (это – разница). Когда будут выходить №№ и какие сроки для материалов? Это уже вопрос к Н.Н.

Итак – вот когда à bientôt! И немедленно начнем „двигать горами". Но все-таки это не последнее мое письмо, надеюсь: если ответите – я еще сообщу вам точную дату. Вы бы, все-таки, спросили Игоря насчет моей заметки. Ведь это в самом деле...

Нежные приветы от меня и всех остальных –

З. Гиппиус

11/15/26
Alba

Исполнение желания Нины Николаевны и вашего, дорогой Владислав Фелицианович, совершилось в кратчайший срок. Вложенное – заметка Д. С-ча, которую он написал мгновенно, бросив Наполеона, ибо „дошел до апогея" от событий в муравейнике и от сегодняшних писем – от Н. Н-ны и вашего. *К* 15-му написать уж было нельзя, – ведь сегодня 15-ое!

Не говорю о том, до какой степени вы оба правы: теперь, если б 2 № появился без наших следов, это бы означало наше падение прямо в объятия Цетлина. А таким образом я могу на сей раз затмиться, и ничего, „даже напротив". Д.С. уверяет, что, как где-то Наполеон сказал: „Воздух полон кинжалами" – так теперь можно сказать, что „воздух полон пощечинами". Ну и пусть себе летают эти воздушные пощечины.

Нине Николаевне я писала вчера и очень рада, что она еще ранее получения моего письма рассеяла мои сомнения, – по правде сказать – немножко притворные. Редакция Н.Д. не в ужасе и вообще ничего не боится. Даже Керенского, до такой степени ослепшего от любви к своей очередной „Елене" (мы всех его очередных „Еленами" звали), что даже Шестова от Бердяева он уж отличить не может. Бедный Бердяев! И я на него напрасно: куда, мол, этот еще полез? Роль Ладинского мне все-таки не ясна; в чем ее противность? Сегодня (от 13-го) Алданов пишет Д. С-чу (благодарит, между прочим, меня за добрый отзыв – оценили ли вы мою ловкость рук в этом фельетоне детально?). „Дни" дадут о 1№ Н.Д. только сочувственную заметку, отложив рецензию до 2 №. Очень трудно найти рецензента, тем более, что есть много „разгневанных". Не думаю, чтобы теперь и сочувственная отметка появилась, куда уж!

Да, милый Владислав Фелицианович, тон нашей переписки все

повышается, события – муравейника – бегут... Не успели мы с вами порадоваться, что „Мишечка попал", да еще в таком окружении, как он уж запел, танцуя и удаляясь, свой досвиданс. В тот же миг и я „пострадала", и, как я соображаю, на 80% из-за вас. Вы не знаете (а, мож. б., и знаете), что Сер. П. Ремизова /46/ „обожала" меня 22 года. Ничто не могло поколебать ее, и нигде. Первая трещина была – после моей сочувственной статьи о вас, первой. Но я тогда просто сказала, что таково мое литературное мнение, лично же вас я никогда не видывала в глаза, не знаю – увижу ли, а тем, что говорят о вас – не интересуюсь, ибо не могу судить, что правда, что неправда. Затем прошло много времени. С весны было всего: и моя статья о Благ., и моя статья о Верстах. И даже Новый Дом с Володей. И все ничего. Но вот еще мое печатное замечание о вас и Верстах, затем перфидная заметка Дней о скандале большевицких „молодцов" (чуть не в один день!) – и записка многолетней моей обожательницы: „Заявляю, что не подам вам руки". И точка. Убила. Она – может! (Кстати, а как тут ваша теория насчет „толщины"?) Еще кстати, уже без скобок: Володя говорит, что Степун ему напоминает стихотворение Бурлюка: „Видали ли вы беременного мужчину? Как он хорош у памятника Пушкина"... Только Степун, будто бы, еще беременный „ложной" беременностью, которая, говорят, бывает... Вот темка для папаши, не правда ли? Впрочем, à bas и эту, и вашу тему, на которую вы бы „хорошо" написали; работайте, работайте над плас Домениль! /47/ Роскошно, с руками оторвут! Алданов пожалеет, что не в литер. отделе Дней!

Ваши вопросы послала, при письме, Философову. Я писала Н.Н. о том, что в Свободе уж проявился Нов. Дом, и еще обещают. Номера газеты есть в ред. Посл. Нов., – это № от последнего воскресенья. Я все мечтаю помочь Свободе, сейчас Ф. /48/ там буквально один за все про все, т.к. Арцыбашев тяжело болен, только на днях его перевезли домой из больницы после операции, и он написал мне лишь строчку „что не умер". Думаю послать им моего „Недостойного ученика". Хотела, было, в П.Н., сомневалась, и вы окончательно подкосили меня Доменилью. Конечно. Конечно, Доменилъ. Придумайте и для меня такую же папашину тему к моему приезду, пожалуйста! Уж „птичка" – хуже, именно чтобы темно и никого.

Постараемся, чтоб поезд ехал скорее и прибыл пораньше утром. Только бы мне сохранить нормальное состояние и помнить, где у меня какая книга и бумага лежит. Завтра начинаю наводить немецкий порядок... но с русской беспамятностью – беда!

Насчет литературной пули в лоб – это требует большого жданья. Мысль сама по себе утешительная. В ней есть упоение. Но пока будем искать упоения в бою... хотя бы с тараканами. Я их знаю, со всеми их „лучами". В юности я их боялась и вдруг решила победить их (и

себя) : поймала таракана, посадила в бумажную коробочку, кормила, воспитывала (и каждый день чуточку мучила). Мне даже один немецкий поэт написал стихи, которые начинались (прошу извинить орфографию, я не знаю по-немецки)

"Du pflechstest ein Tarakan..." [sic] /49/

Так что имею опыт. А за сим — до скорого, долгожданного, свидания. Ждем вестей о получении рукописи (Д.С. ее не перепечатывал, извинить просит; для скорости) и низко кланяемся.

Ваша З. Гиппиус

1/27/27
Paris

Дорогой Владислав Фелицианович. Рискуя навлечь ваш гнев, я все-таки хочу сказать вам, что думаю о нашем вчерашнем разговоре. Он меня очень взволновал и огорчил. Это понятно, так как я к вам не равнодушна, а имею отношение положительное, и субъективное, и объективное (не обращайте внимания на мой „немецкий" стиль, когда я принимаюсь быть „точной", тут кровь сказывается).

И так — разговор и взволновал, и огорчил. Взволновало действительно ваше ужасное положение, а огорчила... ваша слабость. Из-за *этого* огорчения я не могу жалеть вас (да вряд ли вы бы этого и хотели?) Я, может быть, в тысячу раз была-бы слабее на вашем месте; но это ничего не меняет, и бревно в моем глазу не мешает мне огорчаться сучком в вашем. Как? С нетерпеливостью женщины или „поэта" делать харакири, да еще спешить с этим под ворота Милюкова или Вишняка? Вы *недостаточно* злы. Вот оттого у нас большевики и сидят, что даже такие, как вы, при самом начале борьбы уступают, отступают, и если не углажить прямой путь — длинной, острой, обходной тропинкой не хотят идти. Перед вами две борьбы: борьба за существование и борьба за живое с мертвецами. Для второй борьбы, более важной, потому что не только вашей личной, за одного себя, — надо, чтобы первая проходила успешно. Нужны, следовательно, жертвы. Вы не знаете „ремесла"? Научитесь. „Я не могу!" Вздор, можете. Кто не может быть, при случае, *и* ремесленником, тот не писатель. Или вы боитесь „пасть"... в чьих глазах? В „их"? Умейте в эти глаза плевать. В своих? Ну, извините, это *поверхностная* гордость, и никогда я не поверю, чтобы так вы не глубоко смотрели на себя самого. А будет вам приятно, если б-ки вас „пожалеют"?

„Говорила тебе я
Ты не ешь грибов, Илья,
не уходи к эмиграции, вот
и заели тебя мертвецы..."

Нет, ремесло так ремесло, Возрожденье так Возрожденье и даже хорошо, что Возрожденье. Чем, наконец, я хуже вас? Я позволила себе роскошь содержанства, но уже принудила себя от нее отказаться (да и нельзя, впрочем, иначе, вы наших дел не знаете) и непрерывно занимаюсь „работажем", который скоро даст свои плоды. А у меня *меньше* возможностей, чем у вас. Мне 4 фельетона в месяц П.Н. *не* предлагают. Меня Возр. и даром не возьмет. Если я колеблюсь перед погаными Записками, так потому, что я там должна писать „о божественном", а это уж особенно мне там сейчас противно... По особому как-то невозможно (чего вы не поймете), но и на то я, м.б., пойду. Нет, идите в Возрождение, идите хоть к марковцам (если б это было питательно), вяжите им самые толстые литературные чулки, но не делайтесь „жертвой" вишнякизма, – к тому же вишняки этой жертвой ничуть не подавятся.

Предельная линия не в стороне Струве лежит, вы сами это отлично знаете. Знаете, где она, „через оную да не преступиша".

Цетл. говорит, что „тут нужна интервенция". Нужна-то нужна, но она приходит к тем, кто на нее одну не надеется и не готов тотчас сделаться „жертвой".

Итак – вот, что меня огорчило... и огорчение это даже с примесью некоторого возмущения и бешенства. Огорчение и корыстное – и бескорыстное, во всех „планах".

Иду на ваше неудовольствие и гнев, но чтож будешь делать, предпочитаю не скрывать своих чувств и мыслей.

Ваша З. Гиппиус

Четверг. 11 марта 1927

Дорогой Владислав Фелицианович.

Во-первых – нежная просьба не манкировать этим воскресеньем, т.к. есть важные дела, относительно речи Фонд. (она не всем, меня включая, до конца понравилась... Хотелось бы кое-что вскрыть... А 15-го Ф. уезжает! В воскр. придет к нам. Ну, это все вы сразу увидите). Во-вторых – не менее нежный совет: навестить Варвару Ивановну /50/, и поскорее. Она нездорова, еще лежит, очень скучает, вспоминала сегодня о вас и просила, чтобы вы к ней заехали. Живет она

6, Av. Victor Hugo, au premier... нет, во втором этаже, кв. Головиных.

Я обещала вам передать ее зов.

Н. Н-е привет, она имела большой успех!

Ваша З. Гиппиус

P.S. Как забавны стенограммы! Я видела 2-е заседание. И сколько неожиданностей!

P.P.S. Я послала Бунину открытку следующего экспромтного содержания:

Какая честь для всей Руси и всех!
Какого дня великого канун!
Ликуй, о Бунин! Ждет тебя успех:
Рекомендует Бунина – Степун!

А.К.

5/9/27
Paris

О! Владислав Фелицианович. Вы (и Н.Н.) изменили *мне* – это пусть; я давно готова ко всему (хотя... вспомните недавнее прошлое!) А вот что вы Лампу сажаете в калошу, это уже терзательно. Как я буду говорить „об искусстве в земном раю", если вы меня не поддержите?

И без того „диалог" улыбнулся, – не справились! и будет „вообще".

Затем у меня к вам есть разные вопросы и одна просьба – о совете. Вопросы насчет Сов. Зап., о которых я внезапно опять пишу, т.к. Иг. Пл., едва папаша за дверь, – ко мне: воспользоваться. Совет – насчет Талина и его предложения (и моего условия). Затем... но слишком много „затем", которые тихо, за вашим отсутствием падают в бездну пропада.

Читали ли вы „Шепелявую тень"? /51/ Воспользуюсь случаем для отповеди. Но Игорь – даже художественная глупость!

У меня совершенно нелепые недели, дни и вечера. На этой неделе только один-единственный вечер без свиданья – вторник. Свободны ли вы? Если даже вы в „Очаге" /52/ (что там?) – это так близко, и не весь же вечер там сидеть? А если вы совсем в другом конце мира – напишите мне мгновенную пневматичку, чтобы я вас не ждала. Я тогда воспользуюсь каким-нибудь перемещением освобожу что-нибудь другое.

Ах, но Лампа, Лампа! Она – в четверг. И ваша измена продолжает меня терзать. Обыватель же в нее (в Лампу) рвется: каждый требует 14 повесток, не менее...

Ну, черт с ними (и с повестками, и с обывателями).

Ваша З. Гиппиус

7/5/27
v. Tranquille
Le Cannet A.M.

Не думайте, дорогой Владислав Фелицианович, что я не пишу вам потому, что „медовый месяц" кончился и т.п. Во-первых – для меня медовые месяцы, если они бывают, то и пребывают. Такое уж мое свойство, не всегда приятное для меня, но чтож делать! Из этого правила имею два исключения – всего два; не много, неправда ли? В остальных случаях „я изменяюсь, но не изменяю". (Оттого и *неприятно* это свойство; ведь другие-то изменяют).

Во-вторых... Но „во-вторых" нету, это все. А не пишу я, главным образом, потому, что хотелось бы написать вам положительную вещь, определенную с указанием вашего адреса. Никакого нет сомнения, что вам необходимо ехать именно сюда. Здесь райская погода, а жары не то, что много, а хотелось бы побольше. Мы с Д.С. каждую этикетку приноравливаем к вам, но Володя не дает подступиться: взял это дело в свои руки. (Хотя бы оно у него вышло больше, чем в 4 № Нового Дома! Еще подожду малое время – и „возьму в свои руки", – не Нов. Д., а вас. Тогда уж не прогневайтесь, что выйдет, – зато „выйдет").

Звено... ах! При концентрации все стало видно. Образовался какой-то Кугель, только что упавший с луны. Впрочем, боюсь тут с вами диссонансов. Не частных, а общих. Т.е. данный Кугель, быть может, и вам не по вкусу, но это не касается принципа. По принципу же я *не прежде всего* литературщик, тогда как вы – да. Крайность этого направления я сейчас наблюдаю на Бунине (gare à vous!). Он, наконец, „пишет". Для этого ему нужно грандиозное устройство и несколько жертв. Хорошее хозяйство; самоотверженная машинка; и доппинг тут же под рукой, чтобы не терять времени на поездки в другое место. Для полноты удобств и для виду к двум служительницам гения (разно-служащим) еще должно быть домашнее прибавление: оно найдено, за отъездом Фонд., в виде... Рощина. Это маленькое, покорное ничтожество – находка. Ведь оно тоже „творящее",

и никому этим творчеством не мешающее.

Посмотрим, какая „красота" будет создана в таких, на мой взгляд, уродливых условиях. Мораль... je m'en fiche pour le moment...
Но что это все уродливо – я не видеть это никак не могу. Притом совершенно.

Подумайте, в эту самую минуту Володя мне объявил, что у него только что как-будто „вышло"! По его рассказу – квартира прекрасная, и окружение такое, что мы умрем от зависти. Ибо, чтобы ничего не скрывать, новая наша (Володина) дача и имеет „вид" самый плачевный. „Сиротский", как мы говорим. Внутри она очень мила, поместительна и удобна, но вокруг... недоделанный пустырь, ни клочка травы, с одной стороны даже забора нет, а с другой, в крошечной Сахаре, какие-то корешки, которые Володя, вооружившись очками (иначе их не увидишь) усердно поливает. Но мы – ничего, смиряемся, довольно удобной внутренностью и пролетающей мимо нас „кукушкой", которая в пять минут сносит нас к морю. Море от нас видно лишь через крышу соседней дачи, но видны холмы и весь прелестный Cannet. У вас, говорит Володя, будет неизмеримо великолепнее. Другая сторона Cannet, где ваша квартира, вообще милее. Володя вам сам напишет подробности, и затем мы будем ждать ваших "ordres".
Очень хочу и надеюсь, что они не замедлят. Скажите Нине Николаевне, что о „туалетах" не стоит заботиться: здесь настоящая пустыня, а в Каннах, если и проходят люди, то одни прощалыги. Пустынность эта несезонная очень мне нравится: вот когда хорошо писать „для души", и даже Бунинского устройства не требуется.

Известие о нахождении вам приюта – сбило мое письмо с толку. Теперь я уже думаю о вашем приезде и об устных, при случае, рассуждениях. Посылаю вам и Н.Н. всяческие приветы и советы не упускать квартиру, да еще столь дешевую, вполне по вашим тепершним состояниям! Кто беден ныне – так это я: окончательно стала безработной, *не могу* больше глотать Милюкова!

Жду строчки очень скоро.

Ваша З. Гиппиус

31. сент. 1927
v. Tr.

Милый Владислав Фелицианович.

Пусть Н.Н. объяснит вам причины моего безответного окаянства. Впрочем, я не требую оправдания, а надеюсь на прощение, или,

в крайнем случае, на „условное" наказание. Я одурела от моей статьи, которая, к тому же, вышла совсем ни на что не похожей, разве на обух для вишняцкой головы... Mais passons... Ваше письмо, в некором смысле, было для меня не карканьем, а райским пеньем. Не удивляйтесь: люблю, обожаю „открытые глаза" в той же мере, в какой боюсь доверчиво-открытого рта со слюнявым самобаюканьем. Ведь тут то же (почти), что: „у нас уже есть 125 тыс., только добыть еще 75, и..." Три месяца эти тысячи „были". На четвертый я, устав, спрашиваю: да где они? „А... э... да они... да Фохт обещал... т.е. сказал... ему обещали..." Фу! Нет, вот именно как вы: гонорары на стол – или ни строки. И не потому, что вот мне эти франки сейчас нужны; а потому, что если их нет – нет дела; знать же, есть оно или нет его – необходимо.

И до сих пор мы этого не знаем (вы, м.б., уже знаете?). По правде сказать, я такой меледе предпочитаю чистое место, обыкновенный ноль. На чистом месте можно новое строить, ничто не загораживает.

В конце концов, моя судьба от Корабля не зависит: она уже решена. С Совр. Зап. у меня во всех случаях останется „ни два – ни полтора"; с Пос. Н. – не то что два, а ни порошинки.

3 октября.

Видите, что со мною делается: даже начатого письма не могла кончить! Это последнее окаянство произошло, благодаря некой катастрофе: при ближайшем рассмотрении моя статья оказалась таким уродом, что я должна была производить над нею сложнейшие новые операции. Они прошли далеко не успешно, но уж ничего не поделаешь: органические „тары" темы.

За это время я почти и газет не читала; можете себе представить, о чем можно со мной беседовать, и что я могу вам сказать, истощившись не только внешне, но и внутренно! Видела Звено; прочла только Адамовича; неправда ли, как он элегантно написал о Корабле? (А „в целом и общем" – погас; т.е. Ад., а не Корабль).

Д.С. рвется в Париж, увлечен мыслью о „цикле" публичных лекций, от фирмы З.Л., причем вторая, после его, должна быть *ваша.* Я говорю: да ведь он начнет, прежде всего, так отнекиваться, что седьмой пот прошибет. Но Д.С. все готов выдержать, так что готовьтесь к атаке. Пока же он просит вас справиться „под рукой", – не захочет ли Возрождение напечатать, в 12-ти, приблизительно, фельетонах, этого гонимого всеми „Наполеона"? И на сей деловой вопрос ждет от вас скорого ответа.

Что меня касается – то я жду от вас указаний, как мне, и сколько еще времени, надо „кочевряжиться". С „Дневником", думаю, к приезду время решит окончательно. Полагаюсь на вас в смысле

защиты моих „интересов”. Затем вот еще вопрос: скажите *объективно* (как бы не вы, но с вашим знанием дела и с вашим соображением) – *кому* писать в Нов. К. о вашей книжке, (кот. выходит?) – мне или Володе? Или ни мне, ни Володе, а еще кому-нибудь?

Или и мне, и Володе (но тогда больше никому). Этот вопрос у нас дебатируется, но я решила прибегнуть к вам, спросить вашего компетентного мнения. Прибавлю еще, что Володя рвется, а я не рвусь, но просто *хочу*. (Порвешься сейчас что-либо „писать”, когда голова распухла от проклятой статьи... Надо придти в себя).

Возвращаясь к Кор. –я новыми сведениями не удовлетворена. Мало ли что „молодой Гукасов”, да вы домогнитесь ему в морду поглядеть. Без морды ничего не узнаешь. И почему он в лесах скрывается? Даже невинной Терапиане его не показывают.

Тут, в Café de Allées, нежданно появился безработный, допотопный старец, помнящий не только мое первое прибытие в СПБ и мои „сенсационные” выступления, но даже... Д. С-ча на студенческой скамье! Он же, старец, оказался тайным другом и помощником Терапианы... (но будьте могилой!) Он же имеет какие-то прямые (по женской линии) ходы к Детердингу. Он же... словом, тут странные вещи в странном сближении открываются. Старца мы десятки лет не видали, а он вдруг с Володей (à l'insu последнего) – заодно! Завтра опять увидим старца, а потом он уезжает в Париж. Еще кое-что выясню, тогда вам напишу. Теперь довольно окаянствовать. Тем более, что – неправда ли? – письменный ответ ценен свежий, а когда отвечают как я – то ни к чему.

В Пос. Нов. рады, что глупые старики от них отваливаюься. Мы, мол, останемся с молодежью: Г.Иванов, Евангулов есть и критики юненькие, новенькие, в „такунке”... Пожалуй, всех оберут, для „Дней” со Слонимом ничего не останется...

А с тех пор, как вы уехали, я в перманентной досаде: зачем уехали. Но „он, мятежный, ищет бури...” до виллы ли ему Транкильной!

Еще многое вдруг возымела вам сказать, но – до след. раза. Будьте щедры: вы – „в котле” новостей.

Всегда ваша – З. Г.

11 окт. 27
V. Tranquille

Ну и пускай. И вообще наплевать. Это я относительно себя (Д.С. – как хочет, я его не касаюсь. И насчет „Дней” я ему *ничего* не совето-

вала; просили его Алданов и Фонд., я так как он уже там раз какой-то отрывок печатал, – он, но не я, – то по инерции и согласился. Напал, после вашего письма, зачем я не советовала, т.е. не-отсоветовала. Но я осталась равнодушной. J'ai autres chats à fonetter, где мне еще в чужие пустяки вникать. Итак – относительно себя: у меня вдруг, в какие-то моменты, является неожиданная психология, – по всей вероятности, женская, – когда я сразу „ничего не хочу", никого не хочу, от всего отказываюсь, все отправляю к черту. Явилась у меня эта психология, не в полной мере, но отчасти – к Возрождению, со всеми Маковскими и Яблоновскими. Ах, вот как? Маковский надуется, если я папаше глазки сделаю? Я не собиралась, но не потому, что боюсь Маковского дутья. И не надо мне гукасовских милостей. Не желаю ни по чьей „струнке" ходить. Ничего не желаю!

Вы понимаете, это лишь дружеская „исповедь", чтобы вы знали, как я „не симпатична". Как я, всегда стоящая за разум, меру, тактику и т.д. – могу все это столкнуть пинком ноги, без всяких разумных оснований и себе же на вред. Свойство такого психологического момента: не знаешь, когда придешь в разум, и придешь ли... Поэтому я не знаю, буду ли говорить с Мак. по приезде, и если буду, то как.

Это не значит, что я не надеюсь придти в разум. Я только не верю, что приду. Будьте другом, верьте в это пока, за меня, вы.

Вообще, мне все надоело, что называется „надольезло". С отвращением читала корректуры Нов. Кор. Предлагала выпустить половину, но Володя даже не захотел Талина сократить, как я просила, и *всю* „смесь" выбросить, потерявшую, за выпуском Шмелева (по просьбе Терап.) последний вид и значение. По моему, это уж даже по разуму так. Но Володя уверяет, что я сделалась похожа на известного персонажа и с соответственным жестом произношу: „Все потопить!" К счастью, мол, не имею рядом столь послушного исполнителя...

Это не ваше письмо, конечно, привело меня в столь несимпатичное состояние, но оно упало на добрую, готовую, почву. Вполне допускаю, что никакого Гукасова нет, т.е. молодого, – старый, пожалуй, есть (на которого мне сейчас „наплевать"). Могу допустить, что и Терапиане является наш старец (о кот. я писала) лишь в сонных видениях. Тогда объясняется, почему Тер. ни звуком не обмолвился Володе – и никому – о старце, хотя явления его были постоянны и действенны, старец в делах Нов. Дома играл некую роль, – а также в „проектах" издательства (вне всякого Фохта, однако). Подтверждением, что старец являлся „во сне", служит, отчасти, и то, что оный старец оккультист и теософ. Сам же он реален, ибо я и Д.С. его помним, как на ладонке. Несомненно он, тот самый. Одна его дочь замужем в Праге, другая – собирается в монастырь и живет в Серг. под-

ворье /53/ (единственная женщина!) и только ждет, чтобы отец пристроился,.. в смысле женитьбы. Да, да, старче только и думает, на ком бы жениться. „Не привык быть один". Д.С. предположил, было, что он „нарочно", – ан нет, он и вправду. Пока, так как с Детер. дело терпит, а с Терап. тоже, „нет никакого бюро", – жениться еще не на ком и приспичила безработность, – старец „пробует" дело комиссионерское, по предложению отелям разных вин (знаток). Не составьте себе по всему этому ложного представления: старец – человек испытанный, порядочный, весьма известный, служивший в свое время царю и отечеству, а затем Деникину. Очень „уютный", (хотя бездарный). Видимся в café. Знает всех и все языки. (Ах! Гениальная мысль! Не женить ли его на Нине Петровской? Если Корабль распустит паруса, устроит „бюро", где место для старца обеспечено, – вот вам и новое счастье!)

То, что я вам намеревалась писать в предыд. письме – конечно, не эти глупости. Но сейчас у меня ничего на пере, кроме глупостей и гадостей. Поэтому – не лучше ли кончить? Хорошо, что ваша книжка не сейчас выходит и что мне, кроме Корабля, негде о ней писать: к тому времени, как она выйдет и наметится Корабль – надо надеяться, что я буду „светло смотреть на мир", а, главное, поумнею.

А „Россия" /54/ какая жвачка! Да, все хороши. А вы еще боитесь, чтобы я кому-нибудь глазки не сделала. Алданов выдумал анкету (конечно, известную вам). И, прося моего ответа, оговаривается, чтоб я „не думала", что это есть „участие в газете", ибо он „знает мое отношение к Керенскому". Как же он не знает моего отношения к теме анкеты? Выпишу из Зел. Лампы и пошлю.

Как я вам сообщала – П. Нов. в восторге от ухода неудобных стариков и твердо решили „омолодиться". Известно, что после процесса омоложения уже некогда различать: где Маша – та и наша. Это и заметно у П.Н.: ждут от Нины, получают от Галины и одинаково сияют: какая у нас Галининочка! Еще будет Иригалининочка.

А между тем Галинины творения замечательны: Зина ли, Рина ли героиня зовется, – ничего она не делает, ни порошинки, а все с ней делает „неведомая сила", которая à son insu, „влечет ее в неведомую даль", Бог знает, на какие дела...

Но довольно! довольно! Иначе я дойду до Бердяева, засыпанного цветами гимназисток в Варшаве. До Вениамина /55/, посланного Сергием для отнятия власти у Евлогия. До Савинкова, по собственной глупости, как выяснено, *убитого* б-ками... До Фриды /56/, которая паразитарно присасывается к писателям... До Мамченки, наконец, который... но тут уж несказанно.

Да, все шло мирно-тихо, пока вы тут жили, все розовело закатными цветами, все „обещало"... А теперь, хотя здесь все тоже неизбытное солнце, ни на один день не умолкающее, я раскислилась, будто не вы, а я лежу в бронхите с банками... Но вы уже здоровы, однако?

Вот что значит привыкнуть к погоде рая...

Жду от вас новостей – о людях и о космосе. Приедем скоро... но зачем?

A vous, З. Гиппиус

16 окт. 27
Villa Tranquille
Le Cannet A.M.

Я всегда так и думала, дорогой Владислав Фелицианович, что вы меня „очень любите", а вот по вашему письму последнему судя, – будто и не „очень". Но это на сторонний взгляд; я, конечно, проницательнее и „смотрю в корень". Вас раздражила минута моего „дамского настроения" потому, что и вам подобные минуты не чужды. Но вы, кроме того, человек подозрительный; получи я от вас столь капризное письмо – да мне бы и в голову не пришло, что „послать к черту" в какой-нибудь, самомалейшей, степени относится и ко мне; а вам пришло. Я вам не Белый; я человек верный; со мной заботиться о верности не стоит, во всяком случае больше стоит о своей, чем о моей. Попросите лучше у меня извинения, и помиримся. А я обещаю вперед не „вываливать" перед вами, не подумав, всякие мои „настроения".

Уходить „в частную жизнь" вам не придется. Это мечта, которая и Александру 1 не удалась. Если мораль по боку – так, откровенно говоря, в „частной жизни" вы бы соскучились (и я). А усталость... все равно, до смерти никак не отдохнешь. Смотрю, значит, трезво и радуюсь, что и мораль мне тоже говорит. Вот как в „несчастной" жизни вертеться – это, конечно, другой вопрос, и совсем особый.

Я не очень забочусь об уме Терапиано; что он, кажется, мямля – это сейчас более тревожно. О Савинкове же я написала про „глупость" потому, что глупость его оказалась в особо „выдающемся роде", заняла первое место; но без подлости она бы его не погубила, и в хронологическом порядке подлость была первее. Он *согласился* с б-ками, будучи заграницей, условился, что на границе будет арест, затем инсценированный суд (обвинительный акт был написан заранее и все это оборудовали в 2 дня), затем, после покаяния и „показаний", он будет принят „на лоно"... Глупость же, вопиющая, что С. этому „лону" и прочему – *поверил*... Когда он им надоел, они его отравили и выбросили в окошко. И *не могли* не сделать так, – о чем всякий бы догадался заранее, а Сав. не догадался.

Кстати, читали вы сегодняшний № России? Очень волнующий. Какое – буквальное – разложение „человеков". Пожалуй, уже нельзя „узнавать" людей сейчас. Как его узнаешь, когда он сам себя не знает; не знает утром, за кого будет вечером и кого предаст кому. Бесформенное нечто, вместо человека, просто слизь в пальцах скользящая... Но ничего. В эту слизь превращаются и сами боль-ки, ускоренным темпом. Размажутся – кто-нибудь останется...

Вы мне на целую кучу вопросов не ответили, заворожившись моим „настроением". Но не беда; в следующем письме я вам задам ряд дополнительных. Пока лишь один: не знаете ли, как Звено хочет „выявить свой лик?" И почему оно заволновалось? Не нашему ли паруснику позавидовало? А вот новость: приехал Буткевич и заработал у Крамарова. Не видала его, хочу посмотреть. Или лучше не смотреть?

Ну, теперь я посмотрю, как вы меня „любите". Т.е. как вы мне ответите. А „в корень"-то я, конечно, глядеть не перестану, хотя бы вы и не сразу перестали капризничать.

Ваша З. Гиппиус.

Маковский нам не писал, а Семенов. Мы ему уже ответили.

10/26/27
v. Tranquille
Le Cannet A.M.

Милый Владислав Фелицианович.

Первым моим движением (внутренним, конечно), совершенно естественным, когда я прочитала Талина, – было кинуться в бой. Не столько думалось о защите „М" /57/ (обидишь ли его, – он и сам может всякого обидеть), сколько о неведомой „правде-справедливости", ради которой его повелительный долг набить посильно морду всякому, кому она неведома. Это долг во мне крайне живуч. И вот... я этого долга не исполнила. Прямо говорю, и предлогов не ищу, не исполнила без предлогов, а по обыкновенной физической невозможности, о которой мне доложил разум. В альбом, что-ли, на память записать, да застежками застегнуть? Больше, ведь некуда же. Я в *самом деле* нахожусь с заткнутым ртом. В Возр. такой штучкой не начинать же. Да там дело „М" дать отповедь, какую должно. Корабль наш недалеко уехал; кажется, и набранный груз потопил; да и в хорошем случае – была бы после ужина горчица!

Жду, что вы скажете вы (неужели так оставите?), но что бы

вы ни сказали – мой-то долг остался неисполненным!

Пошло какое-то огульное, сплошное „соглашательство", по всей линии, даже по всем линиям. Но столь абсурдное, что даже нет возмущения, а какое-то тихое равнодушие. Кускова так Кускова. Ее даже бить неохота. Евлогий под сурдинку варит кашу с духовенством, многих уже обработал, а насчет паствы... считает, что ее дело помалкивать в тряпочку. Да, кажется, большинство так за ним и пойдет: „ен знает, а мы что?" Факт, в общем, таков: если ты „непримирим" – ты за „реставрацию и интервенцию". Если же не за реставрацию – значит, должен быть примирим. Так-с. Понятно, что таким, как мне – не оказывается на земле места. Хоть убирайся с нее совсем.

После поездки в Ниццу я все нездорова. Не то инфлуэнца, не то просто жар. Посреди дня чувствую себя „не собой" и, точно кошка в моем рассказе, – „нигде". Реализую мое литературное положение. Глотаю хину, аспирин, и ничего. Ввиду этой моей болезни не могу выходить вечером, ранее заката запираюсь в комнате. А погода – сияющая, дракон даже надоел, точно печка. Зато едва скроется – холод. Наши „отбросы" не узнать: клумбы, газон, цветут мандарины и мимозы, воздвигается решетка. Володя работает, как последний пролетариат. Настроение у него черное: Терап. молчит, – по выражению покойного Андреевского, – „как проклятый". А что, Владислав Фелицианович, если нам с вами пойти в соглашатели? Или в монархисты? Или такой „постанов вопроса" сделать: с кем душевно и телесно соединиться, до последней капельки, – с Семеновым или с Кусковой? С Антонием + Крупенский, или с Евлогием + Слоним? /58/ Не добро человеку быть одному...

Ввиду моей лихорадки прекращаю сие письмо. Утешьте меня вашим ответом. В самой неутешительности писем ваших есть некое утешение.

A vous, З. Гиппиус

Так и не видела еще Буткевича, благодаря моей болезни. Но говорят – он дик, держится одиночкой и всех „презирает" (работу тоже). В Грассе ныне лишь муж, жена и „она" /59/. Рощин поступил секретарем в Штерновский „очаг" и уехал.

9 ноября 27
Le Cannet
V. Tranquille

Дорогой Владислав Фелицианович.

Вас, последнее время, „аккапарировал" Д.С., что как-то изничтожило нашу с вами переписку. Ну да ей все равно подошел предел. Мы надеемся быть в П. в начале будущей недели. И затем, не теряя часа, „приступить к действиям". Что из этого приступления выйдет – другой вопрос – или вопросы.

По слухам – жизнь „Возрожд." в опасности. За что купила – за то продаю: говорят, что Г. пришел в злобное настроение разрушителя, ибо „все его покинули"; говорят еще, что и внутри завелись Сталин-Троцкий, в виде Семенова-Маковского; говорят ли, или врут, как зеленые лошади. Как ни как, но пока жизнь эта существует, надо поспешить с сжиганием *всех* кораблей, персональных, и что-нибудь „успеть".

Бесстыдство (или наивность?) Керенского меня точно ударила. Как раз тут – я просматривала переписку моего дневника, когда он „стоял у часов истории"... Уж лучше бы он отстаивал Рок! Я забурлила, как молоко на газе, но... куда идти? „Руками слабыми – кого хватать?" Не писать же мне „частное письмо" болвану? Я думаю не давать „Дневник" Илюше /60/. Будет гиблое дело. Его, И-шу, я пропущу и так, но Керенского, будь он хоть разжив, не имею права. Но, перечитывая, я стала сомневаться: уж дерзнет ли и Гукасов? И Семенов? И, знаете, прибегаю к вам: возьмите *вы* целиком экземпляр, без пропусков даже несомненных, и пожертвуйте своим временем: прочтите – и дайте мне самый практический совет, только не гиблый. Сейчас этот дневник меня прямо стал душить.

Положим, и масса тем для статей тоже. Бердяев как вам нравится с Евлогием, „насилуемым паствой"? Но кончаю; до скорейшего свидания.

Toujours à vous З. Гиппиус

Вторник, какое-то (13-го) марта 28,
Париж

Дорогой Владислав Фелицианович.

Во-первых, приходите к нам в пятницу обедать с „потòм" (а иначе все мало времени), а во-вторых, – я пишу это письмо. Я нисколько не поняла то, что вы просили Володю мне передать. Может

быть оттого, что Володя не Владимир, но скорее Петр-камень, и ничего толком не скажет, а может быть и от моей природной тупости в некоторых отношениях. Вы ее уже заметили, да я и не скрываю. Вдруг понимаю – и вдруг ничего не понимаю. Вы сказали, что уходите из Зел. Лампы, пот. что Г. Ив. общественно дефективная личность. Я ответила (по совести), что этого не знаю, просто не знаю, – ну как не знаю отношений между Б. и Г-ой /61/, – но притом еще страшно, до ужаса, этим не интересуюсь. Так я ответила относительно себя, *точно* для данного момента, и больше ничего. После этого, оказывается, что хоть в З.Л. вы остаетесь, но на меня страшно обижены. Если за мое чего-то непонимание, – то, клянусь вам, это уже от Бога, моя тупость, и люди в ней неповинны. Как бы я ни старалась (но не стараюсь, в этом признаюсь) влезть в душу Г.И. и понять, почему он должен сердиться, что вы похвалили Оцупа (которого вы даже и не очень-то похвалили) – не пойму! И еще массы, чувствую, не пойму; буду жить, как Иванушка-дурачок, с долей которого я уже примирилась. Это не смиренье паче гордости, т.к. я сию долю не целиком же принимаю, а лишь отчасти. Кроме того, и тут, при терпеливом ко мне отношении, я не все – но кое-что понять могу. Если же вы будете бесловно обижаться – какая польза?

Теперь я вам скажу, по самой чистейшей совести, не обиду *свою*, а огорчение, и *не вами*, а тем, что у нас с вами (или между нами) происходит. Происходит же то, что вы нам (ни мы вам) ни в каких „делах рук" и вообще в здешней „юдоли", не помогаете; и от этого что-то объективно теряется. Говорю, конечно, о всех нас сейчас не как о „сотрудниках", а как о „людях". Личная связь – ценная вещь; но она не прочна, и не потому, что люди могут поссориться; могут и *не* поссориться, но мелочи жизни, которые у личных симпатий на побегушках не состоят, просто фактически могут их, этих людей, разделить. Мелочи жизни подчиняются тогда, когда меж людей появляется третье, точка общего „интересованья", (помимо и вне интересованья друг другом). А эти самые „мелочи", когда они бунтуют, не подчиняются, – весьма победительны.

С известной точки зрения (и я могу на нее стать) мы делаем, хотя бы с Зел. Л., со всеми этими „жидовскими" и другими „вопросами", – полную чепуху. И разговоры за зеленой скатертью, у нас, и все наши заседатели (о публике бурбонской уже не говорю) – все чепуха. Я, конечно, хочу „того, чего нет на свете", но... хочу и что есть, раз того нет. Но вы-то... Мне мешают, не могу кончить письма, но м.б. и не нужно; вы и так поймете, в чем наше огорчение, и почему данное внешнее положение нам кажется внутренне ненормальным. Мы, т.е. я, Д.С. и вы меньше друг другу пригождаемся, чем *могли бы.* И чем, м.б., нам „предписано". Насчет того, в каких говорю „плоскостях" (но не отвлеченых, все-таки), считаю лишним распростра-

няться.

Итак – до пятницы?

Ваша З.Г.

Четверг (28)

Да, вот это-ли еще не дефективная личность! (см. приложение). Все у меня спер, подло искалечив! „Как-будто в дьявольское зеркало взглянула я..." Утешайтесь, что вместе с вами оно исковеркало и меня.

Ну, а что вы уж так „хороши" – это еще вопрос. Сами же признаетесь, что в случае с Горьким я приводила факты: сидел в английском посольстве, принимал там краденое, почетный член Совдепа и т.д. И не в „неверии" было дело (что тут вера, когда факты на лицо), а „крррасота". Вы же даже и *мне одной* никаких *общественных* фактов насчет Г.И. не приводили, а лишь ваши впечатления, которым я вполне *верю*, но не имею моста, чтобы от этой веры перейти к действию общественному: т.е. чтобы такие действия никакой печати личной не носили. Что касается „крррасоты", то принципиально, теоретически, я не согласна, чтобы таковая первой дефективной личности не стоила плевка второй. Практически же, вы отлично знаете, что в данном случае мне на все кррасоты обоих – в высокой степени наплевать. Не считается!!

A demain

Toujours à vous

З. Г.

А впрочем... впрочем, я письмо предыдущее писала вам в несколько „другом плане".

12 апр. 1928 /62/
Paris

Дорогой Владислав Фелицианович, сегодня узнала, что вы вернулись и пишу вам, наконец, письмо, которое написать уже хотела давно. Сказать вам, как меня поразило ваше отношение к моей статье. Поразило, прежде всего, *неожиданностью*, да такой, что она уже

не давала места никаким другим чувствам. Течение времени не помогло мне: я и о сю пору не могу взглянуть на злочастную фразу вашими глазами, увидеть ее „злочастность". Природная неспособность, значит. Прикидывала и на свою вину: бывает, ведь, что хочешь сказать одно, а выходит другое... Но тут я и этого, если по совести, не вижу. Поэтому я, для себя, принуждена была выдумать лишь такое объяснение: вам что-то „вступило". Не под ту руку попало. Это со всяким бывает. Очень досадно, но если „вступило", то и „расступит". Может быть, уж расступило? Как бы я была рада.

Все же надо считаться, что все мы теперь особливо подвержены таким „вступленьям"; и считаться с этим следует мне. Но как? Я *не могу* их угадать, они всегда неожиданность, всегда снег на голову. Вижу – для себя – единое средство: воздержаться от всяких литературных критик. Кстати, мне это воздержание не так уж и трудно...

Вам-то, может быть, покажется, или показалось, что „вступило" – мне; но уж мы все равно не разберемся, и я только откровенно изъясняю мою психологию, а больше ни на что не претендую. Прибавлю еще, что буквально ни один человек не взглянул на данные строки *вашими* глазами, – тем натуральнее мне было поразиться неожиданностью.

Напишите, когда мы увидимся, если уже мой „грех" перед вами перестал вам казаться „смертным".

Ваша З. Гиппиус.

P.S. Объявляю вам новость: „Зеленая Лампа", – т.е. ее правление, – разрушилось: я из него ушла, за мною другие, и если сама Лампа, по инерции, продолжает существовать, то пока в „беспризорном" виде. Что дальше – сейчас еще не определено.

3/13/28
Paris

Дорогой Владислав Фелицианович.

Именно в понедельник я не могу, ибо у меня сеанс Ив. Ив-ча, после которого „прогулки" запрещены.

А затем – нам уж, видно, судьба все время „поражать" друг друга. В вашем письме для меня очень много нового. Мне никак не приходило в голову, что вы взяли на себя заботу быть моим общим цензором в „Возр."; до такой степени не приходило, что я, увидав отсутствие известного абзаца, *ни малейшим образом вас не касающегося,* сделала немедленный запрос Маковскому: чей это „карандаш" ша-

лит в редакции? И просила пояснить, что cela ne se fait pas, что единственный раз, когда карандаш Милюкова коснулся моей статьи, мне было предложено или взять статью обратно, или изменить данное место. А без предупреждения это *не делается.* На это я получила тысячу заверений, что абзац выпал по недосмотру *типографии.*

Ваше письмо, как видите, открыло передо мной горизонты опять неизвестные; тут я, действительно, не была „в курсе дела". Когда Маковский приезжал ко мне с корректурой и с известием, что вы обиделись на данные два слова, я, не понимая вашей психологии, но принимая ее, как факт, пожала плечами и сказала: да выпустите, больше ничего (хотя этот пропуск, с точками, показался мне, и до сих пор кажется, гораздо хуже, чем мое упоминание о „современности", которая продолжает мне „казаться" в разные моменты по разному). Но относительно „абзаца" Маковский *ни слова* не сказал, предчувствуя, должно быть, что тут я уж совершенно ничего не пойму, никак...

Я верю, дорогой Владислав Фелицианович, что заботы ваши обо мне искренни, но все же не хотелось бы блуждать в темноте, не зная, откуда и когда явится ваш, меня ограждающий, карандаш. И свои „улыбки" я уж давно привыкла раздавать по собственному разумению. Если мое разумение не подходит той или другой редакции – ее дело от него, вместе со мной, отказаться.

Второе „новое", что я узнала из вашего письма, это что вы ушли из Зел. Лампы. Когда же это? Меня вы об этом не извещали. Я объявила о своем уходе 4-го апреля, вас известила, когда узнала, что вы приехали, а Мих. О-чу /63/ послала письмо, даже не зная о его возвращении, на всякий случай. Перед вашим отъездом же вы мне как раз писали, что из З. Л. вы „*не* уходите".

„Юридические" тонкости от меня ускользают, но в последовательности времени мой уход был первым, и этим я ограничиваюсь пока.

Еще раз – жалею, что так неудачно вышло с понедельником. Целую Нину.

Ваша З. Гиппиус

10/26/28
Villa Tranquille
Le Cannet (A.M.)

Amis...
впрочем, я не знаю, уж amis-ли, ami-ли после такого долгого гробового промежутка времени? (Вопрос относится не ко мне, где вопроса нет). Ну, как бы то ни было, я не буду тратить времени сейчас на экспозированье „смягчающих обстоятельств", а прямо к сутям возьму курс. Сначала – т.к. ничего о вас давным давно не слышала (как и вы о нас, кроме, м.б., чепухи) – вопрос: что вы? Где вы? О чем вы? вообще и в частностях. Затем, предполагая, что и вы поставите мне кое-какие вопросы, отвечаю на некоторые: в поездке не раскаиваюсь, хотя самые реальные ее последствия – это последствия моей загребской инфлуэнцы, от которых пока ни солнце, ни аспирин, ни теокол, ни серебро, ни иод меня еще не избавили. И как-то избавления не видно, хотя жду его каждый день (точно большевики, – сидят!). Но уж очень много было в этом путешествии поучительного. Масса неожиданного, даже „совсем наоборот"; информацию можно было, для умеющего получать; получить весьма полезную. Но здесь ее передать невозможно, Париж и Белград на двух разных планетах, без сообщения, притом.

Было и „ожиданное", или, точнее, „предвиденное"... вами. Я не раз к вам тут мысленно возвращалась. У сербов к „делам" совсем какое-то свое, особое, отношение (другая планета!) Делают они для русских очень много, но точно не совсем то (с нашей точки зрения), что надо, не совсем для тех, для кого надо, и совсем не в том темпе, как надо. Я еще не докопалась до настоящих определений и еще не улавливаю до конца, в чем они смахивают на наших достойных соотечественников (смахивают!), в чем сильно разнятся. И беспечны, и хитры; и ласковы – и ускользающи. Не скупы, но как-то „туги"; на вид широки, но... „без жеста" (в хорошем смысле). Иногда, ведь, в „жесте" заключена мудрость момента...

Но это долгие рассуждения, ничего вам, кстати, не могущие дать, конкретности же (отсюда вытекающие) весьма малых размеров. Почти что и нет их. Мы до седьмого пота старались – разрушали Струве; успели, (материально от этого разрушения не страдает), но успели тем самым и разрушить, на ближайшее время во всяк. случае, – журнал. Тогда в тумане поднялась газета; поднялась – но в тумане и осталась. Издательство... вырос какой-то стебель – боком; куда он завьется – ничего не могу сказать.

Словом – синицы ни перышка, одни, как говорится, „ивиковы журавли". Особенно я: приехала без единой насущной выгоды и без

перспектив даже. Но я утешаюсь всей забавой, которую получила, оперетками, анекдотами, которые видела, ну – информацией новой тоже, конечно. Люблю смотреть. Хорошо, Евлогий, – но интересно на минутку увидать и Досифея /64/. И даже древние призраки русских, – вроде Немировича, в 84 года отправившегося, на наших глазах, *верхом* в Македонию. А легкость воздуха этой страны! Демократична – до мужичества, а коммунисты там „вне закона".

Но довольно. Отсюда, из Франции, все это так далеко, что и мне уж, как сон. В общем – да, захолустье, но отнюдь не большее, чем наше парнусское, настаиваю на этом, а, пожалуй, меньшее. Или такое *другое,* такие разные захолустья, что и рядом их поставить нельзя. Нашим – так меня сразу и охватило, а еще издали...

Возвращаюсь к началу, прошу вестей что вы, как вы и т.д. Если вы, почему-нибудь, не в настроении со мной общаться („чужое сердце – мир чужой..."), пусть Нина мне напишет, она добренькая. Ах, как бы она смеялась над белградскими „поэтессами"! Я же, убеленная годами, была к ним снисходительна (впрочем, никого почти не принимала).

Привет вам от нас обоих (от Злобина особо) – мои объятия Нине.

Что день грядущий нам готовит – в смысле печати? Хоть бы паршивая лавочка Возр. лопнула!

Toujours à vous
Z. Hippius

С-ры /65/ тихой сапой лезут из Праги (где они надоели) в Белград. „Нов. Вр." – закрывается.

9 дек. 28
11-bis Av. du Col. Bonnet
Paris 16e

Дорогой Владислав Фелицианович.

Вот именно: „ясно, просто и отчетливо" во всем, в изъяснении тоже. Я сызмальства к этому стремлюсь. Поскольку вы достигли – приветствую и завидую.

Я уж не помню, что писала вам в „древнем" письме. Должно быть, оно произвело на вас впечатление „интриги" против Струве. Но нам-то казалось, что мы действуем „по совести", а т.к. не берем журнал на себя, то и бескорыстно. М.б., впрочем, объективная правда и на вашей стороне. Одна поправка: *где* же это „идейно" бороться

с „идеями" Струве? В этом же самом журнале, или как вы думали? Кстати, у него уже есть газета; но идейно опять-таки негде „бороться" (если это вообще нужно).

Ну, Югославия это такое „тридесятое царство", что отсюда вам ничего не видно, да и мне уж почти: здесь сразу память отшибает, тутошним заваливает.

Я не ответила Нине на письмо, которое так блестяще, сразу, ввело меня (умственно) в парижскую атмосферу, – по причинам физическим. Дача наша оказалась „с вывалом". Пришли англичане, вынули фунтишки и потребовали выехать через 3 дня. А я в это время в жару. Чуть не на коленях вымолили остаться еще 3 дня. Провели их в умопомрачительной суете. И не опомнились, как очутились здесь, в еще худшей, ибо грязной квартире вверх дном. Я – с резкими остатками моей простуды, а дно не хочет идти вниз до сих пор. Никого еще не видали и питаемся Нининой информацией. Да она свежа – по крайней мере насчет вашего самочувствия.

Нет, в самом деле, вы еще нездоровы? Дайте соответственную весть и самые „отчетливые" указания насчет ваших „диспозиций" видеть нас. Целую Нину, крайне и снова благодарю ее за письмо, им очень восхищался и Бунин. Приветы!

З. Гиппиус

Д.С. вырезал ваш фельетон о Тютчеве.

12/12/28
Paris

Очень забавно. Почти „спортивно". Едва мы с вами вздумали „изъясняться просто и отчетливо", как тотчас обнаружилось, что люди до примитивности друг друга не понимают. Я ничего не понимаю: ни ваших утверждений, ни вашего „спора". Но прекрасно поняла, как вы не поняли даже... моих кавычек. Я-то их простодушно поставила к „идеям" (Струве), как к цитате из вас, а вы их усмотрели, как знак презрения к идеям (Струве? Или вообще? Я уж всего теперь ожидаю).

Нет, все поучительно. Я уж не надеюсь, в данном случае, изъясниться с удовлетворительными результатами, а потому, пока что, je laisse tomber нашу тему. Примите только ввиде фактической поправки, хоть на веру: *„взрывать"* Струве мы, если бы и думали, не могли. Белич *ничьих* влияний не признает. Мы могли только советовать ему избрать для журнала другого литер. редактора, – потому-то и

потому-то. И отлично были готовы, что в конце концов Белич поступит так, как сам сочтет нужным.

И поступит с журналом – и с другими делами.

Что касается нашего свидания, то и я эту неделю никуда не гожусь: все нездорова. Посмотрим, что будет дальше.

А письма на машинке – их гораздо приятнее читать; вероятно, писать тоже; их только хранить нет заботы, как все, что не "fait a la main".

Итак – до буд. недели. Выберите сами день, мы живем вдали от „света".

Ваша З. Гиппиус

6/14/29
Paris

Дорогой Владислав Фелицианович.

Не могу уехать не простившись с вами хотя бы этим письмецом, раз уж злая моя судьба не позволила мне заглянуть к вам в эти дни. Эти дни – длинные – ознаменовались моей rechute, и если южное солнце меня не изжарит, то уж не на что надеяться.

Вообще, это была невкусная зима, для меня, по крайней мере. Одна из невкусностей – это то, что мы так редко видались, хотя жили куда ближе, чем раньше. Я понимаю, что тут много привходящих обстоятельств, кроме моей болезни, меня порядком онедвижевшей, но понимание не утешает, что вы сами знаете. Огорчало меня и то, что я с Ниной тоже не видалась, а встречаться нам было негде.

Радуюсь, что от многих моих невкусностей вы избавлены; не скрою, что в радость мою вмешана и зависть. Человек так устроен, что ничего не поделаешь. Когда вы, или Нина, вздумаете роптать на судьбу – вспомните меня, и тотчас вы утешитесь мыслью: „а мне – лучше". (Это тоже – так человек устроен). Вспомните, что вы здоровы и подвижны, что оба вы писатели, которые могут печататься и печатаются, хлеб зарабатывая, имеют журнал, имеют газету. C'est quelque chose! Я тоже была таким писателем, и перестала быть. Впрочем, и нога у меня еще недавно не болела...

Значит, утешайтесь, хоть немножко и не сердитесь, что я вам немножко завидую...

Поцелуйте от меня Нину; я очень жду ее романа, который она, верно кончила. Жду для собственного удовольствия только, ибо писать о нем, как сказано выше, негде. Тем же образом буду и Державина

вашего читать. Тут, должно быть, есть своя сладость, – читать „без мнения", а просто потому, что интересно.

Володя уже уехал, он просил вам передать от него "mille choses", а что „Нине Николаевне он целует ручки". Так же поступает с ней и Дм. С., который говорит, что вам бы он имел сказать много вещей интересных, но о которых в письме писать не следует. Ах, да мало ли о чем мы оба с вами поговорили бы, если б не „обстоятельства"! Как часто мне не хватает вашей мудрой (и справедливой) злости!

Если вам ляжет на душу как-нибудь мне написать – Villa Tranquille вам известна. Увы, боюсь, что нынче мы не встретимся в Café des Allées, прошлое лето вам не понравилось, это раз, да и Café разрушено, – два. Но будем верны, все-таки, нашей дружбе, хорошо?

A vous З. Гиппиус

7/12/29
Villa Tranquille
Le Cannet A.M.

Я не дождалась письма от Нины, дорогой Владислав Фелицианович, – и обиделась. Поэтому пишу вам, а не ей. Впрочем, несправедливо обижаться: где тут письма, когда повесть в 10 листов кончена, Вишняку отнесена, Вишняку понравилась... c'est quelque chose! А я ее, очевидно, и не прочту, – С.З. нам нынче даже не посылаются, покупать же их, помимо расхода, – стыдно... при такой дружбе с Илюшей! /66/ Впрочем, мы дружны, главным образом, на Ривьере, а теперь он в Париже.

Конечно, письмо писать – не разговор разговаривать; вы же знаете, – слово – воробей, а написанное – топором не вырубается и т.п. Хотя бы в вашем письме: туман, туман! И если б я спросила вас на чистоту, какие такие „старцы и юродивые окружают мой престол", кто именно старец, кто юродивый, – воображаю, как бы вы написали! (Я не спрашиваю, это к примеру).

И вместо „интересных" вещей (интерес их, впрочем, уж прокис немного) сообщаю вам самые невинные: каждый день, аккуратно вспоминаетесь вы. „Здесь все мне на память приводит былое..." и даже не прошлогоднее, а позапрошлогоднее. Ибо аллейное кафе не только существует, но существует именно по образу нашего с вами года: обрезанные в прошлом году деревья сильно разрослись, свежими зелеными шапками. И погода не ад прошлого года, а такая, что Д.С. говорит: если б мне предложили выдумать погоду – я бы

именно эту для себя выдумал. Нежная, ровная свежесть. (Мне, для моей ноги, которая почернела, но не прошла, даже хотелось бы пожарче. Впрочем, ей и так понемногу лучше). Мало того: ходит тот же одинокий „Зелинский", с трубочкой и с фунтиком, в известный час сидит на известной скамейке и смотрит в бинокль. И также, затем, „садящийся в трамвай – садится в кукушку", и ваша дача Eden высится (только среди *зеленого* сада, не выжженного). Перемена – в конце Croisette, в голубом, высится розовое палаццо (beach casino), точно Сиракузы или город-Леденец...

Вот и получается, что никак вас от этой картины не отодрать; и как-будто это были „дни молодости"!

Видите, как невинно и мило, – не правда ли? А парижские „интересы..." я уверена, что сейчас где-то в Париже (цитирую неверно)... пахнет шинелью. Там летом, по вечерам, часто пахнет „шинелью". Вы не замечали?

Впрочем, если признаться, я не так уж равнодушна ко всем парижским интересам, особенно в вашей передаче; и если б вы были так же милы, как я, вы бы мне кое-что любопытное написали. Я – чем богата, тем и рада...

Toujours à vous

З. Гиппиус

Ну, а здоровье? Вспоминаю вас таким приятно-здоровым, каким вы были в Cannet... „в дни молодости".

8/28/29
Villa Tranquille
Le Cannet (A.M.)

Где вы, дорогой Владислав Фелицианович? Неужели все в Париже? В это я не особенно верю. Пишу на удачу. Дано уж хотелось вам написать, да у меня все беды; и порою такие, которые решительно из всех колей могут выбить и отупить до невозможности держать перо в руках. Пока придешь в равновесие – не мало утекает недель...

Хотелось написать вам и после „Державина", и после вашей умной статьи о Бунине. Умной, доброй, искусной. Что он ею недоволен – зависит уже не от вас, а от него. Желала бы я, чтоб обо мне хоть в четверть кто-нибудь так написал! Но я, конечно, не пример, а уж для

Б. особенно. Я даже вообразить не могу *сейчас* статьи, которой он мог бы быть доволен.

И без всяких статей мы часто думаем о вас. Насколько противно было прошлое лето – настолько приятно нынешнее. Сегодня был чуть не первый жаркий день (и то не очень), а все время – погода, которую „выдумал бы" Д. Серг., если б ему предложили ее себе выдумать. И таинственный „Зелинский" с фунтиком, трубкой и биноклем ежедневно наслаждается на том же месте. А кроме знакомых лиц незнакомых – мы не видим никого, хотя „около" литература грульирует: Бунин с окружением, Зайцев, Тэффи и т.д.

О разумном переселении Нины из одного убежища в другое – я знала еще с весны. Так, по моему, и следовало. Я напишу ей, если узнаю, где вы сейчас обретаетесь, и что туда письма идут.

А пока – примите наши приветы, от каждого из нас (Злобина включая) индивидуальный. И пожелание здоровья, – это, ведь, очень важно!

Ваша З. Гиппиус

9/1/29
Villa Tranquille
Le Cannet (A.M.)

Дорогой Владислав Фелицианович.

Очень понимаю урок, который вы даете... не мне, А.Крайнему, скорее. И его ученикам, как Филос-ву, например (см. его статью о Переслегине). Ант. Крайний любит уроки (век живи, век учись!), а данный тем более, – он (не урок, но Ант. Кр.) сам уж давно об этом подумывал. На досуге, когда все равно сидишь, заключенный в клетку безмолвия, о чем не раздумаешься! Если б его выпустили, и если б он все-таки не исправился, то лишь от неуменья, а никак не отсутствия добрых намерений! В этом, и в способности слушать чужие справедливые слова, вы, пожалуйста, ему не отказывайте.

Затем – ряд „что касается". Прежде всего – вашего здоровья. Меня утешает, что вы тут вообще склонны к алармантности. Когда я вас вижу (в воображении) белым, живым и длинным на Croisette–не очень верится в „дребезги", а если и случится маленький дребезг – подклеится. И не думайте, что я могу не сочувствовать болезни: слишком свежо знаю, что это такое.

Что касается „Державина" – то я вам едко завидую; всегда завидовала этой способности отрыванья, открыванья живых черт

в куче всего, что навалило сверху время. Понимаю, какое это творчество. Но вот где я в дребезги неспособна. Фондам. предложил мне заняться так Влад. Соловьевым. Но я слишком знаю всегда, где у меня „кишка тонка" (такое знание считаю своим плюсом) – ну и с первого слова отказалась. Кто, однако, запретит мне завидовать другим, способным к работе, которая мне страшно бы нравилась, если б не была мне заказана?

Что касается вашего утверждения, что на юге работать нельзя, я сделаю поправку: юг не виноват, когда с человеком это бывает. Виновато что-нибудь другое. Будем справедливы к бедному югу!

А что касается моего романа, то я очень рада, что вы его не читаете. Он написан не для вас. И писан, как я вам говорила уже, *одновременно* с другим, с нарочито „Деревянной ногой" (которую я так и не успела кончить, но м.б. кончу, при подходящем настроении, – pour m'amuser).Если б не сложные горестные обстоятельства, я бы и не отдала его „в клочки", а м.б. даже и не в клочки. Пять лет покоилась „Дуничка" моя, – разве что для перевода я ее отдала, французам всякая низенькая, не развесистая, клюква полезна.

Что касается письма, пущенного „счастливой молодой Ниной" (есть такой роман), то я его своевременно получила; своевременно не ответила, но имею на то все прежние excuses. Напишу ей на днях.

Последнее „что касается" – Бунина. Если он доволен вашей статьей и сам вам об этом писал, то я, конечно, беру свои слова назад: я не так что-нибудь поняла. В общем же – не кажется ли вам, что довольно говорить о *„школе"* символизма? Было, и быльем поросло. Ну их к собакам, символистов старых, и московских, и петербургских! Что не с них началось и не с ними кончилось, а пребывает, это *принцип* символизма и несимволизма (описательства). Можно и другое слово найти, не „принцип", – но вы меня понимаете. Дело в прозрачности и непрозрачности мира, конечно. Как-будто не много, но, по размышлении, выходит порядочно, если прозрачность не брать, как пр*и*зрачность.

Но выздоравливайте, пожалуйста, и не лишайте меня, кстати, вашей благосклонности, – хотя бы ради малых моих претензий на непогрешимость.

З. Гиппиус

9/17/29
Villa Tranquille
Le Cannet A.M.

Дорогой Владислав Фелицианович.

Ваше письмо меня разутешило! Ах, „поделитесь с читателями", ведь жалко же погребать это все в частном письме! Конечно, кое что все-таки погребено будет, и должно, а кое-что профильтруется – для пользы человеческих голов... читательских, я хотела сказать (иногда они ослиные, что обманываться!)

Насчет же какой-то мудрой „умеренности" – я продолжаю настаивать. Вот, не попалась ли вам, например, статья Философова – „Сюсюканье"? Ничего не могу поделать, каждое слово – правда, (исключая „Титанов", но, верно, выпали кавычки) – однако *тон* всего этого, и сами слова, – таковы, что Ант. Крайний и от правды лучше бы отказался, чем это написать (он, положим, и прежде таких „бурениад" не писал никогда). „Критику", о котором статья написана, я говорила, даже писала (не для печати) много раз абсолютно то же самое, до мелочей; то же по существу, иной раз (и совсем недавно) *почти* теми же словами; а вот тут ясно, что бумага печатная выдерживает не все. Данный „критик", правда, передернул; но ответ Фил. на эту передержку (которую бумага вынесла) такого сорта, что, несмотря на всю верность, бумага не вынесла. Не очень-то легко разобраться, „где тут корень зла"; и очень, пожалуй, легко, убегая этого зла, попасть в члены „Общества взаимного обожания"; поэтому я отчасти радуюсь, что судьба вынула из рук моих критическое перо.

Относительно Степуна в смысле „аристократии" вы, конечно, правы; но для уверенного несбивания с пути-вех „аристократии" как-будто мало. Надо еще что-то. Ибо уже в вашем письме есть некая а-логичность, я усмотрела ее, как „прокравшуюся" опечатку. Вы указываете, что символисты, между прочим, и есть настоящие, единственные, аристократы („белая кость"). Степун – кость черная, да он и не символист, в лучшем случае – запоздало декадентствующий. Верно. Но... и Бунин, из-за которого весь наш разговор затеялся, по вашей статье, из-за которой тот же разговор пошел, – не символист, а даже „совсем напротив". Между тем опять и затеялся весь разговор из-за его, бунинской аристократии. Вывод, конечно, простой: если символисты – аристократы, еще не значит, что все аристократы – символисты. С этим не буду спорить; только подчеркиваю вышеуказанное мое смущение: этот признак не годится, или не всегда годится; как же ее, „аристократию", распознавать? Кто для современного Пушкина (toute proportion gardée), – Дмитриев, кто нет? По

каким причинам, разным или одинаковым, *нельзя* сказать печатно, что бунинские стихи лишены поэтической магичности – и *нельзя* обозвать Даманскую „старой курицей" (хотя она старая курица)? Знаю, что нельзя, но почему – не объясняю себе. Загадка, и хорошо, что я могу над ней подумать, никуда не торопясь...

Неужели вы так все в Париже, не уехали? А „ремонт", неужели вы за него не приметесь? Просто не верится, и о чем только думает Нина! (Если она не обиделась на мое письмо – поцелуйте ее, если обиделась – тоже). Мы снова погрузились в спокойствие никогоневиденья. Я, отрясши литературный прах (не зелен ли виноград?), принимаюсь за „Что делать эмиграции?" (черт ее знает, что ей делать, хорошо, что рядом со мной знают это Корченевский, Кочаровский и др.) Дм. С. посылает вам приветственный знак за „Гаврилиаду". И я. О, Антоний – это циник такого совершенства, что... вы его мало знаете.

Будьте же, наконец, здоровы! Если болезнь – вина (кто это говорил?), то покайтесь. Я каюсь все время. Немножко помогает.

A vous З. Гиппиус

9/26/29
Villa Tranquille
Le Cannet A.M.

Большой силой соблазна обладаете вы, дорогой Владислав Фелицианович. Читая ваше письмо, я чувствовала себя в полной власти всех ваших доводов. Впрочем и помимо „каптивантной" формы, по существу, по разуму, – признаем, что письмо ваше содержит много правды. Одно у меня только и находится возражение, или, пожалуй, соображенье (после уж явившееся) : тот, кто рисует (умеет нарисовать) данное *так*, всегда имеет за собой не менее яркий образ должного. Проще говоря, он, прогремев „покайтесь", тут же определяет, что именно надо делать для покаяния и для превращения данного в должное, указывает ходы и выходы к нему, обещает, *дает надежду*. Вы же соблазняете... в безвыходность. Вот, мол, как есть (да, да, очень скверно!), но так оно и будет. Т.е., если взять не малые, частные случаи, а перевести их в "en gros", то и будет, что „будет мука крестная, чем далее, тем тяжелей", причем только каждого „ждет кончина неизвестная у вечно запертых дверей". После этого что же делать еще? И – „мы падаем, толпа бессильная, бессильно веря в чудеса, а сверху, как плита могильная, глухие давят небеса..."

Отсюда-то я, сложным путем, и добираюсь до соображенья, что, м.б., и не так уж все верно в громе обличительности вашей; что грехи не так „смертны"; что как-то „считаться с обстоятельствами" нужно. Если (пусть даже по своей ошибке) завернула поганая наша дорога и уперлись мы в дверь скотного двора, то на что решаться? Вы предлагаете – бежать назад или, по одиночке, завалиться в ближние кусты; ну, а если рискнуть все же и *через* неблагоуханный двор?.. Можно платок к носу прижать, случаем подол запачкаешь – ничего, зато все-таки идешь; а среди нечистых пар – вдруг да еще случится там пара более чистых? Ведь бывает же! (редко, положим).

Да очень легко повеситься, поняв хорошенько, что мы, русские, сделали с нашим „исходом". Принадлежащие с какой-нибудь стороны к „сливкам" только более способны это понять (и повеситься), но не более виноваты; или, разве, чуть-чуть более: но *хороши все!* змий отчаянья здесь, в *этом* сознаньи, как раз и гнездится!

Видите, я от вашего соблазна не увертываюсь, откровенно иду навстречу; только все же заваливаться в кусты сегодня еще не решаюсь; не отвечаю за завтра.

Ох, как не отвечаю! (это не значит, что я буду себя одобрять). Весело, вы думаете, возиться мне со всякой дребеденью? Весело знать себя обреченной на созданье какой-то „Деревянной ноги", потому что без нее здешний „владыка" (и главный скотник) не позволит мне помочь „аристократии", оставшейся там? А я не так смышленна, как Тэффи, которая свою „поэзию" в прозе печатает одновременно (ту же самую, только под разными заглавиями) в двух газетах, у Ганфмана и у Гукасова. Я это не сумею устроить!

Да и другие невеселости кругом, скуки самые разнообразные – Бунин книгу мне свою не дал (специально), но дал Мак-му, и я ее посмотрела; да, ничего не попишешь: хуже, чем я, по памяти, воображала... хотя, опять говорю, согласна (и после вашего последнего письма – совершенно), что написать этого, по тактическим соображениям, *нельзя*.

Вот мы и пришли к „Тактике"! В конце концов, все мои возражения вам – пока в области тактики; но я пытаюсь, от тактики (вашей) идя, добраться и до другого. Если *такое* у нас разное в тактике („назад от скотного двора" и „через двор") – то у кого ошибка поглубже, – если ошибка есть?

Жду вашего Переслегина. А как же здоровье? Об этом (важном!) вы очень смутно.

Все приветы и самый горячий от полусоблазненной

З. Гиппиус

1 дек. 29
Villa Tranquille
Le Cannet A.M.

Сегодня первое декабря, дорогой Владислав Фелицианович, а ваше последнее письмо датировано 22-м октября. Согласитесь, что рекорд „непристойности" побила я. И какие уж извинения или объяснения могут быть при таком рекорде? Молчу и опускаю глаза.

Слухи о вашем здоровьи, новые, гораздо более приятны, чем то, что вы писали в этом старом, безответном, письме. Четвертый доктор, очевидно, победил. Что касается меня, то, хотя обстоятельства все против моего здоровья, есть одно, которое *за*, и оно борется с остальными: я научилась есть! Конечно, прикладывала и волю (иногда, ведь, от состояния душевного кусок в реальное горло нейдет), но работало и внешнее обстоятельство: у нас появилась новая „красавица" (старая вышла замуж) du pays, но нового фасона: прямо от американцев, с которыми побывала в Нью-Йорке, в Швейцарии, на всех курортах, болтает по-английски, каждый вечер в золотых туфлях ездит танцевать в Beach-Casino (куда мы от дороговизны ни разу носу не показали) и, при этом, готовит так, что Володя иногда, за столом, теряет сознание от чревоугодия, а Д.С. откровенно объедается. Ну, и я не могу устоять перед ее тортами, которых не ела ни у одного парижского конфизера. Мы даже Бельведер (только трех) позвали завтракать однажды, с большим успехом. Позовем, Бог даст, вас обедать в Париже (соответственно вашему режиму), и вы поймете, что я должна была подучиться есть. Результат – потолстение и нога, которая лишь изредка, перед дождем, поднимает голову.

После этих глупостей – два слова о вашем „данном" и „должном". Разве мы спорили о „данном"? Да нисколько. А насчет „должного"...конечно, и я не знаю, что нужно, чтоб оно было, и даже какое оно – знаю не очень определенно. Это вроде спора о большевиках. Они – данное; а что с этим данным делать... мельгуновцы говорят: бороться (хоть глупо), а милюковцы – ничего не делать, подождать, П.Н. издавать. Мельгуновцы – это я, милюковцы – это вы. Но утешьтесь: я (в нашем вопросе) как-то склоняюсь уж к неделанью, и все мне хочется длить наше пребывание здесь, в этой избе, которая с краю...

Здесь, ведь, и оголтелое черносотенство Возрождения меня не трогает. Примирилась с положением жены–содержанки и пишу лишь с благотворительными целями. Объективно, сила черносотенной болезни иногда внушает мне сострадание (как вам – беседа Кокто). До чего, например, могла довести реакционная злоба такого умного и честного человека, как бедный Муратов, до какого ослепления, до

каких предположений и слов о „худшем позоре", чем большевики (sic) , от которого „спас Россию" Керенский, разгромив тех, кто против б-ков хотел бороться! Что Мур. мог сказать обо мне – вы знаете как я к этому равнодушна лично, да еще в книге, где я „авторства" своего почти не чувствую; но смотреть, вот, на такое „превращение" человека под винными парами чистой „реакции" – невольно почувствуешь сострадание. С Сав. меня, конечно, не примирила (как Д.С.) даже его бесславная гибель; однако довольно самой заурядной тонкости, чтобы почувствовать в этой темной душе какую-то вечную человеческую трагедию. Лишь зловредные пары могут привести нормального человека в такое дурацкое состояние.

Кажется и „обратные" пары имеют то же свойство. К счастью для себя, обратники решили закрыть уста и глаза по отношению к этой книге. Я настоятельно просила Маковского постараться, чтобы в Возр. *ничего* не было о ней. А он и постарался! Впрочем, он, кажется, ничего там не может. Книга моя пойдет по „безгласным", там ей место. Пока – ее нет в продаже: издав ее так, что стыдно смотреть, не исправив, по моим корректурам, ни одной опечатки, Белград устыдился, однако, грандиозной, которую устроил в конце, и хочет перепечатывать весь последний лист всего издания! Требует назад все „дефективные" экземпляры. Кстати, оттого я и вам этой книги не прислала. Маковскому дала, пот. что он был у нас.

Д.С. в трансе, Атлантида его разрослась, а надо ехать в Париж. Если б не призывали туда финансовые дела (его, не мои!) , я бы протестовала и длила это уединенье. Но – force majeure, сами знаете!

На ваши статьи я всегда бросаюсь с надеждами (обыкновенно редко читаю Возр.) , но – не сердитесь – вашей „игры" там почти не нахожу. Ушла ла она в Державина? Но всей ей там не уместиться...

Однако, час поздний, жара у нас внизу ужасная (радиаторы) , и я должна кончать. Только утром сияющее солнце (да и то не всегда) , а дальше начинается форменная зима. Суровое море, голые платаны... и американцы с какими-то невиданными зверями на веревочках. Даже неприятно.

Если б у вас была не каменная душа, вы бы меня простили и утешили еще весточкой сюда. Раньше, чем недели через две, или дней через 10, мы все равно не приедем. Но, конечно, тут весь вопрос в материале души.

Сердечно вас приветствую я, а за мной и вся Транкилия.

Ваша З. Гиппиус

11 дек. 29
V. Tranqu. Le Cannet A.M.

Дорогой Владислав Фелицианович.

Это – чтобы, во-первых, подчеркнуть мое раскаяние в предыдущей неответности; во-вторых – чтобы предупредить вас о некоторой задержке (небольшой, но все-таки) нашего приезда; в-третьих – чтобы дать некоторые объяснения по поводу того, что вы называете „непристойностью".

История такова: когда у нас жил Маковский, я, сокрушаясь о себе и горя завистью к Тэффи, одновременно, и одно и то же печатающей в двух газетах, сказала как-то: да почему я не могу? Или почему не могу хоть старое, как Бунин, печатать? Мало ли у меня, – вот хоть стихи старые? Указать, конечно, год... Мак. за это схватился, и за старую книгу (единственный, в природе, экземпляр). Выбрал четыре, притом самые скверные (по-моему). Я запротестовала, но он стал уверять, что другие „слишком известны" (!), а так как, в конце концов, je n'y tiens pas, то я почти и не прочитала то, что Володя переписал, но *годы везде поставила.* Годы же – 1901, 1902... не выше. Запрос Мак-му, когда, при первом, год был вычеркнут – не помог. А потом я все забыла, и даже забыла, что какое-то стихотворение еще остается и *может* быть напечатано после статьи Муратова.

Мне давно уже „неприлично" сотрудничать в Возрождении, и я фактически там не участвую, и не хочу, и не буду участвовать. Но что Мак. этого не понимает – удивляться нечего. Я ему все писала весьма отчетливо; но ему, очевидно, нет времени читать частные письма. Надо художественный отдел „Чисел" устраивать...

Хотя все это не суть важно, но *с вами* „обясниться" мне захотелось. Другое дело, „что обо мне думает Муратов". Позвольте уж мне на это плевать, раз так моей душе угодно. Не оттого, что она сделана из материала, менее „нежного", чем ваша, но к Муратову она своими нежными сторонами как раз и не обращена. Вы уже испытали на Бунине, что иной раз некстати бывает нежные-то стороны обнажать...

Да, именно Зуров. Но как он может быть влюблен в Галину, когда она его ни сном, ни духом не знала?

Нину поцелуйте, и скажите, что она мне поставила вопрос: как говорится: „сказать *на* 10-ти строчках", или „*в* 10 строчках"?

Засим – до скорого (сравнительно) свиданья и merci, merci.

З. Гиппиус

20 мая 1930

Дорогой Владислав Фелицианович. Не скажете ли вы мне, – с той же прелестной ясностью, с какой написан ваш Державин, – поссорились вы со мной (с нами), или не поссорились? Если не поссорились, может быть просто „выпустили нас из рук", – мы так выпускаем листок объявления, сунутого на бульварах? То или другое – о причинах я не буду спрашивать, по бесполезности: в обоих случаях это остается тайной (поссорившегося или „выпустившего"). Но не причину, а факт всегда сказать, при доброй воле, можно.

Я, как вы знаете, не „ссорюсь" ни с кем, кроме редких случаев и причин особо-важных (и явных). Да и то происходит с моей стороны не „ссора", а просто взрыв моста. Но это, повторяю, исключительные случаи. Во всех остальных – я лишь „принимаю" ссору со мной другого, если ему почему-нибудь она кажется нужной (и пока такой кажется).

Приму, с огорчением, и вашу, когда вы мне определенно ответите „да, ссорюсь!" (или „да, выпускаю!"). С огорчением большим, ибо, говоря откровенно, vous me manquez beaucoup (и Нина, хотя оба – с разных сторон). Ценность этого признания (для меня) в том, что vous me manquez – „не для корысти, не для битв", а для чего-то, по всей вероятности, иного; должно быть – ни для чего, кроме вас самого.

Несмотря на это, я готова принять ваше ясное изъявление ссоры, ибо что же мне остается? и даже без лишних вопросов о тайне (причине). Вооружусь терпением и надеждой, что вы мне дадите знать, когда увидите, что причины ссориться нету, и тогда все опять будет хорошо.

Не отвечайте только ни два – ни полтора. Вот уж для этого наверно нет никаких причин! И если вы вовсе не думаете ссориться, и долгое наше друг друга невиденье – случайность, – то напишите сразу, когда увидимся.

Toujours à vous (et quand même)

З. Гиппиус

11 сент 31

11-bis Av. du Colonel Bonnet

Paris 16e

Дорогой Владислав Фелицианович.

Конечно, вы правы (насчет цензуры и редактуры), хотя лишь в принципе и для „вообще", а не для частного нашего эмигрантского положения; ибо когда здесь редактор что-нибудь вычеркивает, то, фактически, автор уже *нигде* это не может напечатать – и не печатает.

В двух же пунктах вы и совсем неправы; зная вас, думаю – не будете спорить.

Первый: в печати *не было* указано, что А.Крайний и я – одно лицо (с некоторых пор, ибо ранее это был сборный псевдоним). Все, конечно, знают, но у меня имелись причины желать, чтобы печатно об этом не говорилось, и так, до вас, это было.

Второй пункт – относительно моих частных писем, выкрадываемых большевиками из архивов живых и умерших лиц. Большевикам свойственно, конечно, их печатать, но я доселе не могу понять, как может пользоваться этим печать эмиграции, перепечатывать краденные чужие письма живых людей. „Возражения" тут были бы не у места, тут может быть, с моей стороны, лишь протест. Против самого факта... но *вы прекрасно знаете,* что такого протеста я нигде не могу напечатать, не могу даже заявить, что не печатаю его „по независящим обстоятельствам".

Если бы с вами стало случаться, систематически, что-нибудь подобное, вы бы, вероятно, протестовали, но это означало бы, что вы находитесь, случайно, в лучшем положении, чем я. Зная, что все мы под Богом (и под большевиками) ходим, я не поручусь, что и с вами какой-нибудь казус вроде не произойдет, а потому, когда будете отмечать эмигрантские нравы, вспомните, кстати, и mon cas... если к тому времени „цензура" к вам милостивого отношения не изменит.

А затем, пользуюсь случаем, чтобы выразить вам мои самые хорошие чувства – и к вам, и к тому, что вы пишете (какая тонкая и верная статья о Гумилеве!) и лишний раз пожалеть, что, без всякой вины перед вами,вы не хотите нас знать. Все жду и надеюсь, что это у вас пройдет.

Всегда ваша

З. Гиппиус

4/14/39
Париж

Дорогой Владислав Фелицианович.

У меня нет возможностей (физических) с вами полемизировать, вы знаете; да, признаться, нет и охоты: оттого ли, что этих возможностей нет, или оттого, что когда у одного „старшего" запирают газ, а у другого „полустаршего" описывают мебель, известная „мудрость" не позволяет спорить, – все равно! И я хочу лишь исправить маленькую несправедливость вашей последней фразы, что мне позволено сделать тоже только в частном письме (и что вы тоже знаете).

Не буду останавливаться на известном вам факте, что так называемая „молодая литература" многие годы собиралась у нас по воскресеньям, на полной свободе: кто не приходил – тот не хотел, а захотев, снова возвращался. Поплавский был из наиболее постоянных: за последний год он не пропустил ни одного воскресенья, даже летнего, ни последнего, почти накануне его смерти. Это, повторяю, вам должно быть известно, и вы, конечно, не нас разумели, подчеркивая общее, „равнодушно-презрительное" отношение старых к молодым (хотя кого, собственно? Щмелева? Бунина? Ремизова? Зайцева? Тэффи? Или... Даманскую?) – но вот маленькая информация, касающаяся вашей последней фразы – вечера Поплавского и Поплавского.

Мне очень хотелось написать о нем, и предложение Руднева меня обрадовало (где же еще?). Однако, хотя Руднев читал заметку у меня и „содержание оной одобрил", да и краткость, – он ее возвратил, потому что: он заказал ее, боясь, что статья Газданова окажется „неспокойной", моя послужит послесловием, но: первая оказалась спокойной, моя, значит, ненужной, две же статьи о Поп-ском уж „слишком". Кстати, несмотря на всю краткость, ее оказалось невозможным „втиснуть" в номер. Ну, чтож. Я намеревалась, все равно, использовать ее на вечере. Но к субботе длительный грипп мой *не* прошел, я еще не выходила, а потому послала заметку Фельзену, прося его от моего имени прочесть. И достаточно удивилась, в первую минуту, что Ф. этого не сделал. Почему? Потому, что вечер был, оказывается, „дифирамбический", моя же заметка была „не в тон", а кроме того и „места не было", слишком много говорящих. В конце концов, тот не виноват, кто не понимает, что сплошные восклицательные восхваления – плохая услуга, и что больше было бы любви, если б каждый

просто рассказал, какого Поплавского „видели его глаза", и что он в нем понял. Это и был „тон" моей заметки, дифирамбической по существу, а не по виду.

Вот и все, – информация, имея которую вы, вероятно, не сделали бы некоторых обобщений.

Мне жаль, что вы всегда так неясно пишете, как-будто под каждой фразой что-то еще разумеете. Почему не брать быка за рога, если и быка видите, и рога?

С лучшим пожеланием,

З. Гиппиус

8 мая 39

Дорогой Владислав Фелицианович.

Я давно слышу, что вы не здоровы; и давно... впрочем, еще „давнее" этих слухов, все хотела вам написать несколько слов, – просто слова привета, как товарищу по медленному погружению в какую-то яму забвения и misere noire. Мне, по крайней мере, казалось, что вам живется не легче нашего. Конечно, думалось – все-таки, ведь, пишете, книгу „Некрополь" издали, очень для меня интересную, но которую я, по недостатку средств, и прочесть не могу (я же, от бездействия, давно лишилась и способностей и гроша заработка). Но думалось это без зависти, ибо всякому своя планида, а скорее с радостью за вас. Ибо – постарайтесь верить! – я никогда старым друзьям не изменяю. Убедилась по опыту, что изменяют действительно (и необъяснимо) главным образом – женщины; достаточно от них пострадав, а сама изменять не умея, должна придти к выводу, что в меня попало какое-то лишнее „М"; ничего не поделаешь!

Важно ли то, в чем люди, как вы и я, бывают не согласны? Человек выше согласия, особенно униссона. Это я всегда помню. И вас помню, все хорошее помню, что между нами было. И желаю вам, чего желаю себе (значит, не плохого!) со всей горячностью моей дружбы.

Ваша З. Гиппиус

NOTES

1. The new journal's name is *Novyi Dom*.

2. Nikolai M. Bakhtin.

3. Merezhkovskii was working on his biography of Napoleon (*Napoleon*, Belgrade, 1929).

4. Gippius is inquiring about Berberova's Armenian friend, Virginie Pal'ian. According to Berberova, Gippius was always very interested in Berberova's female friends.

5. Osip.

6. Cf. footnote 4.

7. Ekaterina Mikhailovna Lopatina.

8. Freidenshtein (Fel'zen).

9. Georgii and Irina Ivanov.

10. *Ibid.*

11. Rennikov, journalist for *Vozrozhdenie*.

13. Bunins.

14. V. Zh. stands for "Vechnaia Zhenstvennost'." This poem is dedicated to Berberova. In 1938 Gippius included it in her book of verse, undated, without the dedication and under the title "The Eternal Feminine." Cf. Berberova, *The Italics are Mine*, p. 249.

15. Tsetlin.

16. Volodin's (Zlobin's).

17. Someone from Thorenc who saw Berberova there.

18. Vladimir Pozner.

19. Edouard Estonié, French writer (1862-1942).

20. Berberova, *Biankurskie prazdniki.* (A series of stories published in *Poslednie novosti.*)

21. A.P. Spolianskii, a humorist writer.

22. Hero of Osorgin's humoristic story.

23. These lines are misquoted from a poem by Berberova ("Bez zhenskoi nezhnosti...").

24. "Zhenstvennost'." "M." stands for the masculine element.

25. Reference to Prince Shakhovskoi and Prince Sviatopolk-Mirskii.

26. Boris Mirkin-Getsevich, collaborate of *Poslednie novosti*.

27. Aleksander Fedorovich Kerenskii.

28. Miliukov.

29. Andrei Belyi.

30. Ekaterina Peshkova, Gorkii's first wife.

31. A.N. Tolstoi.

32. bol'shevikov.

33. Seaux-Robinson, suburb to the south of Paris.

34. Gippius consistently refers to Portugeis as Portugeizis. She is making fun of him.

35. Soso, diminutive of Iosif, namely Stalin. Grishka is Zinoviev.

36. "Stray Dog." An artists' and poets' cabaret in St. Petersburg.

37. Hero of Stepun's novel. (Same title.)

38. Cf. footnote 36.

39. Nikolai V. Chaikovskii, S.-R.

40. Cf. footnote 34.

41. Marina Tsvetaeva and her "entourage," which Gippius hated.

42. Sologub's story. "...v bezbil'e" is a pun on "en déshabillé."

43. Possibly Iasinskii. Gippius's reference is unclear.

44. An article about Khodasevich's close friend Samuil Viktorovich Kissin (1885-1916), a young decadent poet.

45. Khodasevich's *Nekropol'*, a book of memoirs (Brussels, 1939).

46. Serafima Pavlovna, Remizov's wife.

47. Place Daumesnil (12th district, Paris). Berberova and Khodasevich lived nearby at 14 Rue Lamblardie, from the spring of 1926 to the fall of 1928.

48. Filosofov.

49. Gippius's reference to a German poet as well as her lines ("You nursed a cockroach...") are obviously her own invention.

50. Ixkull von Hildebrandt, baroness. An old acquaintance of the Merezhkovskiis from St. Petersburg. She lived in the "Dom iskusstv" (1921-22), and later in Paris. Died in 1927.

51. Gippius refers to G. Ivanov, who had a lisp. She ridicules him.

52. Russkii Ochag–an old Russian club. President: Sergei Fed. Shtern.

53. Sergevskoe podvor'e, a monastery in Paris, built in the 1920s. Attached to it was a theological seminary.

54. *Illiustrirovannaia Rossiia.*

55. Metropolitan, connected with the Moscow diocese.

56. Unidentified.

57. Possibly Merezhkovskii.

58. Gippius refers to the Russian Club and its president, Shtern. Semenov of *Vozrozhdenie*, Kuskova of *Poslednie novosti*, Antonii and Krupenskii were monarchists; Evlogii and Slonim were sympathizers with Moscow, so Gippius presumed.

59. Reference to the Bunins.

60. Fondaminskii.

61. Bunin and Galina Kuznetsova.

62. Gippius dated this letter incorrectly 3/10/28. The correct date is given by Khodasevich in the right-hand margin as 4/12/28.

63. Tsetlin.

64. Envoy sent from the Moscow diocese to put the emigre church "in line." He did not succeed. (Cf. Berberova, *The Italics Are Mine*, p. 556f.)

65. S.-R. (Socialist Revolutionaries).

66. Fondaminskii.

GALLICISMS USED BY GIPPIUS

debrouillard'nost'	debrouiller	capacity to make do, to get along
grul'iruet	grouiller	to team, swarm
hant'iruet	hanter	to haunt
Hein?		What? (Colloquialism)
Kannet	Le Cannet (A.M.)	
kaptivantnaia	captivante	captivating
mobili	mobiles	motivations
mustiki	moustiques	mosquitoes

Parnusskoe. Gippius coined a portmanteau word out of Montparnasse and "Russian." She wanted to imply a "Russian Parnassus."

poissard'ka	poissarde	fishwife; a vulgar, foulmouthed woman
radotazhi	radoter	babblings
remaliadka	remailler	a mended ladder in a stocking
tarami	tares	shortcomings, defects

NAMES OF PERSONS, PUBLICATIONS, AND MISCELLANEOUS REFERENCES

Adamovich, Georgii Viktorovich (1894-1972): Pseudonym Pengs. Acmeist. Critic. Friend of Gippius.

Akhmatova, Anna Andreevna: Pseudonym of A.A. Gorenko (1889-1965).

Aldanov, M. Pseudonym of Mark Aleksandrovich Landau (1886-1957). Emigre author of historical novels. One of the founders of *Novyi Zhurnal.* Contributor to *Chisla, Sovremennye Zapiski, Ill. Rossiia, Dni*, etc.

Al'tsiona: Publishing House in Moscow before the Revolution.

Andreev, Leonid Nikolaevich (1871-1919).

Annenskii, Innokentii Fedorovich (1856-1909).

Antonii (1863-1936): Metropolitan of Kiev and Galicia. Head of the "right wing" of the Russian Orthodox Church. His work on church history and philosophy was posthumously published in Canada and the U.S. in the late 1960s.

Artsybashev, Mikhail Petrovich (1878-1927): Writer. Collaborator of *Svoboda* in Warsaw.

Atlantida: Merezhkovskii's novel. (Cf. *Sovr. Zap.*, Nr. 41, 43.)

Bakunin, Mikhail Aleksandrovich (1814-1876).

Bal'mont, Konstantin Dmitrievich (1867-1942).

Bakhtin, Nikolai Mikhailovich (1895-1950): Philosopher and philologist.

Belgrad: The Yugoslav government organized a Congress in 1928 under the chairmanship of Prof. Belich. The "right wing" Russian publicists and writers were invited, i.e. to the right of Miliukov's *Posl. novosti.* The "right wing" were bickering among themselves and the Merezhkovskiis apparently carried on an overt intrigue against Pyotr Struve and some others. After the Congress, books by writers who participated in it were published in Belgrade, e.g. Gippius's diary of 1917-18 *(Siniia Kniga)*.

Belyi, Andrei: Pseudonym of Boris Nikolaevich Bugaev (1880-1934).

Belich, Aleksander I. (1876-1960): Chairman of the Serbian Academy of Sciences, member of St. Petersburg and Soviet Academies of Sciences, Professor at Belgrade University.

Bel'veder: The Bunins' villa at Grasse (A.M.).

Benediktov, M. Iu.: Pseud. of Berkhin. Journalist. One of the editors of *Poslednie novosti.*

Berberova, Nina Nikolaevna (1901-): Emigre writer. Published poems, translations of poems, criticism, and stories already in the 1920s. Novels: *Poslednie i pervye* (1930), *Povelitel'nitsa* (1932), *Bez zakata* (1938), *Mys Bur'.* Collection of stories: *Biankurskie prazdniki* (written in the 1930s), *Oblegchenie uchasti. Shest' povestei* (1949); biographies: *Chaikovskii* (1936), *Borodin* (1938). Later professor of Russian Literature at Princeton University, Yale University, Columbia University, University of Pennsylvania, and Bryn Mawr College.

Berdiaev, Nikolai Aleksandrovich (1874-1948).

Bessonov, D. An early Soviet dissenter. Author of *26 tiurem i pobeg iz Solovkov* (1928).

Blagonamerennyi: Short-lived literary magazine. Published in Brussels in 1926 (2 numbers). Editor: D.A. Shakhovskoi.

Blok, Aleksandr Aleksandrovich (1880-1921).

Briusov, Valerii Iakovlevich (1872-1924).

Bunin, Ivan Alekseevich (1870-1953): Received the Nobel Prize in 1933.

Burbonskaia: The "Green Lamp" met in a hall on Place du Palais Bourbon (7th district).

Bureniady: In reference to Viktor Petrovich Burenin, a reactionary journalist before 1917.

Burliuk, David Davidovich (1882-1967): Artist and poet. One of the first Russian Futurists. Lived in U.S.A. since 1922.

Butkevich, Boris Vasil'evich (189?-1931): Promising young emigre prose writer who came to France in 1928 via Shanghai.

"Bylo vremia, protsvetala . . .": Line from Pushkin's "Pir vo vremia chumy."

Chaikovskii, Nikolai Vasil'evich (1850-1926): Socialist-Revolutionary.

Chisla: Emigre magazine of literature and arts in Paris (1930-34). Editors: N. Otsup (and Mme. I.V. de Manciarli–for the first four issues). (Issues 1-10).

Cocteau, Jean (1889-1963): Cocteau liked to prattle about the Russian Revolution, poets and poetry. Khodasevich despised him.

Damanskaia, Augusta Fillipovna (1877-?): Minor Journalist. Translator. Emigre.

Demidov, Igor Platonovich (1873-1947): Journalist, Miliukov's assistant in editing *Poslednie Novosti.*

Denikin, Anton Ivanovich (1872-1947): General in White Army. Wrote memoirs.

Dereviannye nogi: Reference to the detective story "The Wooden Leg," one of many serialized in the Russian dailies (in translation from English mostly by Agatha Christie and Edgar Rice Burroughs). For Gippius it represented cheap, popular literature.

Deterding, N., Mrs.: Russian wife of the Dutch oil magnate. Gave money for many emigre projects.

Dni: Daily Newspaper. Chief Editor: A.F. Kerenskii. Literary editors: Aldanov and Khodasevich. Started as *Golos Rossii* in Prague (1922); transferred to Berlin and then to Paris. Closed in 1928.

Dzerzhinskii, Felix Edmundovich (1877-1926): Member of the Central Committee of the Bolshevik Party from August 1917 on. Head of the Cheka.

Efron, Sergei Iakovlevich (ca. 1892-1939): Husband of Marina Tsvetaeva; in the late thirties he was involved in the murder of Ignace Reiss.

Ehrenburg, Il'ia Grigorevich (1891-1967): 1936-1939 in Spain as correspondent of *Izvestiia.*

Engel'gardt, Baron Lev. E. Editor of *Noyi Korabl'* together with V. Zlobin and Iurii Terapiano.

"Esenin": Khodasevich's article on Esenin published in *Sov. Zap.*, v. 27.

Evangulov, Georgii (ca. 1900-): Minor emigre writer.

Evlogii: Metropolitan of Western Europe. (1868-1946).

Fel'zen, Iurii (1895-1943): Pseudonym of Nikolai Bernardovich Freidenshtein. Minor emigre writer.

Filosofov, Dmitrii Vladimirovich (1872-1940): Critic; friend of Merezhkovskiis. Editor of *Za Svobodu* (Warsaw).

Fokht, Vsevolod Borisovich (de Voght) (ca. 1895-ca. 1940): One of the editors of *Novyi Dom.* He organized a French-Russian studio where lectures and papers were read. (Paul Valery took part in it.) Later a priest in Jerusalem.

Fondaminskii, Il'ia Isidorovich (1870-1943): : Pseud. of Bunakov. Former S.-R. One of the editors of *Sovremennye Zapiski.*

Frank, Sem'en Liudvigovich (1877-1950): Russian philosopher. Collaborator of *Vekhi* (1909). Left Russia in 1922, died in England.

Freidenshtein: See Fel'zen.

Friche, Vladimir Maksimovich (1870-1929): Marxist historian and literary critic.

Ganfman, Maksim Ippolitovich (1873-1943): Member of the K-D party. Chief editor of the Riga daily *Segodnia.*

Gazdanov, Gaito (Georgii Ivanovich) (1903-1971): Novelist. With Osorgin, Slonim and Stepun, one of the originators of the argument about the existence of young emigre literature.

Gershenzon, Mikhail Osipovich (1869-1925): Literary historian and thinker; collaborator of *Vekhi.*

Ginger, Aleksandr Samsonovich (1897-1965): Minor poet, friend of D. Knut.

Gippius, Zinaida Nikolaevna (1869-1945).

Golos minuvshego: Journal of history and history of literature, published in Moscow 1913-23. Editors: S.P. Mel'gunov and V.I. Semevskii (1914-16). Collaborators who emigrated continued to publish it under the editorship of V.A. Miakotin, Mel'gunov, and E.A. Liackii in Berlin and Prague from 1923 to 1925 under the name *Na chuzhoi storone*, then in Paris (1926-28), and under the name *Golos minuvshego na chuzhoi storone* (Nos. 14-19). Editors: Mel'gunov, Miakotin, T. Polner.

Gorkii, Maksim: Pseudonym of Aleksei Maksimovich Peshkov (1868-1936).

Grzhebin, Zinovii Isaievich (1869-1929): Organized publishing house in Petrograd first in 1906, then in 1919 (with branches in Moscow, later in Berlin). At one time employed by the Soviet Commercial Mission.

Gukasov, Abram Osipovich (1875-1969): Owner of the paper *Vozrozhdenie.*

Gumilev, Nikolai Stepanovich (1886-1921): Organized "Tsekh poctov." Leader of Acmeist School. First husband of Anna Akhmatova.

"Gumilev": Khodasevich's article about Gumilev (1931. Repr. Petropolis, 1939).

Illiustrirovannaia Rossiia: Weekly emigre journal (Riga 1924-1934).

Irlandiia: Gippius's poem "O Irlandiia, okeannaia . . ." (1916). Gippius sent Blok the collection of her *Poslednie stikhi.* Blok responded to her poem to Ireland with his poem "Gippius" (June 1-6, 1918): "Zhenshchina, bezumnaia gordiachka" (*Sobr. Soch.*, v. 3, Moskva-Leningrad 1960, p. 372).

Iablonovskii, Sergei Viktorovich (1870-1953): A minor writer.

Iablonovskii, Aleksandr: A journalist collaborator in *Vozrozhdenie.*

Iasinskii, Ieronim Ieronimovich: Pseudonym: Maksim Belinskii (1850-1931). Writer, journalist. Communist Party member.

Iushkevich, Semen Solomonovich (1868-1927): Writer of Jewish stories, friend of M. Gorkii. Member of the literary group "Znanie." Contributor to *Illiustrirovannaia Rossiia* and *Poslednie novosti.*

Ivanov, Georgii Vladimirovich (1894-1958).

Ivanov, Viacheslav Ivanovich (1866-1949).

Kachorovskii, Karl Romanovich (1870-1930s?): A Socialist populist. Emigre. Published a brochure together with Gippius, *Chto delat' russkoi emigratsii?* (Paris, 1930).

Kannet (Kanet): Le Cannet. A suburb of Cannes on the Riviera where the Merezhkovskiis spent every summer, until 1925, renting the Villa Alba and afterwards renting the Villa Tranquille.

Karbasnikov: Publisher before 1917, and later in Paris.

Kartashev, A.V. (1875-1960): Religious writer.

Kerenskii, Aleksandr Fedorovich (1881-1970).

Khodasevich, Vladislav Felitsianovich (1886-1939): Russian emigre poet, biographer, essayist, translator, critic. Settled in Paris in 1925. Literary critic of *Dni, Poslednie novosti, Vozrozhdenie.* Collaborator of many other emigre periodicals. Books of poems: *Molodost'* (1908). *Schastlivyi Domik* (1914). *Putem Zerna* (1920). *Tiazhelaia Lira* (1922). *Sobranie stikhov* (1927). *Stati o russkoi poezii* (1922). *Nekropol'* (Memoirs, 1939). *Derzhavin* (1931), etc.

Knut, Dovid (1900-1955): Minor poet.

Kobiakov, Sergei Artem'evich (-1923): Belonged to the group of Ginger and Knut. Editor of *Ukhvat.*

Kocharovskii: Cf. Kachorovskii.

Kokto: Cf. Cocteau.

Kramarov: Emigre, not a literary figure. Acquaintance of the Merezhkovskiis and Zlobin on the Riviera.

Krasnaia Nov': A "thick" journal on literature, art and science, published in Moscow

from 1921 on. Editor: A.K. Voronskii (to 1927). Published works of fellow-travelers.

Kugel', Aleksandr Rafailovich (1864-1928): Theater critic before 1917. (For Gippius he represented verbosity.)

Kul'man, Nikolai Karlovich (1871-1940): Emigre professor.

Kuskova, Ekaterina Dmitrievna (1869-1958): Member, Miliukov-Cadet Party. Journalist.

Kuznetsova, Galina Nikolaevna (1900-1975): Poetess, writer.

Ladinskii, Antonin Petrovich (1896-1961): Emigre poet, novelist, officer in the White Army. Returned to the Soviet Union in 1948.

Lamblardie: 14 rue Lamblardie. Near Place Daumesnil. 12th district, Paris. Address of Berberova and Khodasevich from 1926 to 1928.

Leskov, Nikolai Semenovich (1831-1895).

Levinson, André Jakovlevich (1887-1933): Art and ballet critic.

Lopatina, Ekaterina Mikhailovna: Lady friend of V. Soloviev. Director of a home for convalescents in Biot (near Nice).

Lur'e (also Lourie), Arthur Sergeevich (1892-1966): Contributor to *Versty*. Composer and musicologist. Died in U.S.A.

Lutskii, Semen (ca. 1896-?): Minor poet, belonged to group of Knut and Ginger.

Makeev, Nikolai Vasilevich (1889-1975): Second husband of N.N. Berberova.

Makovskii, Sergei Konstantinovich (1877-1962): Editor of *Apollon*.

Mamchenko, Viktor Andreevich (1901-197?): Minor poet.

Mandel'shtam, Iurii Vladimirovich (1908-1943): Young emigre poet.

Mandel'shtam, Osip Emil'evich (1891-1938).

Manukhin, Ivan Ivanovich: Merezhkovskiis' physician in St. Petersburg and Paris. Close friend and physician of M. Gorkii.

Mel'gunov, Sergei Petrovich (1879-1956): Historian. Editor of the weekly journal *Bor'ba za Rossiiu*.

Men'shikov, Iakov Mikhailovich (1888-1953): Journalist.

Merezhkovskii, Dmitrii Sergeevich (1866-1941): Well-known writer, poet, essayist. Husband of Gippius.

Miakotin, Venedikt Aleksandrovich (1867-1937): Contributor to *Poslednie novosti*. A Socialist.

Miliukov, Pavel Nikolaevich (1859-1943): Historian. Minister of Foreign Affairs in Provisional Government. Emigrated in 1918.

Minor, Osip Solomonovich (1861-1932): S.-R. member. Contributor to *Volia Rossii*.

Miur i Meriliz (Muir & Merilees): Pre-revolutionary department store in Moscow.

Muratov, Pavel Pavlovich (1881-1950): Writer. Art historian. Emigrated in 1922. Contributor to *Sovr. zap.*, *Vesy*, *Starye gody*, etc.

"Neizvestnyi soldat": Reference to Kodasevich's poem "Dzhon Bottom."

Nekrasov, Nikolai Alekseevich (1821-1877).

Nemirovich-Danchenko, Vasilii Ivanovich (1844-1936): Writer, journalist, traveler. Brother of Vladimir I. (Director of Moscow Art Theater.)

Novoe Vremia: Russian emigre journal in Belgrade.

Novyi Dom: Later *Novyi Korabl'*. A magazine of the "young" in Paris in 1925-26. Editors: D. Knut, N.N. Berberova et al. Editors of *Nov. Kor:* V. Zlobin, Iu. Terapiano, Lev Engel'gardt.

Novyi Korabl': See *Novyi Dom*.

Odoevtseva, Irina Vladimirovna: Pseudonym of Iraida Gustavovna Geineke (1901-). Emigre poetess. Participated in "Tsekh poetov."

Osorgin, Mikhail A. Pseudonym of Mikhail Andreevich Iliin (1878-1942). Emigre journalist, critic, novelist.

Otsup, Georgii A. Pseudonym G. Raevskii (1897-1963). Brother of Nikolai. Poet.

Otsup, Nikolai Avdeevich (1894-1958): Emigre poet, member of "Tsekh poetov."

Pasternak, Boris Leonidovich (1890-1960).

Pereslegin: Stepun's novel *Nikolai Pereslegin*. (Gippius thought that Khodasevich would write a critical article about it, which he never did. Cf. Gippius's letter to Khodasevich, dated 9/26/29.)

Peskov, Georgii: Pseudonym of Deisha-Sionitskaia (ca. 1895-?). Pseudonym is a translation of "George Sand." Writer. Emigre.

Peterburg: This term referred to the financial help which Gippius, from time to time, extended to her two sisters who were still living in the Soviet Union.

Polner, Tikhon Ivanovich: Author of books on L. Tolstoi. Emigrated to Warsaw.

Poplavskii, Boris Iulianovich (1903-1935): Russian poet in exile. Contributed to *Chisla* and other literary journals in Paris.

Portugeis, Semen Osipovich: Pseudonyms: Stepan Ivanovich and V.I. Talin (1880-1944). Social-Democratic journalist.

Poslednie novosti: Emigre daily, published in Paris with P.N. Miliukov as chief editor. 1920-1940. Last issue: June 13, 1940.

Pozner, Vladimir Solomonovich (1905-): French writer. S.V: Father. Russian journalist.

Pravitel'stvennyi vestnik: Official Tsarist courier. Daily.

Put': Emigre journal in Paris in 1920s and 30s. Editor: N. Berdiaev.

Remizov, Aleksei Mikhailovich (1877-1957).

Rennikov, A. Pseudonym Andrei M. Selitrennikov (187?-1957): Journalist for *Vozrozhdenie*.

Reznikov, Daniil: Young writer.

Roshchin, Nikolai Iakovlevich: Pseudonym of Nikolai Iakovlevich Fedorov (ca. 1895-?). Former White officer, became Communist, returned to Soviet Union. Writer.

Rozanov, Vasilii Vasilevich (1856-1919).

Rudnev, Vadim Viktorovich (1879-1940): One of the editors of *Sovremennye zapiski*.

Russkoe slovo: Prerevolutionary daily in Moscow.

Savinkov, Boris Viktorovich: Pseudonym V. Ropshin (1879-1925). Writer. Terrorist organizer.

Sazonov, Egor Sergeevich (1876-1910): Socialist Revolutionary terrorist.

Semenov, Iulii Fedorovich (1873-1947): Editor of *Vozrozhdenie*.

Shakhovskoi, Prince Dmitrii Alekseevich (1902-): Owner and chief editor of *Blagonomerennyi*. Later Archbishop Ioann of San Francisco region.

Shestov, Lev Isaakevich: Pseudonym of L.I. Shvartsman (1866-1938). Philosopher and literary critic. In Paris from 1920 on.

Shmelev, Ivan Sergeevich (1875-1950): Emigre prose writer.

Shteiger, Anatolii: Also Steiger (1907-1944). Young poet.

Slonim, Mark L'vovich (1894-1976): Emigre literary critic. One of the editors of *Volia Rossii* (Prague, 1922-32). Editor of *Novaia Gazeta* (Paris, 1931). Later in the U.S.A.

Slovtsov, R. Pseudonym of Nikolai Viktorovich Kalishevich (d. 1941). Journalist for *Poslednie novosti*.

Sobol' Andrei (1888-1926): Soviet writer. Committed suicide in Moscow on 12/5/26 after three unsuccessful attempts.

Sologub, Fyodor Kuzmich: Pseudonym of Teternikov (1863-1927).

Soloveichik, Samson Moiseevich (ca. 1889-): Socialist Revolutionary. Journalist for Kerenskii's *Dni*.

Solov'ev, Vladimir Sergeevich (1853-1900): Well-known Russian idealist philosopher, poet, critic.

Solov'eva, Poliksena Sergeevna (1867-1924): Younger sister of Vladimir Solov'ev. Author. Intimate friend of Z. Gippius.

Sosinskii, Bronislav Bronislavovich (1903-197?): Minor writer. Belonged to the Reznikov group.

Sovremennye zapiski: Most valuable and generally outstanding emigre periodical. Published in Paris from 1920-1940 (70 volumes). Conceived as a "thick journal." First editors: M.V. Vishniak, A.I. Gukovskii, V.V. Rudnev. They were joined by N.D. Avksent'ev and I.I. Fondaminskii. Stepun and Tsetlin were its literary editors.

Stankevich, Nikolai Vladimirovich (1813-1840): Head of a philosophical circle.

Starets: This probably was the old Count Olsufiev, a member of the Tsarist State Council before 1917, later owner of a publishing house ("Milavida") in Munich.

Stein, S.I. Contributor to *Novyi Grad* (Paris, 1931-39), a journal founded by Ilia Bunakov-Fondaminskii, Fyodor Stepun, and Georgii Fedotov.

Stepun, Fyodor Avgustovich: Pseudonym of N. Lugin (1884-1965). Philosopher and literary scholar. Author of *Nikolai Pereslegin*, a novel.

Struve, Mikhail Aleksandrovich (1890-194?): A minor poet.

Sviatopolk-Mirskii, Dmitrii Petrovich (1890-1939): Author of *History of Russian Literature.* Emigre. Returned to the Soviet Union in 1928. Eventually he was sent to Siberia, where he perished. Posthumously rehabilitated; but his work has not yet been republished in the U.S.S.R.

Svoboda: Newspaper based in Warsaw 1920-21. In 1921 renamed *Za svobodu*. Edited by D.V. Filosofov.

Teffi, N. Pseudonym of Nadezhda Aleksandrevna Bichunskaia, née Lokhvitskaia (1872-1952). Playwright, poet, author of humorous short stories. Sister of the poetess Mirra Lokhvitskaia.

Terapiano, Iurii Konstantinovich (1892-): Poet, critic in exile.

Tiutchev, Fyodor Ivanovich (1803-1873).

"Tiutchev": Khodasevich's article on Tiutchev, published in *Vozrozhdenie*, Dec. 6, 1928.

Tolstoi, Aleksei Nikolaevich (1883-1945).

Tsetlin, Mikhail Osipovich: Pseudonym of Amari (1882-1945). One of the editors of the journals *Okno, Novyi Zhurnal,* and *Sovr. Zap.* The Tsetlins had a literary and political salon in Paris.

Tsekh poetov (1911-14 and 1921-23): Founded by Gumilev. Published four collections of poems and articles.

Tsvetaeva, Marina Ivanovna (1892-1941): Left Russia in 1922, lived in Prague, Berlin and Paris, returned to the Soviet Union in 1939 where she committed suicide.

Ukhvat: Short-lived humoristic emigre cartoon periodical.

Vakar, Nikolai Platonovich (1894-ca. 1950): A journalist; one of the editors of *Poslednie novosti.*

Veidle, Vladimir Vasilievich: Also Weidlé (1895-). Emigre since 1924. Critic, art critic, essayist, poet.

Versty: Russian emigre journal in Paris, 1926-28. Editors: Prince Sviatopolk-Mirskii, and others. Collaborators: A. Remizov, M. Tsvetaeva, L. Shestov. This journal published emigre as well as Soviet literature. Published Babel, Belyi, Pasternak, Tynianov, Sel'vinskii, Remizov, Tsvetaeva, Berdiaev, Shestov.

Vesy: Russian literary and critical bibliographical monthly journal. Published 1904-09 in Moscow. Publisher: S.R. Poliakov. Editor: V.J. Briusov.

Vinaver, Maksim Moiseevich (1862-1926): Lawyer, journalist, member of the C.D. Party. Active in struggle for Jewish civil rights. The editor of *Zveno,* a literary supplement weekly to *Poslednie novosti.*

Vishniak, Mark Veniaminovich (1883-1976): Journalist, editor of *Sovremennie zapiski.*

Vodovozov, Vasilii Vasil'evich (1864-?): Writer of popular brochures.

Vozrozhdenie: Russian daily paper in Paris (1925-36), then a weekly (1936-40), then a bimonthly (1949-54); from 1955 on a monthly. Editorship changed in 1927. (P.B. Struve was first editor). Merezhkovskii and Khodasevich contributed.

Weininger, Otto (1880-1903): Viennese philosopher and psychologist. Developed a

psychology of the sexes; postulated that every individual is determined by components of the opposite sex.

Zaitsev, Boris Konstantinovich (1881-1972): Emigrated in 1922. Writer.

"Zelenaia Lampa" (1926-1930s): Circle around the Merezhkovskiis in which not only literary but also religious-philosophical and political questions were discussed. Papers read were printed in *Noyi Korabl'.*

Zemnaia os': Collection of short stories by Briusov (1910).

Zlobin, Vladimir Ananevich (1894-1967): Merezhkovskii's personal secretary since 1916, a poet himself. Assisted Gippius with literary section of *Svoboda* (in Warsaw, 1920-21). Settled with Merezhkovskiis in 1920.

Zolotoe Runo: Symbolist monthly journal of art and literary criticism, published in Moscow 1906-09. Publisher and editor: P.P. Riabushinskii.

Zurov, Leonid Fedorovich (1902-1971): Writer, friend and secretary of I.A. Bunin.

Zveno: Weekly journal of literature and criticism (1923-25); then a monthly emigre publication in Paris (1926-28). Played important role in Paris literary life. Editors: M.M. Vinaver and P.N. Miliukov (and after 1926 M. Kantor). Main literary critic: Adamovich. Collaborators: K.V. Mochulskii, V.V. Veidle, N.M. Bakhtin, N.N. Berberova (and during the early period D.P. Sviatopolk-Mirskii and A. Ia. Levinson).